

РАЗСКАЗЫ
О
ВРЕМЕНАХЪ МЕРОВИНГОВЪ

Сочиненіе

ОГЮСТЕНА ТЪЕРРИ.

Версия PDF от 1 септември 2013 г. — <http://data.esmene.ru/thierry/>

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія О. И. Бакста.

1864.

Дозволено ценсурю. С. Петербургъ. Января 2 дня 1864 г.

СОДЕРЖАНІЕ

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.	1
Четыре сына Клотера I-го. — Нрав ихъ и браки. — Исторія Галесвинты.	
РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.	33
Послѣдствія убійства Галесвинты. — Междоусобіе. — Смерть Сигберта.	
РАЗСКАЗЪ ТРЕТІИ.	77
Исторія Меровига, втораго сына короля Гильперика.	
РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.	128
Исторія Претекстата, епископа руанскаго.	
РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.	173
Исторія Левдаста, турскаго графа. — Стихотворецъ Венанцій Фортунатъ. — Монастырь Радегонды въ Пуатье.	
РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.....	251
Гильперикъ-богослов. — Еврей Прискъ. — Продолженіе и конецъ исторіи Левдаста.	
РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.	289
Возмушеніе лиможскихъ гражданъ. — Повальная болѣзнь. — Материнское отчаяніе Фредегонды. — Исторія Клодовига, третьяго сына короля Гильперика.	

РАЗСКАЗЫ

О ВРЕМЕНАХЪ МЕРОВИНГОВЪ.

РАЗКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

ЧЕТЫРЕ СЫНА КЛОТЕРА I-ГО. — ПРАВ ИХЪ И БРАКИ. — ИСТОРИЯ
ГАЛЕСВИНТЫ.

(561 — 568).

Въ нѣсколькихъ льѣ отъ Суассона, на берегахъ небольшой рѣки, лежитъ деревня Брень. Въ VI вѣкѣ она была одною изъ тѣхъ огромныхъ фермъ, въ которыхъ короли франкскіе держали свой дворъ, предпочитая ихъ лучшимъ городамъ Галліи. Королевское жилище не представляло воинственнаго вида замковъ среднихъ вѣковъ: то было обширное строеніе, окруженное портиками римской архитектуры, иногда деревянное, тщательно выстроганное и украшенное довольно щеголеватую рѣзбою¹. Вокругъ главнаго зданія располагались въ порядкѣ жилища дворцовыхъ чиновъ, или изъ варваров, или римскаго происхожденія, и тѣхъ начальниковъ дружинъ, которые, по германскому обычаю, вступили съ своими войнами въ службу короля на особыхъ условіяхъ подчиненности и верности². Другіе дома, меньшаго размѣра, заняты были большимъ числомъ семействъ, въ которыхъ мужчины и женщины занимались всякаго рода ремеслами отъ

мастерства золотыхъ дѣлъ и выдѣлки оружія до тканья и кожевеннаго дѣла, отъ вышиванія шелкомъ и золотомъ до самаго грубаго пряденія льна и шерсти.

Семейства эти большею частію происходили отъ Галловъ, родившихся или на томъ участкѣ, который присужденъ былъ королемъ себѣ на долю при дѣлежѣ завоеванія, или насильно переведенныхъ съ женами и дѣтьми изъ какого-либо сосѣдняго города, для заселенія королевскаго помѣстья. Однако, судя по собственнымъ именамъ, въ числѣ этихъ семействъ были также Германцы и другіе варвары, которыхъ предки пришли въ Галлію вслѣдъ за побѣдоносными дружинами, въ качествѣ работниковъ или слугъ. Впрочемъ, эти семейства, безъ различія ремесла или происхожденія, всѣ считались въ одномъ разрядѣ и носили одно ими литовъ, на языкѣ германскомъ, и фискальскихъ, т.е. приписанныхъ къ фиску или казнѣ, на языкѣ латинскомъ³. Сельскія хозяйственныя строенія, конскіе заводы, хлѣвы, овчарни и житницы, лачуги земледѣльцевъ и избы помѣстныхъ рабовъ дополняли королевскую усадьбу, совершенно подобную, хотя въ большемъ размѣрѣ, волостямъ древней Германіи. Самое положеніе этихъ королевскихъ мѣстопробываній нѣсколько напоминало зарейнскіе виды: усадьбы эти большею частію были расположены на опушкѣ, а иногда и въ самой срединѣ обширныхъ лѣсовъ, въ послѣдствіи истребленныхъ, но остаткамъ которыхъ дивимся мы еще и понынѣ.

Брень была любимымъ мѣстопробываніемъ послѣдняго изъ сыновей Клодовига, Клотера, даже и тогда, когда смерть троихъ его братьевъ доставила ему королевскую власть на всемъ протяженіи Галліи. Тамъ сберегаль онъ, въ

потаенной комнатѣ, огромные сундуки за тройными замками, въ которыхъ хранились сокровища его: золотая монета, сосуды и драгоцѣнности; тамъ совершалъ онъ важнѣйшія свои государственныя дѣла: созывалъ соборы епископовъ галльскихъ городовъ, принималъ чужестранныхъ пословъ и предсѣдательствовалъ на большихъ собраніяхъ франкскаго народа, за которыми слѣдовали пиры по образцу сохранившихся въ преданіяхъ тевтонскаго племени, пиры, на которыхъ зажаренные кабаны и дикія козы цѣликомъ подавались на столъ, а по четыремъ угламъ комнаты стояли откупоренныя бочки⁴. Пока война съ Саксами, Бретонами или септиманійскими Готѣами не отзывала Клотера вдаль, онъ катался изъ одного помѣстья въ другое, переѣзжалъ изъ Брени въ Атиньи, изъ Атиньи въ Компьень, изъ Компьена въ Вербери, уничтожая по-очередно запасы, заготовленные въ каждомъ изъ королевскихъ помѣстьевъ потѣшаясь съ своими франкскими людьми, leudes⁵ охотою, рыбною ловлей или купаньемъ, и вербуя многочисленныхъ любовницъ между дочерями фискальскихъ семействъ. Нерѣдко эти женщины изъ ряда наложницъ переходили, безъ малѣйшаго затрудненія въ званіе его супругъ и королевъ.

Такимъ образомъ Клотерь, котораго браки трудно распредѣлить и перечислить, женился на Ингондѣ, дѣвушкѣ самаого низкаго рода. Впрочемъ, онъ не покинулъ своихъ распутныхъ привычекъ, которыя она, какъ жена и рабыня, переносила съ величайшею покорностію. Онъ очень любилъ ее и жилъ съ нею въ совершенномъ согласіи; однажды она ему сказала: «Король, господинъ мой, сдѣлалъ изъ рабыни все, что ему было угодно и призвалъ

меня раздѣлять съ нимъ ложе; онъ довершилъ бы эти великія милости, если бы исполнилъ ея просьбу. Въ числѣ слугъ твоихъ у меня есть сестра, по имени Арегонда; дай ей, прошу тебя, мужа храбраго и богатаго, дабы не терпѣла я за нее посрамленія». Просьба эта, подстрекнувъ любопытство короля, возбудила его сластолюбивыя вожделѣнія; онъ въ тотъ же день отправился въ помѣстье, гдѣ жила Арегонда, занимаясь изготовленіемъ и кранешьемъ тканей, ремеслами, предоставленными въ то время женщинамъ. Клотерь, найдя, что она по крайней мѣрѣ такъ же красива, какъ и сестра ея, взялъ ее съ собою, водворилъ въ королевскихъ покояхъ и возвелъ въ санъ своей супруги. Черезъ нѣсколько дней, онъ пришелъ къ Ингондѣ, и сказалъ ей съ лукаво-добродушнымъ видомъ, равно свойственнымъ его собственному и вообще германскому характеру: «Я не забылъ о милости, которую ты такъ откровенно у меня просила: искалъ для сестры твоей мужа богатаго и разумнаго, но лучше себя никого не нашель. Узнай же, что я сдѣлалъ ее своею супругой; я думаю, тебѣ это не будетъ противно». — Да исполнится воля государя моего; какъ будетъ ему угодно, отвѣчала Ингонда, нисколько не смутясь и отнюдь не выходя изъ своей покорности и супружескаго смиренія: — лишь бы меня, рабыни своей, не лишилъ онъ милости⁶.

В 561 году, послѣ похода на одного изъ своихъ сыновей, котораго, въ наказаніе за возмущеніе, Клотерь приказалъ сжечь съ дѣтьми и женою, возвратился онъ въ свои брэнскія хоромы, скопійный духомъ и совѣстью. Онъ занялся тутъ приготовленіями къ большой осенней охотѣ, бывшей у франковъ особеннымъ торжествомъ. Съ толпою людей, лошадей и собакъ, король отправился въ Кюизскіе

лѣса, отъ которыхъ Компьенскій лѣсъ, въ нынѣшнемъ его видѣ составляетъ послѣдній, ничтожный остатокъ. Тамъ, среди этихъ тяжелыхъ упражненій, несвойственныхъ его лѣтамъ, онъ заболѣлъ лихорадкой, приказалъ перенести себя въ ближайшее свое помѣстье и умеръ тамъ послѣ пятидесятилѣтняго царствованія⁷. Четыре сына его, Гарибертъ, Гонтранъ, Гильперикъ и Сигбертъ, проводили отцовскій гробъ въ Суассонъ, пѣли псалмы и несли восковые факелы.

Едва погребеніе было совершено, какъ третій изъ четырехъ братьевъ, Гильперикъ, поспѣшилъ въ Бренъ и заставилъ стражей королевскаго помѣстья выдать себѣ ключи отъ сокровищъ. Овладевъ богатствами, собранными отцомъ его, онъ началъ съ того, что роздалъ часть ихъ предводителямъ дружинъ и воинамъ, жившимъ въ Брени и ея окрестностяхъ. Они клялись ему въ вѣрности⁸, пожимая его руки, провозгласили его *конингомъ* и обѣщали слѣдовать за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ их⁹. Тогда, предводительствуя ими, онъ пошолъ прямо на Парижъ, старинное мѣстопробываніе Клодовига I-го, а впоследствии столицу королевства старшаго сына его, Гидельберта.

Может быть съ обладаніемъ города, бывшаго нѣкогда мѣстопробываніемъ завоевателя Галліи, Гильперикъ соединялъ мысль о первенствѣ; может быть, онъ имѣлъ въ виду только присвоеніе императорскаго дворца, занимавшаго строеніями и садами своими обширное пространство на лѣвомъ берегу Сены¹⁰. Предположеніе это весьма правдоподобно, потому что честолюбивые замыслы франкскихъ королей не простирались далѣе личнаго и немедленнаго стяжанія. — Впрочемъ, Гильперикъ, все еще сохраняя рѣзкій отпечатокъ

германскаго варварства, необузданные страсти и безжалостную душу, отчасти полюбиль уже и римскую образованность: охотно строился, потѣшался зрѣлищами въ деревянныхъ циркахъ, и въ довершеніе всего имѣль притязаніе быть грамотѣемъ, богословомъ и стихотворцемъ. Его латинскія вирши, рѣдко подчинявшіяся правиламъ метра и просодіи, находили восторженныхъ поклонниковъ между благородными галлами, которые рукоплескали имъ съ трепетомъ, восклицая, что знаменитый сынъ Сикамбровъ превзошелъ изяществомъ языка сыновъ Ромула, и что рѣка Вагаль послужить образцомъ самому Тибру¹¹.

Гильперикъ вступилъ въ Парижъ безъ всякаго сопротивленія и размѣстилъ своихъ воиновъ въ башняхъ, защищавшихъ мосты этого города, въ то время окруженнаго Сеной. — Но прочіе три брата, узнавъ о такомъ внезапномъ нападеніи, соединились противъ того, который самовольно хотѣль захватить долю отцовскаго наслѣдія, и быстрыми переходами пошли на Парижъ съ большими силами¹². Гильперикъ не дерзнулъ противостать имъ и, отказавшись отъ своего предпріятія, подчинился условіямъ любовнаго раздѣла. Этотъ раздѣлъ всей Галліи и значительной части Германіи совершенъ былъ по жребію, подобно тому, какъ полвѣка назадъ подѣлились между собой сыновья Клодовига. Составлено было четыре доли, соотвѣтствовавшія, съ небольшими измѣненіями, четыремъ участкамъ, носившимъ наименованія королевства Парижскаго, королевства Орлеанскаго, Нейстріи и Австразіи.

На долю Гариберта выпалъ участокъ дяди его Гильдеберта, то-есть королевство названное по имени города Парижа;

оно простиралось полосой отъ сѣвера къ югу и заключало въ себѣ Санли, Мелёнъ, Шартръ, Туръ, Пуатье, Сентъ, Бордо и города пиренейскіе. Гонтранъ получилъ, съ Орлеанскимъ королевствомъ, удѣломъ дяди своего Клодомира, всю землю Бургундовъ, отъ Соны и Вогезскихъ горъ до Альповъ и Прованскаго моря. Долю Гильперика составило владѣніе отца его — королевство Суассонское, которое франки называли Неостеръ-рикъ (Neoster-rik) или западнымъ королевствомъ, граничившее къ сѣверу Шельдою, къ югу теченіемъ Луары. Наконецъ, восточное королевство, или Остеръ-рикъ (Oster-rik) досталось на долю Сигберта, соединившаго такимъ образомъ въ своемъ участкѣ Овернь, весь сѣверозападъ Галліи и Германіи, до рубежей Саксовъ и Славянъ¹³. Впрочемъ, города, кажется, считались отдѣльно, и только число ихъ послужило основаніемъ въ составленіи этихъ четырехъ участковъ потому что независимо отъ странности подобнаго поземельнаго раздѣла, встрѣчается много черезполосныхъ владѣній, образованіе которыхъ невозможно объяснить иначе. Такимъ образомъ, Руанъ и Нантъ причислены къ гильперикову королевству, а Авраншъ къ королевству Гариберта, владѣвшаго Марселью; Арль принадлежалъ Гонтрану, а Авиньонъ Сигберту. Наконецъ, Суассонъ, столица Нейстріи, былъ какъ бы окруженъ четырьмя городами, Санли и Мо, Ланомъ и Реймсомъ, принадлежавшими двумъ королевствамъ, Парижскому и Австразійскому.

Когда жребій опредѣлилъ каждому особую часть городовъ и помѣстій, братья, присягнувъ на мощахъ святыхъ угодниковъ, обѣщали довольствоваться своею долей и не захватывать лишняго ни силою, ни хитростью. Клятва эта скоро была нарушена: Гильперикъ, воспользовавшись

отсутствіемъ брата своего, Сигберта, воевавшего въ Германіи, напалъ въ расплохъ на Реймсъ и овладѣлъ какъ имъ, такъ и многими другими сосѣдними городами. Но онъ не долго пользовался этимъ завоеваніемъ: Сигбертъ, возвратясь побѣдителемъ изъ-за Рейна, отнялъ одинъ за другимъ свои города, и преслѣдуя брата до самыхъ стѣн Суассона, разбилъ его и овладѣлъ столицею Нейстріи. — Имѣя общій характеръ варваровъ, у которыхъ горячность пылка, но не продолжительна, братья примирились и снова поклялись не предпринимать ничего другъ противъ друга. Оба они были буйны, заносчивы и мстительны; — напротивъ того, Гарибертъ и Гонтранъ, будучи старше и не такъ пылки, любили миръ и спокойствіе. вмѣсто грубой и воинственной осанки своихъ предковъ Гарибертъ любилъ принимать спокойный и нѣсколько мѣшковатый видъ властей, которыя въ галльскихъ городахъ творили судъ по римскимъ законамъ. — Онъ даже имѣлъ притязаніе слыть знатокомъ въ законовѣдѣніи и никакая лесть не была ему такъ пріятна, какъ похвала его судейской ловкости въ разборѣ запутанныхъ дѣлъ, или искусству, съ какимъ онъ, германецъ по языку и происхожденію, изъяснялся и спорилъ по-латыни¹⁴. Въ характерѣ короля Гонтрана, обыкновенно кроткое и почти патріархальное обращеніе, по странной противоположности, соединялось съ порывами внезапной ярости, достойной лѣсовъ Германіи. Однажды, за потерянный имъ охотничій рогъ, онъ предалъ пытку многихъ свободныхъ людей; въ другой разъ велѣлъ умертвить благороднаго франка по подозрѣнію въ убійствѣ буйвола въ королевскомъ помѣстьѣ. — Въ минуты хладнокровія, онъ показывалъ нѣкото́ре чувство порядка и законности, особенно выражавшееся въ его религіозномъ

усердіи и покорности епископамъ, которые въ тѣ времена были живымъ образцомъ благочинія.

Напротивъ того, король Гильперикъ, родъ полудикаго вольнодумца, подчинялся только своей прихоти, даже въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло касалось церковныхъ догматовъ и католической вѣры. — Власть духовенства для него была нестерпима, и онъ находилъ особенное наслажденіе уничтожать завѣщанія, составленныя въ пользу монастыря или церкви. — Нравы и поведеніе епископовъ были главнымъ предметомъ его застольныхъ остротъ и шутокъ; одного онъ честилъ безмозглымъ, другаго безстыдникомъ, того болтуномъ, а этого сластолюбцемъ. Возрастанію несмѣтныхъ богатствъ, которыми обладала церковь, вліянію въ городахъ епископовъ, воспользовавшихся со времени владычества варваровъ, большею частію правъ прежняго муниципальнаго управленія, — всему завидовалъ Гильперикъ, не находя средствъ присвоить ихъ себѣ. Вырывавшіяся у него жалобы были не безъ основанія, онъ говаривалъ часто: «Наша казна бѣднѣетъ, достояніе наше отходить на церкви! Истинно царствуютъ въ городахъ одни епископы¹⁵».

Всѣ вообще сыновья Клотера I-го, кромѣ Сигберта, самаго младшаго, были въ высшей степени невоздержны: они поичти никогда не довольствовались одной женою, покидали супругъ своихъ безъ всякаго сожалѣнія, тотчасъ послѣ брака, и потомъ снова возвращали ихъ къ себѣ, по минутной прихоти. Благочестивый Гонтранъ мѣнялъ женъ своихъ почти такъ же часто, какъ и оба другіе брата, и подобно имъ тоже держалъ наложницъ, изъ которыхъ одна, по имени Венеранда, была дочь галла, приписаннаго къ фиску. — Король Гарибертъ разомъ взялъ себѣ въ

любовницы двухъ сестеръ удивительныхъ красавицъ, бывшихъ въ числѣ прислужницъ супруги его, Ингоберги; одна изъ нихъ называлась Марковефа и была въ монашествѣ; другая звалась Мерофледой; обѣ онѣ были дочери ремесленника, занимавшагося выдѣлкою шерсти, родомъ варвара, и притомъ лита королевскаго помѣстья¹⁶.

Ингеберга, ревнуя своего мужа къ двумъ этимъ женщинамъ, употребляла всѣ возможныя старанія отстранить его отъ нихъ, но не успѣла. Не смѣя однако ни оскорбить своихъ соперницъ, ни прогнать ихъ, Ингоберга придумала хитрость, посредствомъ которой надѣялась отвратить короля отъ недостойной связи. Она призвала отца этихъ молодыхъ дѣвушекъ и заставила его на дворцовомъ дворѣ расчесывать шерсть. Когда онъ работаль, трудясь изо всѣхъ силъ, чтобъ выказать свое усердіе, королева, стоявшая у окна призвала мужа: — «Поди сюда» — сказала она: — «посмотри, какая тутъ новость». — Король подошелъ, поглядѣлъ во всѣ глаза и, не видя ничего, кромѣ чесальщика шерсти, нашель, что шутка ни куда не годится и разсердился¹⁷. За тѣмъ произошло горячее объясненіе между супругами и произвело дѣйствіе совершенно противное тому, котораго ожидала Ингоберга: она была отвергнута, а король женился на Мерофледѣ.

Вскорѣ, найдя, что одной законной жены ему не довольно, Гарибертъ торжественно возвелъ въ санъ супруги и королевы бѣдную дѣвушку, по имени Теодегильду, дочь пастуха. Спустя нѣсколько лѣтъ, Мерофледа скончалась и король поспѣшилъ вступить въ бракъ съ сестрою ея, Марковефой. Этимъ онъ впаль, по церковнымъ законамъ, въ двойное святотатство, какъ двоеженецъ, и какъ супругъ женщины, принявшей монашество. Рѣшительно

отказавшись отъ требованія парижскаго епископа, святаго Жерменя, расторгнуть второй бракъ, онъ былъ отлучень отъ церкви. Но тогда не настало еще время, когда дикая гордость наслѣдниковъ завоеванія склонялась предъ строгостью церкви: гарибертъ не утратился такого приговора и оставилъ при себѣ обѣихъ женъ своихъ¹⁸.

Изъ всѣхъ сыновей Клотера, современные рассказы приписываютъ Гильперіку наибольшее число королевъ, то-есть, женъ, сочетавшихся съ нимъ по французскому закону, кольцомъ и динаріемъ. У одной изъ такихъ королевъ, по имени Авдоверы, была въ услуженіи молодая дѣвушка, франкскаго происхожденія, по имени Фредегонда, одаренная такою примѣчательною красотою, что король полюбилъ ее съ перваго взгляда. Эта любовь, столь лестная для служанки, ставила ее однако въ опасное положеніе, потому-что подвергала ревности и мщенію госпожи. Но Фредегонда этого не страшилась: будучи столько же хитра, какъ и честолюбива, она задумала, не подвергая себя опасности, подвести законныя причины для разлученія короля съ Авдоверой. Если вѣрить преданію, ходившему сто лѣтъ спустя, она въ томъ успѣла, благодаря потворству епископа и простотѣ королевы. Гильперикъ, соединясь съ братомъ своимъ, Сигбертомъ, отправился за Рейнь, противъ народовъ саксонскаго союза; онъ оставилъ Авдоверу беременною уже нѣсколько мѣсяцевъ. Королева родила дочь прежде его возвращенія, и не зная, крестить ли ее въ отсутствіи мужа, совѣтовалса съ Фредегондой, которая, вполнѣ обладая искусствомъ скрытничать, не возбуждала въ королевѣ ни подозрѣнія, ни недовѣрчивости. — «Государыня», — отвѣчала служанка: — «когда король, господинъ нашъ, возвратится съ побѣдой,

увидить ли онъ радостно дочь свою не окрещенною¹⁹». Королева послушалась совѣта, и Фредегонда начала готовить тайными происками сѣти, въ которыхъ хотѣла уловить ее.

Когда наступилъ день крестинъ, — въ часъ, назначенный для совершенія обряда, крестильня украшена была тканями и цвѣтами; епископъ, въ святительскихъ ризахъ, уже дожидался; но воспріемница, благородная франкская женщина, не являлась, и ее ждали напрасно. Королева, смущенная такой помѣхой, не знала, на что рѣшиться, какъ вдругъ Фредегонда, стоявшая, блихъ нея, сказала: — «Что беспокоиться о крестной матери? Нѣтъ никого достойнѣ васъ быть воспріемницей вашей дочери; послушайте меня, будьте ей сами крестной матерью²⁰.» — Епископъ, вѣроятно, подговоренный заранѣе, совершилъ таинство крещенія, и королева удалилась, не понявъ, какое послѣдствіе имѣлъ для нея духовный обрядъ, ею исполненный.

По возвращеніи короля Гильперика, всѣ молодыя дѣвушки королевскаго помѣстья вышли встрѣчать его, съ цвѣтами и пѣніемъ хвалебныхъ стиховъ. Фредегонда, подойдя къ нему, сказала: — «Возблагодаримъ Господа за то, что король, господинъ нашъ, одержалъ надъ врагами побѣду, и что Богъ даровалъ ему дочь! Но съ кѣмъ господинъ мой проведетъ эту ночь? Королева, госпожа моя, — теперь кума твоя и крестная мать дочери своей, Гильдесвинды!» — Если не могу ночевать съ нею, то лягу съ тобой, весело отвѣчалъ король²¹». Подъ портикомъ дворца, Гильперикъ встрѣтилъ жену свою, Авдоверу, съ младенцемъ, котораго она съ горделивою радостью подала мужу; но король сказалъ ей съ притворнымъ сожалѣніемъ: — «Жена, въ простотѣ ума

своего ты совершила преступленіе; отнынѣ не можешь быть моею супругой²².» — И какъ бы строгій блюститель церковныхъ законовъ, король наказалъ ссылкой епископа, крестившаго его дочь, а королеву заставилъ немедленно съ собою разлучиться и, какъ вдову, принять монашество. Въ утешеніе, онъ подарилъ ей многія земли въ окрестностяхъ Манса (Mans), принадлежавшія фиску; и за тѣмъ женился на Фредегондѣ; отверженная королева, при шумѣ пированій этого новаго брака, отправилась въ обитель, гдѣ, черезъ пятнадцать лѣтъ, была умерщвлена по приказанію прежней своей служанки.

Между-тѣмъ какъ трое старшихъ сыновей Клотера жили такимъ образомъ въ распутствѣ и совокуплялись браками съ служанками, самый младшій, Сигбертъ, не подражая ихъ примѣру, питалъ стыдъ и омерзеніе къ разврату. Онъ рѣшился имѣть только одну супругу и притомъ избрать ее изъ королевскаго рода²³. Атамагильдъ, король Готовъ, водворившихся въ Испаніи, имѣлъ двухъ дочерей на-возрастѣ, изъ которыхъ меньшая, по имени Брунегильда, особенно славилась красотою; на нее-то палъ выборъ Сигберта. Многочисленное посольство съ богатыми дарами отправилось изъ Меца въ Толедо, просить у короля Готовъ руки его дочери. Глава посольства, Гогъ, или правильнѣе Годегизель, палатный мэръ Австразіи, человѣкъ искусный въ переговорахъ, успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе и привезъ изъ Испаніи невѣсту короля Сигберта. Всюду гдѣ ни проѣзжала Брунегильда, во время долгаго путешествія своего на сѣверъ, она прославилась, по свидѣтельству одного современника, прелестью обращенія, красотою, благоразуміемъ рѣчей и пріятнымъ разговоромъ²⁴.

Сигбертъ полюбилъ ее и въ-продолженіе всей своей жизни сохранилъ къ ней страстную привязанность.

Торжество бракосочетанія совершено было съ великою пышностію, въ 566 году, въ королевскомъ городѣ Мецѣ. Вся знать Австразійскаго Королевства приглашена была королемъ принять участіе въ празднествахъ этого дня. Съѣхались въ Мецѣ, со своими людьми и конями, графы городовъ и правители сѣверныхъ провинцій Галліи, патріархавльные вожди прежнихъ франкскихъ племенъ, оставшихся за Рейномъ, и герцоги Аллемановъ, Баваровъ и Торинговъ, или Тюринговъ²⁵. На этомъ оригинальномъ сборищѣ встрѣчались разныя степени образованности и варварства. Тутъ были и благородные Галлы, вѣжливые и вкрадчивые, и благородные Франки, надменные и суровые, и настоящіе дикари, одѣтые въ звѣриныя кожи, поражающіе грубымъ видом и обращеніемъ. Брачный пиръ былъ великолѣпенъ и оживленъ весельемъ; столы уставлены были золотыми и серебряными блюдами съ рѣзбою, плодами воинственныхъ грабежей; вино и пиво безпрестанно лилось въ кубки, украшенные дорогими камнями, и въ буйволовыя рога, изъ которыхъ обыкновенно пивали Германцы²⁶. Въ обширныхъ покояхъ дворца раздавались заздравные крики и привѣтствія пьющихъ, громкій говоръ, хохоть, все шумное выраженіе тевтонской веселости. За удовольствіями свадебнаго стола послѣдовала другая, болѣе-утонченная забава, доступная лишь немногимъ собесѣдникамъ.

При дворѣ австрійскаго короля находился тогда Итальянецъ Венанцій-Гонорій-Клеметіанъ Фортунатъ, путешествовавшій въ то время по Галліи и всюду принимаемый съ великимъ почетомъ. Онъ былъ челоѣкъ

ума поверхностнаго, но пріятнаго, занесшій изъ своей родины остатки той римской утонченности, которая тогда почти уже утратилась по ту сторону Альповъ. Представленный королю Сигберту тѣми изъ австразійскихъ епископовъ и графовъ, которые любили еще прежнюю образованность и о ней жалѣли, Фортунатъ удостоился милостиваго гостепріимства при полуварварскомъ мецскомъ дворѣ. Управляющимъ королевскою казною приказано было отвѣсть ему помѣщеніе, снабжать продовольствіемъ и лошадьми²⁷. Въ изъявленіе своей благодарности, онъ сдѣлался придворнымъ стихотворцемъ и посвящалъ королю и вельможамъ латинскія стихотворенія, которыя, правда, не всегда были для нихъ понятны, хотя они и принимали ихъ съ удовольствіемъ и хорошо за нихъ отплачивали. Брачныя празднества не могли обойтись безъ эпиталамы: нанцій Фортунатъ написалъ ее въ классическомъ вкусѣ и прочель передъ странною толпой, его окружавшей, съ такимъ же важнымъ видомъ, какъ-будто онъ всенародно читалъ ее на Траяновой-Площади, въ Римѣ²⁸.

Въ этомъ произведеніи, единственное достоинство котораго заключается въ томъ, что оно есть послѣдній и слабый отблескъ римскаго остроумія, Венера и Амуръ, два неизбѣжныя лица всякой эпиталамы, являются съ своею принадлежностію стрѣль, факеловъ и розъ. Амуръ поражаетъ стрѣлою прямо въ сердце короля Сигберта и спѣшитъ повѣдать своей матери это великое торжество. «Мать, — говоритъ онъ: — «я кончилъ битву!» — Тогда богиня и сынъ ея летятъ по воздуху въ градъ Мець, вступаютъ во дворець и убираютъ цвѣтами брачную комнату. Тутъ возникаетъ между ними споръ о

достоинствѣ обоихъ супруговъ; Амуръ стоитъ за Сигберта, котораго называетъ новымъ Ахилломъ, а Венера отдаетъ предпочтеніе Брунегильдѣ, изображая ее слѣдующимъ образомъ:

«О дѣва! Удивленіе мое и обожаніе супруга! Брунегильда, ты свѣтлѣе и блистательнѣй ээирной лампы! Игра алмазовъ уступаетъ блеску лица твоего; — ты другая Венера, и приданое твое владычество красоты. Ни одна изъ nereidy, плавающихъ въ моряхъ иберійскихъ, въ источникахъ Океана, не можетъ съ тобою сравниться; нѣтъ Напеи прекраснѣе тебя, и нимфы рѣчныя склоняются передъ тобою! Млечная бѣлизна и ярчайшій богрянецъ — цвѣтъ лица твоего: лилеи, перевитыя съ розами, злато, сотканное съ пурпуромъ, не могутъ съ нимъ сравниться, и уступаютъ ему поле битвы. Побѣждены сафиръ, алмазь, кристалль, изумрудъ и яшма; Испанія призвела на свѣтъ новый перль²⁹».

Эти общія мѣста изъ миѳологии и трескотня звонкихъ, но почти безъ всякаго смысла словъ, понравились королю Сигберту и тѣмъ изъ франкскихъ вельможъ, которые, подобно ему, кое-какъ понимали латинскіе стихи. Въ сущности, главные вожди варваровъ не питали рѣшительной вражды къ образованности. Они охотно принимали то, что принять были способны; но этотъ наружный лоскъ утонченности встрѣчалъ такія закоренѣлыя, дикія привычки, характеры до того свирѣпыя, что не могъ глубоко укорениться. Притомъ, за высшими лицами, которая только одни, изъ тщеславія или по аристократическому инстинкту, подражали обращенію прежняго туземнаго дворянства и искали его бесѣды, слѣдовала ватага франкскихъ воиновъ, подозрѣвавшихъ въ

подлости всякаго, кто умѣлъ читать, если только онъ не былъ испытанъ ими на дѣлѣ. Они при малѣйшемъ поводѣ къ войнѣ тотчасъ снова принимались грабить Галлію, какъ-будто во времена перваго вторженія; похищали и плавили драгоценные церковные сосуды, и въ самыхъ гробницахъ даже искали золота. Въ мирное время главнѣйшее занятіе ихъ состояло въ изобрѣтеніи разныхъ козней, съ цѣлію обратить своихъ сосѣдей галльскаго происхожденія, или въ нападеніяхъ по большимъ дорогамъ, съ копьями или мѣчами, на тѣхъ, кому желали отомстить. Самые миролюбивые проводили время въ чищеніи оружія, охотѣ или пьянствѣ. Угощая ихъ виномъ, у нихъ все можно было выманить, даже обѣщаніе покровительствовать посредствомъ короля тому или другому искателю на открывшееся епископство.

Безпрестанно тревожимые такими пришельцами, никогда не покойные ни за себя, ни за свое имущество, члены богатыхъ туземныхъ фамилій теряли душевное спокойствіе, безъ котораго погибають науки и искусства, или же увлеченные примѣромъ и какимъ-то инстинктомъ грубой независимости, которую даже образованность не можетъ искоренить изъ человѣческаго сердца, они обращались къ варварской жизни, и презирая все, кромѣ физической силы становились буйными и заносчивыми. Подобно франкскимъ воинамъ, они нападали на своихъ враговъ по ночамъ, въ ихъ жилищахъ или на дорогахъ, и никогда не выходили изъ дому безъ германскаго кинжала, называвшагося скрамасаксъ, или предохранительный ножъ. Такимъ образомъ, от одной силы обстоятельствъ исчезли въ Галліи, въ-теченіе полутора вѣка, и умственное развитіе и утонченность нравовъ, безъ всякаго участія въ

этой плачевной перемѣнѣ какой-либо злобной воли, или систематической вражды противъ римской цивилизаціи³⁰.

Бракъ Сигберта, его пышность и особенный блескъ, приданный ему высокимъ саномъ молодой супруги, призвели, по свидѣтельству современныхъ сказаній, сильное впечатлѣніе на умъ короля Гильперика. Ему казалось, что въ кругу своихъ наложницъ и женъ, съ которыми сочетался онъ, по обычаю древныхъ германскихъ вождей, безъ большихъ церемоній, онъ ведетъ жизнь не столь благородную, какъ младшій братъ его. Подобно ему, Гильперикъ рѣшился избрать себѣ супругу высокаго рода, и желая во всемъ подражать брату, отправилъ посольство къ королю Готовъ просить руки старшей его дочери, Галесвинты. Но это исканіе встрѣтило препятствія какихъ не было для пословъ Сигберта. Слухъ о распутствахъ нейстрійскаго короля проникъ въ Испанію; будучи образованнѣе Франковъ и болѣе тверды въ евангельскомъ ученіи, Готы громко говорили, что король Гильперикъ живетъ язычникомъ. Съ своей стороны, старшая дочь Атанагильда, отъ природы робкая и грустная, характера кроткаго, трепетала при мысли ѣхать такъ далеко и принадлежать подобному челоуѣку. — Мать ея, Гоисвинта, нѣжно ее любившая, раздѣляла отвращеніе, страхъ и печальныя предчувствія дочери. Король колебался и откладывалъ рѣшительный отвѣтъ со дня на день. Наконецъ, торопимый послами, онъ отказался отъ заключенія съ ними какого-либо договора, пока король ихъ клятвенно не обяжется удалить всѣхъ своихъ женъ и жить съ новою супругой по закону Божію. Гонцы отправились въ Галлію и возвратились съ положительнымъ обѣщаніемъ короля Гильперика оставить всѣхъ королевъ и наложницъ,

если только онъ получить достойную себя супругу и дочь короля³¹.

Двойной союзъ съ королями Франковъ, естественными сосѣдями и врагами короля Атанагильда, обѣщаль ему столько политическихъ выгодъ, что онъ пересталъ колебаться и, обнадеженный увѣреніями Гильперика, приступилъ къ заключенію условій брачнаго союза. — Тогда начались споры, съ одной стороны, о приданомъ, которое принесетъ съ собой будущая супруга, съ другой о томъ, что она получить въ утренній даръ отъ своего мужа послѣ первой ночи брака. По обычаю, принятому у всѣхъ народовъ германскаго происхожденія, дѣйствительно, супругъ, при первомъ пробужденіи новобрачной, дѣлалъ ей какой-либо подарокъ въ замѣну ея дѣвственности. Сущность и цѣнность этихъ подарковъ были весьма разнообразны: дарили то деньгами или драгоценными вещами, то упряжкою воловъ или коней, скотомъ, домами, или землями; но что бы ни было предметомъ подарка, онъ всегда назывался одинаково утреннимъ даромъ, morgengabe, или morgana-ghiba, смотря по разнымъ нарѣчіямъ германскаго языка. Переговоры о бракѣ короля Гильперика, съ сестрою Брунегильды, замедляемые пересылкою гонцовъ, длились до 567 года; они еще не были приведены къ окончанію, когда случившееся въ Галліи происшествіе облегчило ихъ заключеніе.

Гарибертъ, старшій изъ четырехъ франкскихъ королей, оставилъ окрестности Парижа, обыкновенное свое мѣстопробываніе, и переѣхалъ въ одно изъ своихъ помѣстій, близь Бордо, насладиться климатомъ и произведеніями полуденной Галліи. Тамъ онъ умеръ почти скоропостижно; смерть его произвела въ государствѣ

Франковъ новый переворотъ въ поземельномъ раздѣлѣ. Лишь-только закрылъ онъ глаза, какъ одна изъ женъ его, Теодегильда, дочь пастуха, захватила королевскія сокровища и, желая сохранить титулъ королевы, отправила къ Гонтрану предложеніе на ней жениться. — Король очень-милостиво принялъ посланіе и отвѣчалъ съ видомъ искренняго чистосердечія: — «скажите ей, чтобъ поспѣшала прибыть съ своими сокровищами, ибо желаю вступить съ нею въ бракъ и возвеличить ее въ глазахъ народовъ; я хочу даже, чтобы она пользовалась при мнѣ бѣльшимъ почетомъ, нежели при покойномъ моемъ братѣ³².» Обрадованная такимъ отвѣтомъ, Теодегильда велѣла нагрузить повозки мужнынымъ богатствомъ и отправилась въ Шалонъ-на-Сонъ, мѣстопробываніе короля Гонтрана. Но по прїѣздѣ ея, король вовсе не занимаясь ею, осмотрѣлъ кладъ, пересчиталъ повозки и велѣлъ взвѣсить сундуки; потомъ сказалъ окружавшимъ его: — «Не лучше ли сокровищамъ этимъ принадлежать мнѣ, нежели этой женщинѣ, которая не стоила чести, какую оказалъ ей братъ мой, принявъ на свое ложе³³»? Всѣ были согласны съ этимъ мнѣніемъ; сокровища Гариберта сложены были въ сохранное мѣсто, а ту, которая нехотя сдѣлала ему такой прекрасный подарокъ, король велѣлъ проводить въ Арльскій монастырь подъ прикрытіемъ.

Никто изъ братьевъ Гонтрана не оспаривалъ у него обладанія деньгами и драгоценностями, которыя онъ присвоилъ этою хитростью; имъ предстоялъ споръ съ нимъ и между собою о предметахъ болѣе важныхъ. Въмѣсто четырехъ частей, надлежало раздробить галльскую землю на три доли, и съ общаго согласія раздѣлить города и области, составлявшія королевства Гариберта. Это новое

распредѣленіе сдѣлано было еще страннѣе и безпорядочнѣе перваго. Парижъ разделѣнъ былъ на-трое и каждый изъ братьевъ получилъ по равной части. Въ избѣжаніе опасности отъ нечаяннаго нападенія, ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ вступать въ городъ безъ согласія двухъ другихъ, подѣ страхомъ потери не только своей доли Парижа, но и всей части гарибертова королевства. Это условіе было утверждено торжественною клятвою на мощахъ трехъ уважаемыхъ угодниковъ, Иларія, Мартина и Поліевкта, гнѣвъ которыхъ призывался въ здѣшней и будущей жазни на голову того, кто измѣнитъ своему слову³⁴.

Подобно Парижу былъ раздѣленъ городъ Санли, но только на двѣ части. Изъ другихъ городовъ, вѣроятно про расчисленію взимаемыхъ съ нихъ повинностей, но впрочемъ безъ всякаго вниманія къ ихъ взаимному положенію, составлено было три доли. Отъ этого географическая запутанность увеличилась еще болѣе прежняго; чрезполосныя владѣнія умножились; королевства были между собою, такъ-сказать, перебиты. Король Гонтранъ получилъ, по жребію, Мелёнъ, Сентъ, Ангулемъ, Ажанъ и Перигё. Мо, Вандомъ, Авраншъ, Туръ, Пуатье, Альби, Консеранъ и ниже-пиренейскіе округи выпали на долю Сигберта. Наконецъ, Гильперіку, кромѣ многихъ городовъ, которыхъ историки не называютъ, достались Лиможъ, Кагоръ, Даксъ въ Бордо съ разрушенными нынѣ городами Бигоръ и Беарнъ и округами Верхнихъ Пиренеевъ.

Восточные Пиренеи не входили тогда въ составъ земель, подвластныхъ Франкамъ, а принадлежали испанскимъ Готамъ и служили сообщеніемъ съ ихъ землями въ Галліи,

простиравшимися отъ рѣки Оды до Роны. — Таким образомъ, нейстрійскій король, неимѣвшій до того времени ни одного города къ югу отъ Луары, сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ короля Готовъ, своего будущаго тестя. — Это взаимное ихъ отношеніе положило новое основаніе брачному договору и вслѣдъ за тѣмъ повлекло окончательное его заключеніе. — Въ числѣ городовъ, доставшихся Гильперіку, нѣкоторые были на границѣ атанагильдова королевства, другіе разсѣяны въ Аквитаніи, области, отнятой у Готовъ Клодовигомъ Великимъ. Выговорить для своей дочери, въ случаѣ ея вдовства, эти города, утраченные предками Атанагильда, было дѣломъ ловкой политики, и король Готовъ не упустилъ этого изъ виду. Гильперикъ, по недостатку соображеній болѣе дальновидныхъ, чѣмъ временная выгода, а, можетъ быть, изъ желанія заключить во что бы ни стало брачный союзъ съ Галесвинтой, обѣщаль, ни мало ни колеблясь, подарить на случай вдовства, и въ видѣ утренняго дара, Лиможъ, Кагоръ, Бордо, Беарнъ и Бигоръ съ ихъ округами³⁵. При тогдашней сбивчивости понятій германскихъ народовъ о правѣ поземельной собственности и верховной власти, города эти могли со временемъ отойти изъ-подъ франкскаго владычества; но нейстрійскій король не предусматривалъ такъ далеко. — Думая лишь объ одномъ, онъ желалъ только выговорить себѣ, въ замѣну своихъ уступокъ, богатое приданое деньгами и драгоценными вещами. Когда статья эта была окончательно условлена, то не представлялось болѣе препятствій и бракъ былъ порѣшенъ.

При всѣхъ обстоятельствахъ этихъ долгихъ переговоровъ, Галесвинта не переставала питать сильнаго отвращенія къ

человѣку, которому ее предназначали и тревожилась смутными опасеніями на счетъ своей будущности. Ее не могли успокоить обѣщанія, данные франкскими послами отъ имени короля Гильперика. Когда ей объявили, что участь ея рѣшена невозвратно, она въ ужасѣ подбѣжала къ своей матери, и обвивъ ее руками, какъ дитя, ищущее спасенія, болѣе часа держала ее въ объятіяхъ и безмолвно плакала³⁶. Франкскіе послы явились привѣтствовать невѣсту своего короля и испросить приказаній ея насчетъ отъѣзда; но, увидѣвъ двухъ женщинъ, рыдающихъ на груди другъ у друга и обнявшихся такъ крѣпко, какъ-будто онѣ были связаны одна съ другою, послы, при всей своей суровости, были тронуты и не смѣли говорить о путешествіи. Два дня они обождали, а на третій снова явились къ королевѣ, объявивъ въ этотъ разъ, что спѣшатъ отъѣздомъ, и напомнивъ о нетерпѣннн своего короля и продолжительности странствія³⁷. Королева плакала и просила для своей дочери еще два дня отсрочки. Но на другой день, когда ей сказали, что все готово къ отъѣзду: «Еще денекъ, отвѣчала она, и больше просить не буду; знаете ли, что тамъ, куда вы везете дочь мою, тамъ у ней не будетъ матери³⁸»? — Но уже всѣ возможныя задержки были истощены; вмѣшался Атанагильдъ, какъ король и отецъ, и, не смотря на слезы королевы, Галесвинту сдали на руки тѣмъ, которымъ поручено было отвезть ее къ будущему супругу.

Длинная вереница всадниковъ, колымагъ и повозокъ съ кладью проѣхала по улицамъ Толедо и направилась къ свернымъ воротамъ. Король, верхомъ, проводилъ поѣздъ своей дочери до моста, устроеннаго на Таго, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; но королева не могла вернуться

такъ скоро и захотѣла провожать далѣе. Оставивъ свою колесницу, она пересѣла къ Галесвинтѣ, и, день-за-день, отъ привала до привала, невольно проѣхала болѣе ста миль разстоянія. — Всякій день она говорила: «Вотъ до того мѣста хочу доѣхать», но, достигнувъ его, ѣхала дальше. — По приближеніи къ горамъ, дороги сдѣлались трудны, она этого не замѣтила и хотѣла продолжать путь. Но такъ-какъ сопровождавшіе ее люди, увеличивая поѣздъ, умножали путевыя затрудненія и опасности, то готскіе вельможи рѣшились не пускать свою королеву ни одной мили дальше. Надлежало покориться неизбѣжной разлукѣ, иновыя трогательныя сцены, однако болѣе спокойныя, нежели прежде, повторились между матерью и дочерью. Королева нѣжными словами выразила свою горестъ и материнскія опасенія: — «Будь счастлива», — сказала она: — «но я старшусь за тебя; берегись, дочь моя, берегись...»³⁹. При этихъ словахъ, столь согласныхъ съ собственными предчувствіями Галесвинты, она заплакала и отвѣчала: — «Такъ Богу угодно; я должна покориться;» — и онѣ разстались.

Многочисленный поездъ раздвоился; всадники и повозки раздѣлились: одни продолжали слѣдовать впередъ, другіе возвращались въ Толедо. Не входя въ колесницу, которая должна была отвезть ее обратно, королева Готовъ остановилась на краю дороги, и устремляя взоры на повозку дочери, стояла неподвижно и все на нее глядѣла, пока повозка не скрылась въ отдаленіи за изгибами дороги⁴⁰. Галесвинта, грустная, но покорная своей долѣ, продолжала путь свой на сѣверъ. Ея свита, состоявшая изъ вельможъ и воиновъ обѣихъ націй, Готовъ и Франковъ, проѣхала Пиренеи, потомъ города Нарбонъ и Каркассонъ, все еще не

выходя изъ предѣловъ готскаго королевства, владѣнія котораго простирались до этихъ мѣстъ; потомъ, черезъ Пуатье и Туръ, она направилась къ городу Руану, гдѣ предназначено было совершить бракосочетаніе⁴¹. Передъ воротами каждаго большаго города поѣздъ останавливался и все готовилось къ торжественному въѣзду: всадники сбрасывали съ себя дорожные плащи, открывали сбрую своихъ коней и вооружались щитами, привѣшенными къ сѣдельной лукѣ. Невѣста нейстрійскаго короля оставляла тяжелую дорожную повозку и садилась въ парадную колесницу, окованную серебромъ и возвышавшуюся въ видѣ башни. Современный стихотворецъ, у котораго заимствованы эти подробности, видѣлъ вшествіе Галесвинты въ Пуатье, гдѣ она нѣсколько дней отдыхала; онъ говоритъ, что всѣ удивлялись пышности ея экипажа; но о красотѣ ея⁴², онъ не упоминаетъ.

Между-тѣмъ, Гильперикъ, вѣрный своему обѣщанію, развелся съ своими женами и распустилъ любовницъ. Даже Фредегонда, самая красивая и наиболѣе любимая изъ всѣхъ, которыхъ онъ возвелъ въ королевскій санъ, не могла избѣгнуть общаго изгнанія; она покорила съ притворнымъ самоотверженіемъ, съ такою готовностью, которая могла бы обмануть человѣка болѣе хитраго, ежели король Гильперикъ. Она, казалось, искренно сознавала и необходимость развода, и непрочность союза короля съ такой женщиной какъ она, и обязанность уступить мѣсто королевѣ, дѣйствительно достойной этого сана. Она только выпросила, какъ послѣднюю милость, не покидать дворца и вступить по-прежнему въ число женщинъ, составлявшихъ королевскую прислугу. Подъ этой личиной смиренія скрывалось глубокое коварство и женское

честолюбіе, которыхъ нейстрійскій король нисколько не стерегся. Съ того дня, какъ ему припала мысль жениться на королевской дочери, ему казалось, что онъ уже болѣе не любить Фредегонды и не замѣчаетъ красоты ея; душа его, какъ и всѣхъ вообще варваровъ, не была способна къ воспринятію вдругъ разнообразныхъ впечатлѣній. И такъ, безъ всякаго тайнаго умысла, вовсе не по слабости сердца, но просто от недостатка разсудительности, онъ дозволилъ прежней своей возлюбленной остаться при себѣ, и въ томъ же домѣ, гдѣ должна была поселиться новая его супруга.

Бракосочетаніе Галесвинты было отпраздновано съ такою же пышностію и великолѣпіемъ, какъ и сестры ея, Брунегильды, и даже оказаны были новобрачной необыкновенныя почести; всѣ нейстрійскіе Франки, вельможи и простые воины, клялись ей въ вѣрности, какъ самому королю⁴³. Ставъ полукругомъ, они обнажили мечи, и, потрясая ихъ въ воздухъ, произнесли старинную языческую клятву, обрекавшую острію меча того, кто нарушитъ слово. Наконецъ самъ король торжественно повторилъ обѣщаніе супружеской вѣрности и постоянства; и возложивъ руку на руку съ мощами, онъ поклялся никогда не разводиться съ дочерью короля Готовъ, и пока жива она, не брать себѣ другой супруги.

На брачныхъ празднествахъ, Галесвинта въ обращеніи съ гостями отличалась любезностію и добротою; принимала ихъ какъ будто давно была съ ними знакома; однимъ предлагала подарки, другихъ привѣтствовала кроткими, ласковыми рѣчами; всѣ увѣряли ее въ преданности и желали ей долгой и счастливой жизни⁴⁴. Эти желанія, которымъ не суздено было сбыться, провожали ее до самой опочивальни: вставъ на другой день, она получила

утренній даръ, съ обрядами, установленными германскими обычаями. Въ присутствіи избранныхъ свидѣтелей, король Гильперикъ взялъ правой рукойъ руку новой своей супруги, и бросивъ на нее изъ лѣвой руки соломину, произнесъ громкимъ голосомъ имена тѣхъ пяти городовъ, которы отнынѣ должны били принадлежать королевѣ. Вслѣдъ за тѣмъ составлена была на латынскомъ языкѣ дарственная записка на вѣчное и неоспоримое ими владѣніе; она не дошла до насъ; но, руководствуясь принятыми формами и иобыкновеннымъ складомъ другихъ памятниковъ временъ Меровинговъ, легко можно представить себѣ ея содержаніе:

«Поелику Богъ повелѣлъ, да оставитъ человекъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ оба въ плоть едину, и да не разлучатся тѣ, кого соединилъ Господь, — я, Гильперикъ, король Франковъ, мужъ именитый, тебѣ, Галесвинта, возлюбленная жена моя, сочетававшаяся со мною по закону салійскому, солидомъ и динаріемъ, дарую нынѣ, по нѣжной любви моей, яко вѣчно и утренній даръ, города: Бордо, Кагоръ, Лиможъ, Беарнъ и Бигоръ, съ ихъ землями и жителями⁴⁵. Почитай ихъ отъ сего дня своею собственностію, и владѣй ими вѣчно; вручаю ихъ тебѣ, передаю и утверждаю за тобой эту грамотой, какъ ознаменовалъ уже я соломиной и рукопожатіемъ (handelang)⁴⁶».

Новая королева провела первые мѣсяцы брака, если не счастливо, то по-крайней-мѣрѣ спокойно; кроткая и терпѣливая, она съ самоотверженіемъ переносила все, что было грубаго и строптиваго въ характерѣ ея мужа. При томъ, самъ Гильперикъ питалъ къ ней нѣкотре время настоящую привязанность; сначала полюбилъ онъ ее изъ

тщеславія, имѣлъ въ ней суругу столь же высокаго рода, какъ и братнина, потомъ, пресытаясь удовлетвореннымъ самолюбіемъ, любилъ ее изъ корысти, за огромныя суммы денегъ и большое число драгоцѣнностей, которыя она принесла за собою⁴⁷. Но, натѣшась перечисленіемъ всѣхъ этихъ сокровищъ, онъ пересталъ находить въ нихъ удовольствіе, и тогда ничто уже не привязывало его къ Галесвинтѣ. Онъ не могъ плѣняться нравственною ея красотой, смиреніемъ, благотворительностью къ бѣднымъ, потому-что душой и тѣломъ преданъ былъ только красотѣ тѣлесной. Такимъ образомъ, вскорѣ наступило время, когда, вопреки собственной рѣшимости, Гильперикъ ощущалъ при женѣ своей только холодность и скуку.

Фредегонда ждала этой минуты и воспользовалась ею съ обычною своею ловкостью. Ей стоило только встрѣтиться, будто случайно, съ королемъ, чтобы наружное сравненіе ея съ Галесвинтой вновь воскресило въ сердце этого чувственнаго человѣка прежнюю страсть, незаглушенную слабой вспышкой самолюбія. Фредегонда была взята въ наложницы и огласила новое торжество свое; въ обращеніи съ отвергнутою супругой она обнаружила даже презрѣніе и высокомеріе. Вдвойнѣ обиженная, какъ королева и супруга, Галесвинта сперва плакала молча; потомъ осмѣлилась жаловаться и говорить королю, что въ домѣ его нѣтъ ей никакого почета, а только позоръ и обиды, которыхъ она переносить не можетъ. Она какъ милости просила развода, и предлагала оставить все, что принесла въ приданое, лишь бы дозволено ей было возвратиться на родину⁴⁸.

Такой добровольный отказъ отъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, безкорыстіе гордой души, были чужды для короля Гильперика; не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія, онъ не могъ имъ повѣрить, и слова Галесвинты, не смотря на ихъ искренность, возбудили въ немъ только мрачное подозрѣніе и боязнь потерять открытымъ разрывомъ богатства, обладаніе которыми почиталъ за счастье. Смиривъ свои чувства и съ лукавствомъ дикаря скрывая мысли, онъ вдругъ перемѣнился въ обращеніи съ Галесвинтой, сталъ говорить съ нею кротко и ласково, изъявлялъ раскаяніе и любовь, обманувшія дочь Атанагильда. Она перестала говорить о разлукѣ и утѣшалась уже искреннею взаимностію, какъ однажды ночью, по повелѣнію короля, введенъ былъ въ ея комнату преданный ему слуга, и задушилъ ее сонную. Увидѣвъ ее мертвую на постели, Гильперикъ притворился удивленнымъ и огорченнымъ, даже сдѣлалъ видъ, будто плачетъ, а черезъ нѣсколько дней возвратилъ Фредегондѣ права жены и королевы⁴⁹.

Такъ погибла эта молодая женщина, которой, казалось, внутреннее откровеніе заранѣе предвѣщало участь, ее постигнушую; — грустный и кроткій образъ, мелькнувшій въ эпоху варварста Меровинговъ, какъ видѣніе инаго міра. Не смотря на упадокъ нравственнаго чувства, среди безчисленныхъ преступленій и бѣдствій, были однако и въ то время души, глубоко тронутыя столь мало заслуженнымъ несчастіемъ, и ихъ сочувствіе, согласно съ духомъ вѣка, приняло оттѣнокъ суевѣрія. Говорили, что въ день похоронъ Галесвинты хрустальная лампада, висѣвшая надъ ея гробницей, внезапно отвязалась сама-собою и, упавъ на мраморный помостъ, не разбилась и не погасла.

Для довершенія чуда увѣряли, что присутствовавшіе видѣли, какъ мраморъ уступилъ давленію, словно мягкій, и лампада до половины въ него погрузилась⁵⁰. Насъ, читающихъ это въ старыхъ книгахъ, написанныхъ людьми другаго вѣка, подобные разсказы заставятъ улыбнуться; но въ VI вѣкѣ, когда преданія эти переходили изъ устъ въ уста, какъ живое и поэтическое выраженіе народныхъ чувствъ и вѣрованій, слушая эти разсказы, задумывались и плакали.

¹ Venantii Fortunati Carmen, т. 1, стр. 326, издание Luchi.

² См. pactum legis Salicae, apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 159; а также, Marculf. Form., стр. 475.

³ Литъ, lite, lide, lete, late, на разныхъ нарѣчіяхъ древнегерманскаго языка означало человѣка низкаго или послѣдняго званія, хлѣбопашца, крѣпостнаго. Люди эти, вѣроятно, были потомки покоренныхъ племенъ; по-англійски little, малый, lesser, меньшій, last, послѣдній; по-нѣмецки letze послѣдній. — *Фискъ*, съ латинскаго fiscus, означало во времена римской имперіи государственную казну. См. Recueil des historiens de la France et des Gaules, т. IV, и Considérations sur l'histoire de France, гл. V.

⁴ Vita S. Vedasti, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 573.

⁵ Leude, leute, liude, собственно означало на древнихъ германскихъ нарѣчіяхъ людей, народъ; иногда имя это придавалось членамъ королевской дружины. — Здѣсь употреблено слово: *люди*, въ един. *людинъ*, основываясь на авторитетѣ Карамзина; см. Ист. Госуд. Росс., т. II, стр. 67 (изд. Эйнерлинга).

⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., lib IV, apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 205.

⁷ Ibid. стр. 214.

⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, apud. script. rer. gallic. et franc. т. II, стр. 205.

⁹ Верховный вождь и судія древнихъ Франковъ, избиравшійся въ одномъ и томъ же родѣ, назывался *коннингомъ*. Слово это имѣетъ одинаковое значеніе съ словомъ heri-zoghe, воевода, которое показывало только нисшую степень власти. На языкѣ завоевателей сѣверной части Галліи, король назывался «конингомъ»; это слово

сохранилось безъ измѣненія въ голландскомъ языкѣ. Впрочемъ значеніе слова *конингъ* или *кинингъ* гораздо обширнѣе нынѣшняго значенія слова *король*. Альфредъ въ посланіяхъ своихъ къ диктатору Цесарю, генералу Бруту и консулу Октавію, называетъ всѣхъ изъ безъ различія *конингами*; въ переводахъ съ латинскаго языка Евангелія, вмѣсто слова *гех*, царю Ироду даютъ попеременно титло *конинга* и *гери-цого*. См. *Lettres sur l'histoire de la France*, соч. Тьерри, письмо IX.

¹⁰ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, apud. script. rer. gallic. et franc. т. II, стр. 214.

¹¹ Venantii Fortunati carmin., lib. IX, стр. 560 и 580. — Greg. Turon., *Hist. Franc.*, lib. IV, apud. script. rerun gal. et franc. т. II, стр. 291. — *Вагалъ* — мѣстное названіе верхней части рѣки Мааса (Tacit. Ann. liv. II, § VI.

¹² Greg. Turon., *Hist. Franc.*, apud script. rerum gal. et franc. т. II, стр. 214.

¹³ Ibid. стр. 214.

¹⁴ Venant. Fortun. carm., стр. 560.

¹⁵ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 219.

¹⁶ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 215.

¹⁷ Ibid. стр. 215 и слѣд.

¹⁸ Ibid. стр. 215 и слѣд.

¹⁹ *Gesta reg. Franc.*, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 561.

²⁰ Ibid. стр. 561.

²¹ *Gesta reg. Franc.*, т. II, стр. 561.

²² Ibid.

²³ *Gesta reg. Franc.*, т. II, стр. 216.

²⁴ Ibid.

²⁵ *Gesta reg. Franc.*, т. II, стр. 216.

²⁶ Ibid.

²⁷ Venantii Fortunati carm., т. II, стр. 528.

²⁸ Ibid. стр. 487.

²⁹ Ibid. стр. 558.

³⁰ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, lib IV, т. II, стр. 227. — Ibid. lib. IX, стр. 342. — Ibid. lib. IV, стр. 210.

³¹ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 217.

³² Ibid. стр. 216.

³³ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 216.

³⁴ Ibid., стр. 295.

³⁵ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 344.

³⁶ Venantii Fortunati carm., стр. 561.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. стр. 562.

³⁹ Venantii Fortunati carm., стр. 562.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Adirani Valesii. rer. Franc., стр. 24.

⁴² Venantii Fortunati carm., стр. 562.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Formul. Bignon., apud script. rer. gallic. стр. 539. — Greg. Turon., Hist. Franc. т. II, стр. 344.

⁴⁶ Formul. Lindenbrog., apud script. rer. franc., томъ IV, стр. 555. — Комментаторы не объясняютъ слова *handelang*, которое должно значить *рукопожатіе*.

⁴⁷ Greg. Turon., Hirt. Franc., т. II, стр. 217.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 217. — Fortunati carm., стр. 463.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Послѣдствія убійства Галесвинты. — Междоусобіе. —
СМЕРТЬ СИГБЕРТА.

(568 — 575).

У Франковъ, и вообще у народовъ германскаго племени, лишь только совершено бывало убійство, ближайшій родственникъ покойнаго тотчасъ назначалъ свиданіе всѣмъ своимъ роднымъ и союзникамъ, призывая ихъ, именемъ чести, прибыть съ оружіемъ, потому-что съ того времени возгаралась война между убійцею и всѣми, кто былъ связанъ съ жертвою какими-либо узами родства. Какъ супругъ сестры Галесвинты, Сигбертъ обязанъ былъ исполнить этотъ долгъ мщенія. Онъ послалъ гонцовъ къ королю Гонтрану, который, ни мало не колеблясь въ выборѣ между двумя враждующими братьями, немедленно присталъ къ сторонѣ обиженнаго; но неизвѣстно, было ли то изъ повиновенія къ народнымъ обычаямъ, или, можетъ-быть, потому-что гнусное и низкое преступленіе короля Гильперика изгоняла его изъ семейнаго круга. Вслѣдъ за тѣмъ была объявлена война, и начались враждебныя дѣйствія, хотя не съ одинаковою ревностью со стороны

двухъ братьевъ, возставшихъ на третьяго¹. Сигбертъ, возбуждаемый мстительностью жены своей, Брунегильды, имѣвшей надъ нимъ неограниченную власть и внезапно обнаружившей свой въ высшей степени пылкій характеръ, хотѣлъ биться до послѣдней крайности; онъ не отступалъ даже отъ мысли о братоубійствѣ. Но Гонтранъ, по христіанскому-ли чувству, или по свойственной ему слабости воли, скоро промѣнялъ свою роль союзника на роль посредника. Просьбами и угрозами онъ склонилъ Сигберта не самоуправствовать, а законнымъ порядкомъ созвать миролюбиво народъ, и требовать его суда².

Дѣйствительно, по закону Франковъ, или, лучше сказать, по народнымъ ихъ обычаямъ, всякій, кто считалъ себя обиженнымъ, могъ избирать или частную войну, или общественный судъ; но лишь только приговоръ бывалъ произнесенъ, война становилась уже незаконною. Судебное собраніе называлось малъ (mâl), то-есть, совѣтъ. Чтобъ имѣть право быть въ немъ посредникомъ, надлежало принадлежать къ разряду землевладѣльцевъ, или, по германскому выраженію, къ числу почетныхъ мужей, аримановъ, (arimans)³. Въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по роду и важности предстоящихъ дѣлъ, судьи являлись въ собраніе въ полномъ вооруженіи и, не покидая оружія, усаживались на скамьяхъ, разставленныхъ въ кружокъ. До перехода черезъ Рейнъ и покоренія Галліи, Франки производили судъ на открытомъ воздухѣ, на холмахъ, освященныхъ древними религіозными обрядами. Принявъ, послѣ своего завоеванія, христіанство, они оставили этотъ обычай, и малъ созывался королями или графами въ каменныхъ или деревянныхъ строеніяхъ; но, не смотря на такую перемѣну, мѣсто засѣданій сохранило

название, данное ему прежде в языческой Германіи: его по старому продолжали звать, на древне-германскомъ языкѣ, Мальбергъ, Гора Совѣта⁴.

Когда воззваніемъ, обнародованнымъ въ трехъ франкскихъ королевствахъ, было повѣщено, что чрезъ сорокъ ночей (таково было принятое въ законахъ выраженіе) король Гонтранъ будетъ держать торжественный сеймъ для примиренія королей Гильперика и Сигрберта, то важнѣйшіе вожди и богатые владѣльцы прибыли, съ своими дружинами, въ назначенное мѣсто. Открылся торжественный судъ, о подробностяхъ котораго современныя писанія не упоминають; но вѣроятныя обстоятельства его можно отыскать въ различныхъ постановленіяхъ, актахъ и судебныхъ формулахъ. Изъ нихъ не трудно извлечь слѣдующіе факты, правда, только предполагаемые, но могущіе, до нѣкоторой степени, дополнить пропускъ историческихъ свидѣтельствъ.

Когда всѣ собрались, король Гонтранъ занялъ мѣсто на возвышенномъ креслѣ, а прочіе судьи сѣли на простыхъ скамьяхъ, каждый съ мечомъ на бедрѣ и служителемъ, стоявшимъ позади со щитомъ и копьемъ его. Призванный какъ истецъ, первый явился король Сигбертъ, и отъ имени жены своей, королевы Брунегильды, обвинялъ Гильперика въ умышленномъ участіи въ убіеніи Галесвинты, сестры Брунегильды. Срокъ въ четырнадцать ночей данъ былъ обвиняемому, чтобы онъ явился въ свою очередь и клятвенно оправдался⁵.

Законы Франковъ требовали, чтобы эта оправдательная клятва подтверждена была присягою извѣстнаго числа

свободныхъ людей, шести въ случаяхъ маловажныхъ, и до семидесяти двухъ въ дѣлахъ болѣе значительныхъ, или по важности фактовъ, или по высокому званію подсудимыхъ⁶. Обвиняемый долженъ былъ явиться въ кругъ, обставленный судейскими скамьями, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ, которые должны были произнести съ нимъ клятву. Тридцать шесть человекъ становилось по правую, и тридцать шесть по лѣвую его руку; послѣ того, по требованію главнаго судьи, онъ обнажалъ мечъ и клялся оружіемъ въ своей невинности; тогда свидѣтели, разомъ обнаживъ свои мечи, приносили на нихъ ту же клятву⁷. Никакое свидѣтельство, ни въ древнихъ хроникахъ, ни въ современныхъ актахъ, не даетъ повода думать, чтобы Гильперикъ пытался оправдаться судебнымъ порядкомъ, въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли; по всѣмъ вѣроятіямъ онъ предсталъ одинъ предъ собраніемъ Франковъ и сѣлъ, не сказавъ ни слова. Сигбертъ всталъ и трижды сказалъ судьямъ: «Повѣдайте намъ законъ салійскій»⁸.

Такова была установленная форма для требованія суда съ противникомъ, уличеннымъ собственнымъ своимъ признаніемъ, но въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на такое требованіе могъ быть данъ только послѣ продолжительныхъ преній, потому-что дѣло шло о преступленіи, къ которому общій законъ Франковъ можно было примѣнить только по аналогіи. Для предупрежденія, или, по-крайней-мѣрѣ, для скорѣйшаго окончанія частныхъ распрей, законъ этотъ постановлялъ, что, в случаѣ убійства, виновный долженъ заплатить наслѣдникамъ убитаго извѣстную сумму денегъ, соразмѣрную съ его званіемъ. За двороваго раба платили

отъ пятнадцати до тридцати пяти золотыхъ солидовъ, за лита изъ варваровъ, или за галло-римскаго данника, сорокъ-пять солидовъ; за Римлянина — владѣльца сто солидовъ и вдвое за Франка, или всякаго другаго варвара, подчиненнаго салійскому закону⁹. Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ пеня утроивалась, если убитый, рабъ или крѣпостной, Римлянинъ или варваръ, непосредственно зависѣлъ отъ короля, какъ слуга его, какъ вассаль, или какъ человѣкъ, занимавшій какую-либо общественную должность. Такимъ образомъ, за казеннаго селянина платили девяносто золотыхъ солидовъ; триста за Римлянина, допущеннаго къ королевскому столу, и шестьсотъ солидовъ за варвара, украшеннаго почетнымъ титуломъ, или состоявшаго въ дружинѣ, *antrusti*, то-есть, королевскаго приверженца¹⁰.

Пеня эта, по уплатѣ которой виновный избавлялся отъ дальнѣйшаго преслѣдованія и мести, называлась на германскомъ языкѣ веръ-гельдъ, *wer-gheld*, охранныя плата, а на латинскомъ композиція, *compositio*, потому-что прекращала войну между обидчикомъ и обиженнымъ. За убійство лицъ королевскаго сана не было установлено веръ-гельда; въ этомъ тарифѣ человѣческой жизни они стояли внѣ и выше всякой принятой закономъ оцѣнки. Съ другой стороны, варварскіе обычаи нѣкоторымъ образомъ давали князьямъ право на челоуѣкоубійство; и вотъ почему не распространивъ, посредствомъ толкованій, значенія салійскаго закона, нельзя было ни опредѣлить, что повелѣвалось имъ въ дѣлѣ, возникшемъ противъ короля Гильперика, ни назначить пеню, которую слѣдовало уплатить родственникамъ Галесвинты. Не имѣя возможности съ точностію судить по

закону, собраніе поступило по взаимному соглашенію и произнесло приговоръ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вотъ приговоръ достославнаго короля Гонтрана и благородныхъ мужей, засѣдающихъ въ Маль-Бергѣ. Города Бордо, Лиможъ, Кагоръ, Беарнъ и Бигоръ, которые Галесвинта, сестра наипревосходнѣйшей дамы Брунегильды, по прибытіи своемъ въ землю Франковъ, получила, какъ вѣдомо всякому, въ утренній даръ и вдовій участокъ, перейдутъ отъ сего дня во владѣніе королевы Брунегильды и ея наслѣдниковъ, дабы, чрезъ посредство таковой пени, возстановленъ былъ отнынѣ миръ Божій между достославными государями Гильперикомъ и Сигбертомъ¹¹».

Оба короля подошли одинъ къ другому, держа въ рукѣ небольшія древесныя вѣтви, которыми обмѣнялись въ знакъ честнаго слова, даннаго взаимно, однимъ — не покушаться возвратить того, что утратилъ онъ по приговору народа, другимъ — не требовать ни подъ какимъ предлогомъ большаго вознагражденія. — «Братъ», — сказалъ тогда австразійскій король: — «дарую тебѣ впредь миръ и безопасность за смерть Галесвинты, сестры Брунегильды. Отнынѣ тебѣ нечего бояться ни жалобъ моихъ, ни преслѣдованій, и если, не во гнѣвъ Богу, случится, что ты будешь потревоженъ или мною, или моими наслѣдниками, или кѣмъ-либо другимъ отъ ихъ имени, или снова будешь призванъ въ Совѣтъ за рѣченное убійство и данное мнѣ тобою вознагражденіе, то да будетъ оно вдвойнѣ возвращено тебѣ¹²». — Собраніе разошлось и оба короля разстались, повидимому, примиренные.

Король Гильперикъ никакъ не могъ сродниться съ мыслию, что онъ долженъ подчиниться рѣшенію суда въ удовлетвореніе за обиду; напротивъ того, онъ надѣялся возвратить со временемъ свои города, или вознаградить себя на счетъ владѣній Сигберта. Этотъ замыселъ, созрѣвавшій и таимый въ-продолженіе почти пяти лѣтъ, внезапно обнаружился въ 573 году. Гильперикъ, не имѣя точнаго понятія ни о положеніи, ни объ относительной важности городовъ, объ утратѣ которыхъ сѣтовалъ, зналъ, однако, что Беарнъ и Бигоръ были самые незначительные и самые отдаленные отъ средоточія его владѣній. Размышляя о средствахъ выручить силою то, что было уступлено противъ воли, Гильперикъ нашель, что планъ его завоеванія будетъ и удобнѣе въ исполненіи и выгоднѣе, если, въ замѣнъ двухъ небольшихъ городовъ, лежавшихъ близъ подошвы Пиренеевъ, онъ приобрѣтетъ города Туръ и Пуатье, обширные, богатые, и совершенно ему сподручные. Съ этой мыслию, онъ собралъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Анжерѣ войско, и ввѣрилъ надъ нимъ начальство Клодовигу, меньшому изъ трехъ сыновей, прижитыхъ имъ отъ Авдоверы, первой его супруги.

Безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, Клодовигъ пошелъ на Туръ. Не смотря на силу этого древняго города, онъ вступилъ въ него безъ сопротивленія, ибо Сигбертъ такъ же, какъ и оба другіе короля, содержалъ постоянный гарнизонъ только въ тѣхъ городахъ, гдѣ самъ имѣлъ пребываніе, а гражданамъ большею частію галльскаго происхожденія, все равно было которому изъ франкскихъ королей должны они повиноваться. Овладѣвъ Туромъ, сынъ Гальперика направился на Пуатье, который

также скоро отворилъ передъ нимъ свои ворота. Здѣсь Клодовигъ остановился, находясь какъ-бы въ центрѣ между Туромъ и городами Лиможемъ, Кагоромъ и Бордо, завоевать которые ему предстояло¹³.

Узнавъ о такомъ неожиданномъ нападеніи, король Сигбертъ отправилъ гонцовъ къ брату своему Гонтрану, прося его помощи и совѣта. Участіе, которое Гонтранъ принималъ шесть лѣтъ тому назадъ въ примиреніи двухъ королей, казалось, возлагало на него въ отношеніи къ нимъ нѣкоторую обязанность судіи, право взысканія съ того, кто не сдержалъ даннаго слова и нарушилъ приговоръ народный. Съ этою мыслию, согласною, впрочемъ, съ склонностью къ справедливости, составлявшею особенную черту его характера, онъ взялъ на себя трудъ усмирить враждебное покушеніе Гильперика и принудить его снова подчиниться условіямъ раздѣльнаго трактата и приговора Франковъ. Не дѣлая нарушителю клятвеннаго мира ни представленій, ни предварительнаго вызова, Гонтранъ отправилъ противъ Клодовига войско, подъ предводительствомъ лучшаго изъ своихъ военначальниковъ, Эонія Муммола, родомъ Галла, мужествомъ равнаго храбрѣйшимъ изъ Франковъ, но превосходившаго всѣхъ ихъ воинскими дарованіями¹⁴.

Муммоль, имя котораго было тогда знаменито, встрѣтится еще не разъ въ этихъ разсказахъ, въ то время только-что поразилъ въ нѣсколькихъ битвахъ и отгѣснилъ даже за Альпы народъ лонгобардскій, который, владѣя сѣверомъ Италіи, покушался проникнуть въ Галлію и грозилъ завоевать области, лежавшія близъ Роны. Онъ двинулся изъ Шалона-на-Сонѣ, столицы гонтранова королевства, съ быстротою, уже стяжавшею ему побѣды, и пошелъ на

городъ Туръ по дорогѣ чрезъ Неверъ и Буржъ. При его приближеніи, молодой Клодовигъ, возвратившійся въ Туръ съ намѣреніемъ выдержать тамъ осаду, рѣшилъ отступить и, въ ожиданіи подкрѣпленій, занялъ удобную позицію на пути къ Пуатье, не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. Между тѣмъ Турскіе граждане миролюбиво приняли галло-римскаго предводителя, занявшаго городъ именемъ короля Сигберта. Чтобы на будущее время они были менѣе равнодушны къ политическимъ событіямъ, Муммоль заставилъ всѣхъ ихъ присягнуть на вѣрность¹⁵. Если возваніе его къ епископу и турскому графу было согласно съ другими подобнаго рода актами, то всѣ горожане и жители городского округа, Римляне, Франки и всякаго инаго племени, получили приказаніе собраться въ епархіальную церковь и произнестъ передъ святынею клятву во имя всемогущаго Бога, нераздѣльной Троицы и страшнаго суда въ томъ, что въ совершенной чистотѣ, какъ истые литы, они пребудутъ вѣрными государю своему, достославному королю Сигберту¹⁶.

Между тѣмъ ожидаемое Клодовигомъ подкрѣпленіе прибыло въ его станъ близъ Пуатье. Оно состояло изъ толпы, собранной въ окрестностяхъ, и предводимой Сигеромъ и Василиемъ; первый былъ Франкъ, второй Римлянинъ, оба усердные сподвижники короля Гильперика и сильные по своему богатству. Войско то, многочисленное, но неустроенное, состоявшее большею частью изъ поселянъ и крестьянъ, образовало авангардъ нейстрійской арміи и первое сразилось съ воинами Муммола. Не смотря на свое мужество и даже ожесточеніе въ битвѣ, Сигерь и Василій не могли преградить пути на Пуатье величайшему, или лучше сказать единственному

тактику того времени. Атакованные съ фронта и фланговъ, они съ огромной потерей были опрокинуты на Франковъ Клодовига, которые тотчасъ же обратились в бѣгство и разсѣялись. Оба предводителя были убиты въ смятеніи, и сынъ Гильперика, не имѣя при себѣ довольно войска для обороны Пуатье, бѣжалъ по дорогѣ въ Сентъ. Овладевъ послѣ такой побѣды городомъ, Муммоль счелъ порученіе свое какъ-бы оконченнымъ, и, заставивъ гражданъ, подобно тому, какъ въ Турѣ, присягнуть на вѣрность королю Сигберту, возвратился въ королевство Гонтрана, не удостоивъ преслѣдованіемъ Нейстрійцевъ, бѣжавшихъ въ маломъ числѣ за своимъ королевичемъ¹⁷.

Клодовигъ не заботился о сборѣ своихъ войскъ и о возвращеніи въ Пуатье; но боясь встрѣтить преграду на дорогѣ къ сѣвѣру, или, можетъ-быть, изъ юношеской удали, вмѣсто того, чтобы двинуться къ Анжеру, продолжалъ слѣдовать въ противоположную сторону и направился къ Бордо, одному изъ пяти городовъ, которыми овладѣть было ему приказано¹⁸. Онъ явился у воротъ этого большаго города съ горстью людей, плохо вооруженныхъ, и на первый вызовъ его отъ отцовскаго имени, городскія ворота передъ нимъ растворились; фактъ удивительный, изъ котораго ясно открывается правительственное безсиліе королевской власти Меровинговъ. Въ такомъ большомъ городѣ не нашлось довольно войска для защиты владѣтельныхъ правъ королевы Брунегильды и верховной власти короля Сигберта отъ толпы бѣглецовъ, бездомныхъ и изнуренныхъ. Сынъ Гильперика могъ безпрепятственно водвориться въ немъ полнымъ властелиномъ и занять съ своими людьми палаты, принадлежавшія въ то время фиску, а когда-то составлявшія собственность

императоровъ, доставшуюся королямъ германскимъ вмѣстѣ съ наслѣдіемъ цезарей.

Молодой Клодовигъ почти уже мѣсяць жилъ въ Бордо, величая себя побѣдителемъ и представляя лицо вице-короля, когда Сигульфъ, одинъ изъ стражей пиренейской границы или маршіи осмѣлился выступить въ поле и сдѣлать нападеніе¹⁹. Эта граница, которую должно было оборонять отъ Готовъ и отъ Басковъ, вся принадлежала австрійскому королю, отъ имени котораго сдѣлано было воззваніе по обоимъ берегамъ Адурѣ. Нѣкоторыя указанія, почерпнутыя изъ послѣдующихъ фактовъ, даютъ поводъ думать, что, не желая оставить безъ войскъ свои укрѣпленія, герцогъ, или, какъ говорили на германскомъ языкѣ, марк-графъ²⁰ призвалъ къ ополченію всѣхъ жителей той страны; племя охотниковъ, пастуховъ и дровосѣковъ, почти столь же дикихъ, какъ сосѣди ихъ, Баски, заодно съ которыми они часто грабили купеческіе караваны, налагали дань на небольшіе города, или противились франкскимъ правителямъ. Тѣ изъ горцевъ, которые вняли призыву австразійскаго вождя, явились на сборное мѣсто, кто пѣшій, кто конный, съ обычнымъ своимъ оружіемъ, то-есть, въ охотничьей одеждѣ, съ коломъ въ рукѣ и съ трубкой или рогомъ черезъ плечо. Предводимые марк-графомъ Сигульфомъ, они вступили въ Бордо, ускоряя ходъ, какъ-бы для внезапнаго нападенія и направляясь къ той части города, гдѣ были расположены Нейстрійцы.

Внезапно достигнутые непріателемъ съ превосходными силами, они успѣли только вскочить на коней, посадить на лошадь своего принца, и окруживъ его, умчаться съ нимъ по направленію къ сѣверу. Сигульфовы люди съ ожесточеніемъ пустились ихъ преслѣдовать, одушевляясь

надеждою захватить въ плѣнъ королевскаго сына и истребовать за него богатый выкупъ, или, можетъ-быть, увлекаясь побужденіемъ народной ненависти къ франкскому племени. Для взаимнаго поощренія къ погони, или чтобъ сильнѣе задать бѣглецамъ страха, или просто отъ разгула южной веселости, они трубили на бѣгу въ охотничьи рога и трубы. Цѣлый день, припавъ къ гривѣ своего коня и побуждая его шпорой, Клодовигъ слышалъ за собою звуки роговъ и клики охотниковъ, гнавшихъ по его слѣдамъ, словно въ лѣсу за оленемъ²¹. Но къ вечеру, по мѣрѣ того, какъ становилось темнѣе, погоня постепенно замедлялась, и вскорѣ Нейстрійцы могли продолжать путь свой свободнымъ шагомъ. Такъ возвратился юный Клодовигъ на берега Луары, къ стѣнамъ Анжера, изъ котораго недавно вышелъ, предводя многочисленнымъ войскомъ²².

Такой забавный конецъ похода, столь нагло предпринятаго, навелъ на душу Гильперика мрачную и гнѣвную досаду. Не одна корысть, но и оскорбленная гордость побуждали его отважиться на все, лишь бы только возвратить свои зовованія и отвѣчать на вызовъ, который, казалось, ему сдѣлали. Рѣшась блистательно отмстить за оскорбленіе своей чести, онъ собралъ на берегахъ Луары войско, гораздо многочисленнѣе перваго и ввѣрилъ надъ нимъ начальство Теодеберту, старшему изъ своихъ сыновей²³.

Осторожный Гонтранъ разсудилъ на этотъ разъ, что новое вмѣшательство съ его стороны будетъ, по всей справедливости, бесполезно для примиренія братьевъ и конечно разорительно для него самого. Отказавшись отъ посредничества, онъ распорядился такъ, что въ случаѣ

неудачи могъ остаться въ сторонѣ и не мѣшаться въ распрю. Заботу о примиреніи обоихъ королевъ онъ возложилъ на духовный соборъ; по его приказанію, всѣ епископы королевства, по своему положенію не принимавшіе участія въ царской ссорѣ, съѣхались въ нейтральномъ городѣ Парижѣ, куда по раздѣльному договору, не могъ вступить ни одинъ изъ сыновей Клотера безъ согласія двухъ другихъ²⁴. Соборъ отправилъ нейстрійскому королю самыя убѣдительныя посланія, сохранять клятвенный миръ и не посягать на права брата. Но рѣчи и посланія были бесполезны. Гильперикъ, не внимая ничему, продолжалъ готовиться къ бою и члены собора возвратились къ королю Гонтрану съ единственнымъ плодомъ своего посольства: вѣстью о неизбѣжной войнѣ²⁵.

Между-тѣмъ, Теодебертъ перешелъ чрезъ Луару и совершилъ движеніе, представляющее нѣкоторое подобіе стратегическаго соображенія; вмѣсто того, чтобы, по примѣру младшаго своего брата, двинуться на Туръ, онъ пошелъ къ Пуатье, гдѣ австразійскіе вожди, начальствовавшіе въ Аквитаніи, сосредоточили свои силы. Главнѣйшій изъ нихъ, Гондебальдъ, имѣлъ неблагоразумную отважность сразиться на равнинѣ съ Нейстрійцами, превосходившими его своими силами и притомъ болѣе одушевленными, нежели войска, состоявшіе подъ его начальствомъ; онъ былъ совершенно разбитъ и въ одно сраженіе лишился всего²⁶. Побѣдители вошли въ Пуатье, и Теодебертъ владѣя этимъ городомъ въ центрѣ австразійской Аквитаніи, могъ свободно двинуться на любой изъ городовъ, которыми овладѣть ему надлежало. Онъ избралъ направленіе къ сѣверу и вступилъ

въ турскія земли, лежащія на лѣвом берегу Луары. По отцовскому ли приказанію, или по собственному своему внушенію, онъ вель войну жестокою, разнося всюду, гдѣ ни проходилъ, убійство и опустошеніе. Граждане Тура съ ужасомъ увидѣли со стѣнъ своихъ облака дыма, который, поднимаясь со всѣхъ сторонъ вокругъ, возвѣщаль пожары сосѣднихъ деревень. Хотя они и были связаны съ королемъ Сигбертомъ священной клятвой, однако, заглушивъ религіозныя опасенія, сдались на произволь побѣдителя и умоляли его быть только милосердымъ²⁷.

Покоривъ Пуатье и Туръ, нейстрійская армія осадила Лиможь, который отворилъ ей ворота, и изъ Лиможа пошла на Кагоръ. Въ этомъ долгом шествіи, путь ея означень былъ разореніемъ селеній, грабежомъ домовъ и оскверненіемъ святыни. Храмы были опустошены и преданы сожженію, священники умерщвлены, инокини изнасилованы и монастыри разрушены до основанія²⁸. При слухѣ о такомъ опустошеніи, общій страхъ распространился по всей Аквитаніи, отъ береговъ Луары до Пиренеевъ. Эта обширная и прекрасная земля, куда шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ вступили Франки не врагами туземныхъ (исконныхъ) жителей, но противниками Готовъ, первыхъ ея властелиновъ, поборниками православной вѣры противъ еретической силы; эта благородная страна, по которой дважды проносилась брань, не оставивъ слѣда за собою, гдѣ римскіе нравы распространялись почти неприкосновенно, и германскіе государи, властвовавшіе за Луарой, были извѣстны только своей ревностью къ благочестію, страна эта внезапно была исторгнута изъ спокойствія, которым наслаждалась около полувѣка.

Зрѣлище такихъ жестокостей и святотатствъ поражало умы изумленіемъ и скорбію. Войну Теодоберта въ Аквитаніи уподобляли гоненію Діоклетіана²⁹; съ простодушнымъ удивленіемъ сравнивали преступленія и разбои гильпериковыхъ войскъ съ благочестивыми подвигами Клодовига Великаго, сооружившаго и украсившаго такое множество храмов. Епископы и аквитанскіе сенаторы, весь патріотизмъ которыхъ заключался в христіанскомъ вѣрованіи, то разглашали хулы и проклятія въ библейскомъ духѣ, то рассказывали одинъ другому съ улыбкой надежды о чудесахъ, которыя, по общимъ слухамъ, совершались в разныхъ мѣстахъ въ наказаніе за безчинство варваровъ³⁰. Такъ называли они Франковъ, но слово это само-по-себѣ не заключало въ себѣ никакого оскорбительнаго смысла: оно служило в Галліи только для означенія господствующаго племени, подобно тому, какъ туземное племя называли Римлянами.

Основаніемъ этихъ народныхъ рассказовъ, которымъ изумленное воображеніе придавало суевѣрный оттѣнокъ, нерѣдко бывалъ самый простой случай. Въ нѣсколькихъ льѣ отъ Тура, на правомъ берегу Луары, былъ монастырь, знаменитый мощами святаго Мартина; пока Франки опустошали правый берегъ, десятка два изъ нихъ взяли лодку, съ намѣреніемъ переправиться на другую сторону и разграбить богатую обитель. Не имѣя для управленія лодкой ни багровъ, ни весель, они употребили на то свои копья, держа ихъ лезвее къ верху, а другимъ концомъ упираясь въ рѣчное дно. Иноки, видя приближеніе Франковъ, не могли усомниться въ ихъ намѣреніяхъ и вышли къ нимъ на встрѣчу, восклицая: — «Берегитесь, варвары! Берегитесь тутъ приставать: это монастырь

блаженнаго Мартина³¹» — Но не смотря на то, Франки высадились, перебили иноковъ, расколотили всю монастырскую движимость, похитили все, что было тамъ драгоцѣннаго, и, увязавъ, уложили на свое судно³². Лодка, дурно управляемая и черезъ мѣру нагруженная, наткнулась на одну изъ отмелей, засоряющихъ русло Луары, и сѣла на мель. Отъ колебанія, происшедшаго во время этой остановки, многіе изъ тѣхъ, которые управляли лодкой, стараясь всѣми силами сдвинуть тяжелое судно, оступились и попадали впередъ на остріе копій, воткнувшихся въ ихъ груди; другіе, объятые вмѣстѣ и ужасомъ и печалью, стали кричать о помощи. Тогда прибѣжали иноки, съ которыми Франки обошлись такъ дурно, и, подѣхавъ на лодкѣ, и удивленіемъ увидѣли случившееся. — Взявъ назадъ, по настоянію своихъ грабителей, всю добычу, похищенную въ монастырѣ, иноки отплыли къ берегу, съ пѣніемъ за упокой тѣхъ, которые погибли такимъ неожиданнымъ образомъ³³.

Между-тѣмъ, какъ это происходило въ Аквитаніи, король Сигбертъ собиралъ всѣ силы своего королевства. Чтобъ идти на Теодеберта и принудить Гильперика отозвать его и войти въ границы, назначенныя ему родственнымъ договоромъ. Онъ призывалъ къ оружію не только Франковъ съ береговъ Мааса, Мозеля и Рейна, но и всѣ зарейнскія германскія племена, признававшія власть или покровительство сыновей Меровинга. Таковы были Свевы, или Швабы, и Алеманы, — послѣдній остатокъ двухъ нѣкогда могущественныхъ союзовъ; Тюринги и Баивары, сохранявшіе свою народность подъ управленіемъ наслѣдственныхъ герцоговъ; наконецъ, многіе народы Нижней-Германіи, отдѣлившіеся или по доброй волѣ, или

насилъственно, отъ страшнаго союза Саксовъ, — враговъ и соперниковъ франкскаго владычества⁵⁴. Эти зарейнскіе народы, какъ ихъ тогда называли, были совершенные язычники, и если тѣ изъ нихъ, которые были ближе къ гальскимъ предѣламъ, приняли нѣкоторыя сѣмена христіанства, то страннымъ образомъ примѣшивали къ нимъ обряды старой своей религіи, принося въ жертву животныхъ, а въ торжественныхъ случаяхъ даже людей⁵⁵. Къ такимъ свирѣпымъ наклонностямъ присоединялись хищничество и жажда завоеваній, влекшія ихъ на западъ и подстрекавшія искать за рѣкою, подобно Франкамъ, своей доли въ добычѣ и земляхъ Галліи.

Франки это знали и съ недовѣрчивостью наблюдали за малѣйшими движеніями своихъ соплеменниковъ, всегда готовыхъ переселиться по ихъ слѣдамъ, или попытаться покорить ихъ. Для отстраненія этой опасности, Клодовигъ Великій сразился съ Швабами и Алеманами въ знаменитой битвѣ при Толбіакѣ. За пораженіемъ этого авангарда зарейнскихъ народовъ послѣдовали другія побѣды, одержанныя преемниками Клодовига. Теодерикъ покорилъ Тюрингскій народъ и многія племена Саксовъ, и самъ Сигбертъ выказалъ противъ послѣднихъ свою дѣятельность и мужество. Какъ король восточной Франціи и стражъ общей границы, онъ держалъ германскіе народы въ страхѣ и уваженіи къ королевской власти Франковъ; но вербуя ихъ въ свое войско и ведя подъ своими знаменами въ средоточіе Галліи, онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ старинную зависть и страсть къ завоеванію и воздвигнуть бурю, страшную вмѣстѣ и Галламъ и Франкамъ.

За то, что при извѣстіи о такомъ великомъ вооруженіи Австразіи, чувство безпокойства распространилось между

подданными не только Гильперика, но даже и Гонтрана, который самъ раздѣлялъ ихъ опасенія. — Не смотря на малую склонность свою затѣвать распрю безъ продолжительныхъ и сильныхъ на то побужденій, Гонтранъ не поколебался однако принять общее возстаніе за-рейнскихъ языческихъ народовъ за дѣйствие, враждебное всѣмъ христіанамъ въ Галліи, и на просьбу Гильперика о помощи далъ отвѣтъ благопріятный: — «Оба короля имѣли свиданіе», — говоритъ современный повѣствователь, — «и заключили союзъ подѣ взаимною клятвой ни одному изъ нихъ не попускать своего брата на погибель³⁶. Предвидя, что Сигбертъ вознамѣрился идти на юго-западъ и занять какой-либо пунктъ на дорогѣ между Парижемъ и Туромъ, Гильперикъ сосредоточилъ свои силы на восточномъ берегу Сены, для воспрепятствованія переправы. Гонтранъ, съ своей стороны, прикрылъ войсками сѣверную свою границу, не обезпеченную никакими естественными преградами, и самъ переѣхалъ въ Труа, для наблюденія за ходомъ дѣлъ.

Въ 574-мъ году, войска австразійскаго короля, послѣ продолжительнаго похода, подошли наконецъ къ Арсису-на-Обѣ. Тутъ Сигбертъ остановился, и не двигаясь далѣе, ждалъ донесеній лазутчиковъ. Чтобы вступить въ королевство Гильперика, не перемѣняя направленія, Сигбертъ долженъ былъ перейти Сену нѣсколько выше слиянія ея съ Обою, въ мѣстѣ, называвшемся тогда Двѣнадцать Мостовъ (les Douze-ports), а нынѣ Мостъ-на-Сенѣ (Point-sur-Seine); но всѣ мосты были сняты, лодки отведены, и нейстрійскій король стоялъ не вдалекѣ станомъ, готовый сразиться, если непріятель предпріиметъ переправу въ бродѣ³⁷. Льѣ въ десяти, безъ

малаго, къ югу, Сена съ обоими своими берегами принадлежала къ государству, или, какъ тогда выражались къ удѣлу Гонтрана. Сигбертъ немедленно потребовалъ отъ него свободнаго пропуска. Отправленное имъ требованіе было коротко и ясно: — «Если ты не дозволишь мнѣ переправиться черезъ рѣку въ твоемъ удѣлѣ, то я пойду на тебя со всѣмъ своимъ войскомъ³⁸».

Присутствіе этой страшной арміи сильно подѣйствовало на воображеніе короля Гонтрана, и тѣ же самыя опасенія, которая заставили его соединиться съ Гильперикомъ, побудили разорвать этотъ союзъ и нарушить клятву. — Всѣ подробности, которыя онъ узнавалъ черезъ своихъ лазутчиковъ и мѣстныхъ жителей о числѣ и наружности австразійскихъ войскъ, рисовали страшными красками передъ нимъ опасность, въ которую отказъ могъ бы его повергнуть. Дѣствительно, если войска меровингскихъ королей обыкновенно бывали безпорядочны, то эти, дикимъ буйствомъ своимъ, превосходили все, что было извѣстно со времени великихъ нашествій. Отборныя дружины состояли изъ населявшаго берега Рейна франкскаго народа, наименѣе образованнаго, и едва лишь проникнутаго христіанскимъ духомъ; большая часть войска была орда варваровъ въ полномъ смыслѣ слова. То были странныя лица, какія рыскали по Галліи во времена Аттилы и Клодовига, и съ-тѣхъ-поръ встрѣчались только въ народныхъ преданіяхъ; тѣ воины съ отвисшими усами и волосами, подобранными въ кисть на темени, которые метали топоромъ въ лицо непріятелю и поражали его издали зубчатыми копьями³⁹. Подобное войско не могло обойтись безъ грабительства, даже въ странѣ дружелюбной; но Гонтранъ предпочелъ лучше даже

подвергнуться какимъ-нибудь кратковременным грабежамъ, нежели навлечь на себя всѣ случайности вторженія и побѣды. Онъ далъ свободный пропускъ, вѣроятно, черезъ мостъ въ Труа, и свидѣлся въ этомъ городѣ съ братомъ своимъ Сигбертомъ, которому клятвенно обеѣщаль не-нарушимый миръ и искреннюю дружбу⁴⁰.

Узнавъ о такой измѣнѣ, Гильперикъ немедленно снялся съ позиціи своей на лѣвомъ берегу Сены и старался поспѣшнымъ отступленіемъ укрыться внутри своихъ владѣній. Онъ шель не останавливаясь до окрестностей Шартра и расположился станомъ на берегахъ Луары, близъ селенія Аваллоціумъ, что нынѣ Аллюи, (Alluue)⁴¹. Во время этого продолжительнаго шествія, его постоянно преслѣдовали и тѣснили непріятельскія войска. Нѣсколько разъ, Сигбертъ, думая, что онъ остановится, вызываль его, по германскому обычаю, на битву; но нейстрійскій король, вмѣсто отвѣта, ускоряль ходъ и продолжалъ свой путь. — Едва устроился онъ на новой позиціи, какъ вѣстникъ изъ австразійской арміи объявилъ ему слѣдующее предложеніе: — «Если ты не подлый человекъ, то готовъ поле битвы и прійми сраженіе⁴²». — Никогда подобный вызовъ, сдѣланный Франку, не оставался безъ отвѣта, но Гильперикъ потеряль всю свою природную гордость. Послѣ бесполезныхъ усилій избѣжать непріятели, доведенный до послѣдней крайности, и не чувствуя въ себѣ мужества вепря, окруженнаго псами, онъ прибѣгнулъ къ мольбамъ и просиль мира, обѣщая дать полное удовлетвореніе.

Сигбертъ, не смотря на свой строптивый характеръ, былъ однако великодушень; онъ согласился предать все забвенію, съ тѣмъ только, чтобы немедленно были ему

отданы города Туръ, Пуатье, Лиможь и Кагоръ, и чтобъ войска Теодеберта возвратились изъ-за Луары⁴³. Побѣжденный по собственному сознанию и вторично разочарованный въ своихъ надеждахъ, Гильперикъ присмирѣлъ, какъ звѣрь, пойманный въ тенета. Онъ даже выказалъ добродушіе, которое, казалось, смѣшано было въ германскомъ характерѣ съ самою звѣрскою свирѣпостію и самымъ хитрымъ эгоизмомъ, и безпокоился о томъ, что постигнетъ жителей четырехъ городовъ, которые ему подчинились. «Прости имъ, говорилъ онъ брату, и не въискивай съ нихъ; ибо если они тебѣ и измѣнили, то потому только, что я мечемъ и огнемъ къ тому ихъ принудилъ». Сигбертъ былъ столько человѣколюбивъ, что внялъ такому заступленію⁴⁴.

Оба короля казались очень довольными другъ другом, но въ австразійской арміи возникло сильное неудовольствіе. Войска, набранныя за Рейномъ, роптали на неожиданный миръ, лишившій ихъ добычи, которую они надѣялись приобрѣсть въ Галліи. Они негодовали на то, что были приведены издалека не для битвъ и поживы, обвиняли короля Сигберта въ томъ, что онъ отступился, когда долженъ былъ сразиться. Весь станъ былъ въ волненіи и готовился страшный бунтъ. Король, не обнаруживъ никакого смущенія, вскочилъ на коня и прискакалъ къ толпамъ, гдѣ вопяли мятежники. — «Что у васъ?» — спросилъ онъ: — «чего вы хотите?» — Битвы! Закричали они со всѣхъ сторонъ. Дай намъ случай подраться и добыть сокровищъ, иначе мы не воротимся во свояси⁴⁵. Эта угроза могла повлечь за собою новое занятіе земель въ нѣдрахъ Галліи и раздробленіе франкскаго господства; но Сигбертъ ни мало не смутился и, сохраняя твердый видъ, успѣлъ безъ

большаго труда усмирить гнѣвъ дикарей кроткими рѣчами и обѣщаніями.

Станъ сняли и войско тронулось обратно къ берегамъ Рейна. Оно пошло по парижской дорогѣ, но не вступало въ этотъ городъ, потому-что Сигбертъ, вѣрный своимъ обязательствамъ, уважалъ его неприкосновенность. Въ продолженіи всего пути, австразійскія дружины разоряли мѣста, по которымъ проходили, и окрестности Парижа долго помнили ихъ шествіе. Большая часть селеній и деревень была выжжена, дома разграблены и множество жителей отведено въ неволю, такъ что король не могъ ни предупредить, ни остановить подобныхъ насилій. «Онъ просилъ и увѣщевал», говоритъ древній сказатель: — «не дѣлать этого, но не могъ превозмочь буйства народовъ, пришедшихъ съ другаго берега Рейна⁴⁶».

Эти язычники входили въ церкви только для того, чтобъ обворовать ихъ. Въ богатой базиликѣ Сен-Дени, одинъ изъ вождей взялъ кусокъ шелковой ткани, вышитой золотомъ и усыпанной драгоцѣнными каменьями, покрывавшей гробницу мученика; другой не убоился влѣзть на самую гробницу достать оттуда и снять копьемъ изображеніе Св. Духа — золотого голубя, привѣшеннаго къ карнизу придѣла⁴⁷. Эти грабежи и святотатства оскорбляли Сигберта, какъ короля и какъ христіанина; но чувствуя слабость вліянія своего на духъ войска, онъ поступилъ съ нимъ, какъ дѣдъ его Клодовигъ съ воиномъ, разбившимъ реймсскую чашу⁴⁸. Пока армія шла, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы и скрывалъ свой гнѣвъ; но по возвращеніи, когда всѣ эти неукротимые воины, расходясь въ свои племена и жилища, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, онъ велѣлъ

схватить по одиночкѣ и предать смерти тѣхъ, которые наиболѣе отличились разбоемъ и неповиновениемъ⁴⁹.

Подобныя опустошенія, кажется, ознаменовали переходъ Австразійцевъ и чрезъ сѣверные предѣлы гонтранова королевства, и эта обида, тяжко его оскорбившая, повлекла разладъ между имъ и Сигбертомъ. Съ другой стороны, миролюбіе нейстрійскаго короля было непродолжительно; увидѣвъ себя внѣ опасности, онъ возвратился къ своей постоянной мысли и снова обратилъ жадные взоры на аквитанскіе города, которыми владѣлъ онъ короткое время. Ссора, возникшая между братьями, казалась ему благопріятнымъ обстоятельствомъ для возобновленія своего предпріятія; онъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, и менѣе, нежели чрезъ годъ по заключеніи мира, послалъ сказать Гонтрану: «Пусть братъ мой послѣдуетъ за мною, повидаемся, и съ-обща пойдемъ на врага нашего, Сигберта⁵⁰». Предложеніе это было очень-охотно принято; оба короля имѣли свиданіе, одарили другъ друга въ знакъ дружбы и заключили наступательный союзъ противъ австразійскаго брата. Гильперикъ, въ полной надеждѣ на успѣхъ, послалъ къ берегамъ Луары новыя войска подъ начальствомъ сына своего, Теодеберта, вторично переправившагося черезъ нее въ 575 году, а самъ вступилъ въ реймскія земли, составлявшія западный предѣлъ Австразійскаго Королевства. Его нашествіе сопровождалось такими же опустошеніями, какъ и война Теодеберта въ Аквитаніи; онъ жегъ селенія, уничтожалъ жатвы и грабилъ все, что только можно было взять съ собою⁵¹. Слухъ объ этихъ хищеніяхъ дошелъ до Сигберта въ одно время съ извѣстіемъ о составленномъ противъ него союзѣ. Онъ уже разъ просилъ Гильперика вопреки

настояніямъ своей жены, не хотѣвшей ни мира ни перемирія съ убійцей Галесвинты; теперь негодованіе его было взрывъ челоуѣка, простаго сердцемъ, но горячаго характеромъ, который вдругъ узнаеть, что его обманули. Онъ разразился ругательствами и проклятіями. Но этотъ кипучій гневъ, родъ горячки, припадокъ, который могъ снова утихнуть отъ покорности врага, не былъ надеженъ и не удовлетворялъ Брунегильду. Она привела въ дѣйствіе все вліяніе свое на мужа, чтобы вселить въ душу его болѣе обдуманную жажду мщенія и направить его злобу къ единственной цѣли, братоубійству. «Разсчитаться съ злодѣемъ», — таковъ былъ вопль сестры Галесвинты. На этотъ разъ, Сигбертъ ее послушалъ, и съ цѣлію биться на смерть снова воззвалъ къ восточнымъ Франкамъ и за-рейнскимъ народамъ, призывая ихъ къ войнѣ на Гильперика⁵².

Для возбужденія этихъ людей, такъ мало стоворчивыхъ къ борьбѣ отчаянной, австрійскій король обѣщаль имъ все: денегъ, добычи, даже города и земли въ Галліи. Онъ пошелъ прямо къ западу, на помощь реймской области, что избавило его отъ заботъ на счетъ перехода черезъ Сену. При его приближеніи, Гильперикъ, избѣгая битвы, какъ и въ прежнюю войну, отступилъ вдоль по теченію Марны и искалъ удобной позиціи около Нижней Сены. Сигбертъ преслѣдовалъ его до самыхъ стѣнъ Парижа; но тутъ остановился, польстясь мыслию завладѣть городомъ, который считался въ то время весьма крѣпкимъ, и устроить въ немъ складъ для военныхъ запасовъ, а в случаѣ нужды и вѣрное убежище. Какъ ни благоразумна была такая мысль, однако, повинувась ей, король австразіійскій поступилъ дерзко, чего безъ сомнѣнія не решился бы сдѣлать, еслибъ

жажда мщенія не заглушила въ немъ всякаго чувства совѣсти и страха.

По смыслу раздѣльнаго договора, заключеннаго восемь лѣтъ назадъ, Парижъ, размѣжеванный на три участка, считался городомъ нейтральнымъ, входъ въ который воспрещенъ былъ каждому изъ трехъ сыновей Клотера подъ самую священную клятвой — подъ опасеніемъ всевозможныхъ религіозныхъ страховъ. До-сихъ-поръ, ни одинъ изъ братьевъ не осмѣливался преступить клятву и презрѣть проклятія, призванныя на того, кто ее нарушилъ. Сигбертъ на это отважился: онъ предпочелъ скорѣе пожертвовать своей душою, нежели пренебречь единственнымъ средствомъ для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Парижъ, дѣйствительно, былъ ему необходимъ, какъ опорный пунктъ, или, употребляя новѣйшее выраженіе, какъ базисъ дальнѣйшихъ его дѣйствій, смотря по тому, хотѣлъ-ли онъ идти на западъ противъ Гильперика, или на югъ, противъ Теодеберта. Итакъ, вопреки договору, онъ потребовалъ сдачи города, и вступилъ въ него безъ всякаго сопротивленія, потому-что Парижъ былъ охраняемъ только заступничествомъ святыхъ Поліевкта, Гиларія и Мартина⁵³.

Учредивъ свое пребываніе въ Парижѣ, король Сигбертъ прежде всего занялся отправленіемъ войскъ противъ Гильперикова сына, который, объгая Аквитанію по прошлогодней дорогѣ, вступилъ уже въ Лиможъ. Полоса земли между городами Туромъ и Шартромъ, заключавшая въ себѣ области Шатодёнъ и Вандомъ, принадлежала Австразійскому королевству; Сигбертъ рѣшился набрать тамъ войско, дабы сбересть тѣмъ силы, приведенныя имъ съ собою. Вѣстники его ходили изъ села в село, призывая

всѣхъ свободныхъ мужей явиться въ назначенномъ мѣстѣ, въ какомъ кто могъ оружіи, отъ кирасы и копья до простаго ножа и окованной желѣзомъ дубины. Но ни въ городахъ, ни въ окрестностяхъ никто не отвѣчалъ на воззваніе, и не смотря на пеню въ шестьдесятъ золотыхъ солидовъ, налагаемую на ослушника королевскихъ повелѣній, жители Шатодёна, Вандома и окрестностей Тура не вооружались и не покидали жилищъ своихъ⁵⁴. Эти люди знали только одно, что земля ихъ составляетъ участокъ Сигберта, и что взимаемая съ нихъ подати принадлежать австразійской казнѣ; а такъ-какъ король, от котораго они зависѣли, не давалъ имъ прежде чувствовать своей правительственной власти никакимъ дѣйствіемъ, и какъ приказаніе это впервые отъ него исходило, то они и не обратили на него большаго вниманія.

Еслибъ такое страдательное сопротивленіе было продолжительно то оно заставило бы австразійскаго короля раздѣлить свои силы. Для скорѣйшаго и миролюбиваго прекращенія этого сопротивленія, Сигбертъ отправилъ искуснѣйшихъ своихъ переговорщиковъ, Годегизеля, палатнаго мэра, и Гонтрана, по прозванію Бозе, то-есть человѣка хитраго, пронырыливаго и смѣтливаго, одареннаго, не смотря на свое германское происхожденіе, такую гибкостью ума, которая составляла принадлежность только галло-римскаго племени. Оба Австразійца успѣшно выполнили свое порученіе и вскорѣ перешли черезъ Луару съ войскомъ, плохо вооруженнымъ, но довольно многочисленнымъ для того, чтобъ осмѣлиться помѣрить силы съ Франками Теодеберта⁵⁵.

Эти Франки, и безъ того сильно напуганные извѣстіемъ объ австразійскомъ вторженіи, встревожились еще болѣе,

когда узнали, что на нихъ идетъ войско, и что отступление имъ отрѣзано. Но Теодебертъ, какъ ни упало духомъ его войско, рѣшился, какъ истинный германскій вождь идти на встрѣчу неприятелю⁵⁶. Онъ выступилъ изъ Лиможа и шель занять позицію на берегахъ Шаранты, въ восьми или десяти миляхъ отъ Ангулема; во время этого перехода множество народа разбѣжалось, такъ-что передъ началомъ битвы онъ былъ почти всѣми оставленъ; не смотря на то, онъ сражался съ большимъ мужествомъ и былъ убитъ въ схваткѣ. Галльскіе поселяне, составлявшіе войско Годегизеля и Гонтрана-Бозе, не питали такого благоговѣнія къ потомкамъ Меровинга, какъ Франки: безъ уваженія къ длиннымъ волосамъ, отличавшимъ сына короля Гильперика отъ прочихъ, они обобрали его наравнѣ съ другими трупами и оставили нагимъ на полѣ битвы. Но вождь австразійскій, по имени Арнульфъ, убоился такого нечестія и хотя былъ врагомъ Теодеберта, однако съ почтеніемъ поднялъ тѣло юнаго принца, обмылъ его по обыкновенію и, облачивъ въ богатые одежды, похоронилъ на собственный счетъ въ городѣ Ангулемѣ⁵⁷.

Между-тѣмъ король Гонтранъ, вторично уступивъ наклонности своей къ спокойствію, или побуждаемый страхомъ, примирился съ Сигбертомъ. Гильперикъ узналъ объ этой новой измѣнѣ въ одно время съ вѣстію о смерти сына и истребленіи аквитанскаго войска. Приведенный этимъ двойнымъ несчастіемъ въ совершенное отчаяніе и помышляя только о спасеніи жизни, онъ оставилъ берега Сены, поспѣшно прошелъ чрезъ все свое королевство, и укрылся въ стѣнахъ Турнэ съ женою, дѣтьми и преданными ему воинами⁵⁸. Крѣпкое положеніе этого города, первобытной столицы франкскаго государства, побудило

Гильперика избрать въ немъ убѣжище. Въ ожиданіи осады, онъ занялся наборомъ людей и пополненіемъ боевыхъ запасовъ, пока Сигбертъ, свободный въ своихъ движеніяхъ по всей Нейстріи, забиралъ города этого королевства.

Заняв тѣ, которые лежали къ сѣверу и востоку отъ Парижа, онъ направился на западъ, рѣшась все завоеванное, и города и земли, отдать въ уплату своимъ за-рейнскимъ воинамъ. Намѣреніе это возбудило во всѣхъ Франкахъ, даже австразійскихъ, сильныя опасенія⁵⁹. Австразійцы не желали имѣть своихъ природныхъ враговъ сосѣдями въ Галліи, а Нейстрійцы, съ своей стороны, страшились утраты собственности, порабощенія, и всѣхъ бѣдствій, неразлучныхъ съ завоеваніемъ страны. Первые представили королю возраженія и роптали; вторые съ нимъ переговаривались. Обсудивъ между собою, какъ поступить въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, вожди и ариманы Нейстріи отправили къ Сигберту посланіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Франки, которые прежде стояли за короля Гильдеберта, а потомъ сдѣлались ленниками (*homines liges*) короля Гильперика, хотятъ нынѣ предаться тебѣ, и предлагаютъ, если прійдешь къ нимъ, поставить тебя королемъ надъ собою⁶⁰».

Таковъ былъ нѣсколько странный языкъ германской политики, и такимъ-то образомъ Франки пользовались правомъ покидать правившаго ими государя и переходить подъ власть другаго потомка Меровинга. Королевская сила каждаго изъ сыновей Клотера заключалась не столько въ обширности и богатствѣ земель, составлявшихъ ихъ владѣнія, сколько въ числѣ воиновъ, которые состояли подъ ихъ покровительствомъ, и, по германскому выраженію, повиновались устамъ ихъ⁶¹. Не было ничего

положительнаго, или постояннаго, въ распредѣленіи франкскаго народонаселенія между королями, силу которыхъ оно составляло; оно не соотвѣтствовало въ точности очертанію земель, такъ что иной государь могъ имѣть вассаловъ даже въ чужомъ королевствѣ. Между этими вассалами или людьми, самые преданные, самые полезные, какъ тогда выражались, были тѣ, которые, живя близъ короля и составляя его постоянную стражу, пользовались, въ видѣ платы, общимъ съ нимъ столомъ, или произведеніями его помѣстій. Менѣе можно было полагаться на вѣрность тѣхъ, которыя поселялись вдаль, въ собственныхъ своихъ жилищахъ, пользовались, съ королевскаго согласія, феоDOMъ или землями въ видѣ вознагражденія⁶². Они-то, для спасенія своей собственности, измѣнили дѣлу Гильперика и предложили королевство Сигберту; напротивъ того, первые, болѣе вѣрные, но не столь многочисленные, послѣдовали за бѣжавшимъ королемъ своимъ въ Турнэ. Сигбертъ съ радостію принялъ посольство и предложеніе Нейстрійцевъ; онъ увѣрилъ ихъ клятвою, что ни одинъ городъ не будетъ преданъ войскамъ на разграбленіе и обѣщаль прибыть въ собраніе, гдѣ, по обычаю предковъ, его должны были возвести на царство. Потомъ онъ совершилъ родъ военнаго обозрѣнія до предѣловъ Руана, и удостовѣрясь, что ни одинъ изъ крѣпкихъ городовъ на западѣ не расположенъ ему сопротивляться, возвратился въ Парижъ.

Брунегильда, желая предостеречь мужа отъ возврата къ братской любви и для личнаго надзора за исполненіемъ своего мщенія, оставила городъ Мець и прибыла къ Сигберту. Она была такъ увѣрена въ несомнѣнности своего

торжества, что предприняла это путешествіе съ обѣими дочерьми, Ингондою и Клодесвиндою, и сыномъ Гильдебертомъ, четырехъ-лѣтнимъ ребенкомъ. Повозки съ ея имуществомъ были наполнены сокровищами и всѣмъ, что только было у нея лучшаго изъ золотыхъ уборовъ и драгоценныхъ вещей⁶³. Казалось, она изъ женскаго тщеславія хотѣла всѣхъ ослѣпить и явиться въ одно и то же время и великолѣпною въ своемъ уборѣ и грозною для враговъ. Эта королева, еще юная и замѣчательная по красотѣ своей, лучше другихъ меровингскихъ супругъ соотвѣтствовала понятію о царицѣ, которое галльскій народъ создавалъ себѣ по преданіямъ римской имперіи. Дочь короля, рожденная въ странѣ, гдѣ королевская власть, хотя и въ варварскомъ племени, однако являла величіе совершенно царственное, Брунегильда вселяла общее уваженіе высокимъ родомъ и достоинствомъ своего обхожденія. Въ день ея вступленія въ Парижъ, жители толпами стремились къ ней на встрѣчу; духовенство и особы сенаторскихъ фамилій спѣшили привѣтствовать ее; но человекъ, который, по духовному и вмѣстѣ съ тѣмъ правительственному званію, стоялъ въ главѣ всего народа, епископъ Германъ или Жермень, чтимый нынѣ во святыхъ, не явился для встрѣчи.

То былъ поборникъ просвѣщенія и христіанской вѣры, одна изъ техъ нѣжныхъ организацій, которымъ зрѣлище римскаго міра, подвластнаго варварамъ, причиняло нестерпимое отвращеніе, и которыя истощали силы свои въ тщетной борьбѣ съ свирѣпымъ насиліемъ и страстями королей. Съ самаго начала междоусобной войны, святой Жермень старался быть посредникомъ между Гильперикомъ и Сигбертомъ, а по прибытіи послѣдняго,

тщетно возобновлялъ свое ходатайство и увѣщанія. Утомленіе и печаль разстроили его здоровье; онъ занемогъ и во время тѣлесныхъ страданій, настоящая и будущая судьба Галліи представлялись ему въ краскахъ еще болѣе мрачныхъ. — «Отъ-чего» — восклицалъ онъ: — «не имѣемъ мы минуты спокойствія? Отъ-чего не можемъ сказать, подобно апостоламъ, въ промежуткѣ двухъ гоненій: Вотъ наконецъ сносные дня⁶⁴»? Одержимый недугомъ, не будучи въ состояніи высказать Брунегильдѣ своихъ увѣщаній въ пользу міра, онъ изложилъ ихъ письменно. Письмо это, переданное ей церковникомъ франкскаго происхожденія, по имени Гондульфомъ, и дошедшее до насъ, начинается почтительными извиненіями и увѣреніями въ преданности; потомъ продолжается слѣдующимъ образомъ:

«Стану ли я повторять слухи, которые ходятъ въ народѣ? Они смущаютъ меня и я желалъ бы имѣть возможность скрыть ихъ отъ вашего свѣдѣнія? Говорятъ, что ваши совѣты и наущенія побуждаютъ преславнаго короля Сигберта къ упорному ожестченію въ погибели нашего края. — Если я повторяю подобные толки, то не потому-что имъ вѣрю, но дабы упросить васъ не давать никакого повода къ такимъ важнымъ обвиненіямъ. Хотя земля наша съ давнихъ уже поръ не можетъ назваться счастливою, однако мы еще не отчаиваемся въ Божіемъ милосердіи, которое властно остановитъ мстительную руку, лишь бы тѣ, на комъ возлежитъ правленіе, не увлекались жаждою убійства, любостыжаніемъ, источникомъ всякаго зла, и гнѣвомъ, потемняющимъ здравый разумъ⁶⁵.

«Богу это извѣстно, мнѣ и того довольно; я желалъ бы умереть для продленія ихъ дней, желалъ бы умереть

прежде ихъ, дабы не видѣть на глазахъ своихъ погибели ни ихъ самихъ, ни нашего края. Но они не перестаютъ пребывать въ непрерывной войнѣ и распрѣ; обвиняя другъ друга, ни мало не помышляя о судѣ Божіемъ и не желая ничего предоставить опредѣленію Его всемогущей воли. Какъ ни одинъ изъ нихъ мнѣ не внемлетъ, то я къ вамъ обращаю мое моленіе, ибо если, ради ихъ раздоровъ, королевство склонится къ гибели, то ни вамъ, ни дѣтямъ вашимъ великаго торжества въ томъ не будетъ. Да возрадуется же эта страна, принявъ васъ къ себѣ; явите, что вы призваны для спасенія, а не для погибели ея; укротивъ гнѣвъ короля, склонивъ его терпѣливо ждать суда Божіяго, вы разсѣете въ прахъ всѣ дурные толки народа⁶⁶.

«Съ горестью пишу къ вамъ объ этомъ, ибо знаю какъ ниспровергаются цари и народы, оскорбляющіе Господа. Кто надѣется на силу собственной руки своей, будетъ погранъ и не стяжаетъ побѣды; кто довѣрчиво полагается на многочисленность своихъ воиновъ, тотъ далекъ отъ безопасности и впадетъ въ страхъ смерти; кто величается сокровищами сребра и злата, тотъ подвергается поруганію и бѣдствію прежде, нежели насытитъ свое любостяжаніе. Такъ мы читаемъ во Св. Писаніи⁶⁷.

«Безславно побѣдить собственнаго брата, повергнуть въ униженіе родное семейство и разорить владѣніе, основанное предками. Кто ратуетъ другъ противъ друга, тотъ ратуетъ самъ противъ себя; каждый изъ нихъ стремится къ разрушенію собственнаго своего блага, а врагъ, стрегущій ихъ и уже близкій къ нимъ, радуется, видя ихъ погибель... Мы читаемъ, что царица Эсѳиръ была орудіемъ Бога для спасенія цѣлаго народа; возсіяйте же и вы благоразуміемъ и чистотою вашей вѣры, отклоняя

государя короля Сигберта отъ намѣренія, противнаго Божескому закону и даруя народу наслажденіе благами мира, пока вѣрный Судія не изглаголетъ суда своего. Кто отвергнетъ любовь братскую, пренебрежетъ увѣщанія супруги, не вонметъ гласу истины, на того всѣ пророки ополчатся глаголомъ; того всѣ апостолы поразятъ проклятіемъ и самъ Богъ разсудитъ его по своей всемогущей волѣ⁶⁸».

Чувство горести, напечатлѣнное на каждомъ словѣ этого письма, нѣсколько высокоомѣрная важность слога и даже презрительный способъ рѣчи о короляхъ, не называя ихъ, все это имѣло въ себѣ нѣчто повелительное; но все было бесполезно. Брунегильда имѣла характеръ въ высшей степени мстительный и непреклонный, образецъ котораго олицетворенъ въ древней германской поэзіи и въ женщинѣ того же имени⁶⁹. Она не обратила вниманія ни на угрозы религіи, ни на эти старыя предостереженія людской опытности въ превратность счастія. Ни мало не помышляя о своемъ положеніи, дѣйствительно затруднительномъ въ томъ случаѣ, если бы мужъ подвергся какой нибудь неудачѣ, она болѣе нежели когда-либо старала нетерпѣніемъ дожидаться отъѣзда его въ Турнэ, чтобъ нанести тамъ послѣдній ударъ и увѣнчать свою побѣду братоубійствомъ.

Сигбертъ послалъ сначала часть войска обложить Турнэ и начать осаду; самъ же готовился къ отправленію туда, гдѣ предназначено было поставить его королемъ западныхъ Франковъ⁷⁰. Ни Парижъ, ни другой какой городъ не могли быть удобны для этого обряда, которому надлежало совершиться на открытомъ воздухѣ, посреди воинскаго стана. Сборнымъ мѣстомъ избрано было казенное

помѣстье Нейстрійскаго королевства, Витрина-Скарпе, потому ли, что оно лежало невдалекѣ отъ Турнѣ, или, можетъ-быть, потому-что сѣверное положеніе дѣлало его болѣе удобнымъ для сбора франкскаго народа, который чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ гуще населялъ Галлію. Въ минуту отъѣзда, когда король отправлялся въ путь, въ сопровожденіи отборной дружины всадниковъ, всѣхъ однако вооруженныхъ раскрашенными щитами и копьями со значкомъ, внезапно предсталъ предъ нимъ мужъ, блѣдный, въ святительскомъ облаченіи; то былъ епископъ Жермень, возставшій съ одра болѣзни для послѣдней и торжественной попытки къ примиренію. — «Король Сигбертъ», — сказалъ онъ: «если ты идешь не съ тѣмъ, чтобы умертвить своего брата, то возвратишься здоровъ и побѣдоносенъ; но если у тебя другая мысль, то умрешь самъ, ибо рекъ Господь устами Соломона: копаяй яму для брата упадетъ въ ню⁷¹». Король ни мало не былъ смущенъ этой неожиданной рѣчью, намѣреніе его было твердо и онъ увѣренъ былъ въ побѣдѣ. Онъ проѣхалъ мимо, не отвѣтивъ ни слова, и скоро потерялъ изъ виду городскія ворота, за которыми жена и трое дѣтей остались до возвращенія его.

Проездъ Сигберта черезъ королевство, которое должно было сдѣлаться ему достояніемъ по праву избранія, казался предварительнымъ торжествомъ. Городскіе жители галльскаго происхожденія и духовенство встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ; Франки садились на коней и примыкали къ его поѣзду. Всюду раздавались клики на языкахъ латинскомъ и древне-германскомъ⁷². Отъ береговъ Сены до Соммы, Галло-Римляне, въ-отношеніи къ численности, были господствующимъ народомъ: но къ сѣверу отъ этой рѣки германскій оттѣнокъ обнаруживался

все болѣе и болѣе. Чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ чаще въ массѣ туземцевъ являлись лица франкскаго происхожденія: они не составляли, подобно тому, какъ въ центрѣ Галліи, только небольшія дружины праздныхъ воиновъ, разселенныхъ вдаль отъ другихъ, но жили племенами и земледѣльческими поселеніями по берегамъ болотъ и окраинамъ лѣсовъ бельгійской провинціи. Витри, близъ Дуэ, находился, такъ-сказать, на рубежѣ между этими двумя полосами; Франки сѣверные, хлѣбопашцы и фермеры, и Франки южные, боевые вассалы, съ равнымъ удобствомъ могли тамъ сойтись для введенія новаго короля. Одинъ только изъ числа богатыхъ владѣльцевъ и вождей Нейстрійскаго Королевства, по имени Ансовальдъ, не явился на сборище; отсутствіе его было замѣчено и въ-последствіи прославило его за вѣрность королю въ несчастіи⁷³.

Обрядъ совершился на равнинѣ, окруженной шатрами и ставками тѣхъ, кому, за недостаткомъ помѣщенія въ строеніяхъ помѣстья Витри, пришлось располагаться въ открытомъ полѣ. Франки, въ полномъ вооруженіи, образовали обширный кругъ, въ срединѣ котораго сталъ король Сигбертъ, въ кругу своихъ чиновъ и знатнѣйшихъ сановниковъ. Къ нему подошли четыре сильные воина, держа щитъ, на который они посадили короля и подняли на плечи. На такомъ подвижномъ тронѣ Сигбертъ трижды обнесенъ былъ по кругу, сопровождаемый вождями и привѣтствуемый толпою, которая, желая придать болѣе грома своимъ кликамъ, ударяла плоскою стороною мечей о щиты, окованные желѣзомъ⁷⁴. Послѣ третьяго круга, посвященіе короля по древнимъ германскимъ обрядамъ было совершено вполнѣ, и съ этой минуты Сигбертъ имѣлъ

право воспользоваться названіемъ короля Франковъ, какъ Остеръ, такъ и Неостеръ-Рика. Остальная часть дня и много послѣдовавшихъ за тѣмъ дней прошли въ увеселеніяхъ, примѣрныхъ битвахъ и великолѣпныхъ пирахъ, на которыхъ король, не жалѣя запасовъ, собранныхъ въ Витри, угощаль всѣхъ и каждого въ своемъ новомъ помѣстьѣ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, Турнэ, осажденный австразійскимъ войскомъ, былъ театромъ сценъ совсѣмъ инаго рода. Гильперикъ на сколько доступно было его грубой организаціи предаваться душевнымъ страданіямъ, чувствовалъ горестъ короля, всѣми покинутого и низложеннаго; Фредегонда, въ волненіяхъ отъ страха и отчаянія, приходила какъ дикій звѣрь в бѣшенство. Во время пріѣзда в Турнэ, она была беременна и почти на снось, вскорѣ потомъ, посреди тревогъ осады и опасеній смерти, одолѣвавшихъ ее денно и ночью, она родила сына. Въ первую минуту, по неимѣнію пристрастия и пищи, она хотѣла бросить и сгубить ребенка, котораго считала новою причиной опасности; — но то было лишь мгновенною мыслію и материнскій инстинктъ превозмогъ. Новорожденный былъ окрещенъ и воспріятъ отъ купели епископомъ города Турнэ, при чемъ, вопреки франкскимъ обычаямъ, получилъ чуждое германскому языку имя Самсона, которое родители его, бѣдствуя, избрали въ предзнаменованіе своего освобожденія.

Считая положеніе свое почти безнадежнымъ, король ждалъ развязки съ какимъ-то безстрастіемъ; но королева, не столь вялая духомъ, придумывала тысячу различныхъ средствъ, составляла проекты для бѣгства, и осматриваясь кругомъ, стерегла малѣйшій лучъ надежды. Между

воинами, пришедшими въ Турнэ дѣлать часть своего государя, она замѣтила двухъ, которые лицомъ и рѣчами обнаруживали глубокое сочувствіе и преданность: то было двое юношей, родомъ изъ теруанской области, происхожденіемъ Франки, склонные къ тому фанатическому самоотверженію, которымъ такъ тщеславились вассалы среднихъ вѣковъ. Для привлеченія этихъ двухъ воиновъ, Фредегонда употребила все свое искусство, всѣ обаянія своего сана: она призвала ихъ къ себѣ, говорила о своемъ злополучіи и безнадежности, отуманила головы ихъ хмѣльными напитками, и когда увѣрилась, что они словно обморочены, стала убѣждать ихъ отправиться въ Витри и умертвить короля Сигберта. Молодые воины обѣщали исполнить все, что бы ни приказала имъ королева; тогда вручивъ каждому изъ нихъ по длинному ножу, или, какъ называли ихъ Франки, скрамасаксы, лезвее ихъ, для большей предосторожности, она напоила ядомъ.⁷⁵— «Идите» — сказала она имъ: — «и если воротитесь живы, я осыплю почестями и васъ и потомство ваше; если же падете, то во всѣ святыя мѣста раздамъ за васъ милостыню».

Юноши вышли изъ Турнэ и, выдавъ себя за бѣглецовъ, прошли сквозь австразійское войско и направились по дорогѣ, ведшей къ королевскому помѣстью Витри. Когда они прибыли, во всѣхъ палатахъ раздавалось еще веселіе пировъ и празднествъ. Они объявили, что пришли изъ Нейстрійскаго королевства поклониться королю Сигберту и говорить съ нимъ. Въ эти первые дни царствованія, Сигбертъ старался быть привѣтливымъ и принималъ всякаго, кто требовалъ отъ него суда или защиты. Нейстрійцы просили свиданія на-единѣ и были безъ труда

къ тому допущены; ножи, заткнутые за поясомъ, не возбудили ни малѣйшаго подозрѣнія, потому-что составляли принадлежность германской одежды. Пока король слушалъ ихъ благосклонно, одного съ одной, а другаго съ другой стороны, они разомъ выхватили свои скрамасаксы и въ то же время нанесли ему два удара въ бока. Сигбертъ вскрикнулъ и упалъ мертвый. На этотъ крикъ вбѣжали съ обнаженными мечами королевскій окольничій (camerier) Гарегизель, и одинъ Готъ, по имени Сигила; первый былъ убитъ, а второй раненъ убійцами, оборонявшимися съ изступленною яростью. Но вслѣдъ за тѣмъ подоспѣли другіе вооруженные воины, комната наполнилась народомъ и оба Нейстрійца, окруженные со всѣхъ сторонъ, пали въ неравномъ бою⁷⁶.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, Австразійцы, осаждавшіе Турнэ, поспѣшно снялись и пошли обратно въ свою землю. Каждый изъ нихъ нетерпѣливо желалъ узнать, что происходитъ у него дома, потому-что неожиданная смерть короля должна была возбудить въ Австразіи тму безпорядковъ, насілій и грабежей. Такимъ образомъ эта страшная и многочисленная армія потекла обратно къ Рейну, оставивъ Гильперика безъ непріятеля и давъ ему свободу двинуться куда угодно. — Избѣжавъ почти несомнѣнной смерти, онъ покинулъ Турнэ, дабы сперва вступить во владѣніе своимъ королевствомъ. Помѣстье Витри, свидѣтель столькихъ событій, было мѣстомъ, куда онъ прежде всего отправился. Онъ не нашелъ уже тамъ блистательнаго сборища Нейстрійцевъ; всѣ они возвратились къ своимъ занятіямъ; только нѣсколько австразійскихъ слугъ стерегли тѣло Сигберта. Гильперикъ увидѣлъ трупъ этотъ безъ угрызеній совѣсти и безъ

вражды, и пожелалъ, чтобы похороны брата были достойны королевскаго сана. По его приказанію, Сигбертъ былъ облеченъ, по германскому обычаю, въ драгоценныя одежды и оружіе, и великолѣпно погребенъ въ деревнѣ Ламбрь на Скарпѣ⁷⁷.

Такова была развязка этой длинной драмы, начавшейся убійствомъ и окончившейся тѣмъ же; — настоящей трагедіи, въ которой есть все: и страсти, и характеры, и суровый рокъ, составлявшій душу древней трагедіи и придающій событіямъ дѣйствительной жизни высокое величіе поэзіи. Нигдѣ не видна такъ ясно печать непреодолимой судьбы, какъ въ исторіи меровингской династіи. Эти потомки полудикихъ завоевателей, наслѣдовавшіе понятія своихъ отцовъ, среди наслажденій роскоши и искушеній власти не знали страстямъ и желаніямъ своимъ ни мѣры ни предѣловъ. Тщетно дюди, болѣе ихъ опытные въ дѣлахъ міра и поступкахъ жизни, возвышали голосъ свой склоняя ихъ къ умѣренности и благоразумію; они не внимали ни чему и губили себя по невѣжеству. И тогда говорили: персть Божій на нихъ. Таково христіанское изреченіе; но видя, какъ слѣпо увлекались они потокомъ своихъ грубыхъ побужденій и беспорядочныхъ страстей, подобно лодкѣ, уносимой теченіемъ, можно было, даже не бывъ пророкомъ, угадать и предсказать конецъ, ожидавшій почти всѣхъ ихъ.

Однажды, когда семейство Гильперика, возстановленное въ своемъ величии, жило въ бренскихъ хоромѣхъ, два галльскіе епископа Сальвій Альбійскій и Григорій Турскій, прогуливались вдвоемъ вокругъ дворца, послѣ аудіенціи. Среди бесѣды, какъ-бы пораженный внезапною мыслію, Сальвій вдругъ прервалъ разговоръ и сказалъ Григорію: —

«Не видишь ли чего надъ кровлей этого зданія»? — Вижу, отвѣчалъ турскій епископъ: — новый теремъ, выстроенный королемъ. — «И больше ничего не замѣчаешь»? — Ничего, возразилъ Григорій: — если ты усмотрѣлъ нѣчто, скажи мнѣ, что такое? — Епископъ Сальвій глубоко вздохнулъ и сказалъ: — «Я вижу мечъ гнѣва Божьяго, висящій надъ этимъ домомъ⁷⁸». Черезъ пять лѣтъ, король нейстрийскій погибъ жестокою смертию.

¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, соп. 217.

² Adriani Valesii rer franc., стр. 26.

³ Этотъ классъ людей, въ законахъ и публичныхъ актахъ, называется еще: Rachimburgii, Racimburdi, Rakin-burghé, сильные поруки.

⁴ Malbergum, Mallobergum, Mallebergium. См. Leg. Salic. et Leg. Ripuar., apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 120.

⁵ Leg. Salic., т. IV, стр. 159.

⁶ Ibid. — Клятва свидѣтелей называлась на германскомъ языкѣ *ведередъ*, Wedered (Vedredum), т.е. *повторенная клятва*. Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

⁷ Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

⁸ Leg. Salic., т. IV, стр. 155.

⁹ Ibid. стр. 1157 т 147. — По новейшему изслѣдованію г. Герара (Guerard), въ его запискѣ о монетной системѣ Франковъ, при короляхъ первыхъ двухъ династій (Revue de la numismatique française, novembre et decembre 1837), золотой су, или солидъ, котораго дѣйствительная цѣна была въ 9 франк. 28 сант., равнялся нынѣшнимъ 99 фр. 53 сант.

¹⁰ Ibid. стр. 154.

¹¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

¹² Marculfi formul., apud. script., rer. gallic. et franc., томъ IV, стр. 495 и 512.

¹³ Ibid. стр. 227.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Marculfi form., т. IV, стр. 483. — Greg. Turon., стр. 345.

¹⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 227.

¹⁸ Ibid. стр. 228.

¹⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228. — Fredegarii, Hist. Franc., т. II, стр. 407. — Aimoinii menac. floriac. de gest. Franc., стр. 71.

²⁰ *Маркзъ*, рубежъ, граница; *графзъ*, начальникъ, округа, правитель, судія.

²¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Procopii, de bello gothico, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 37.

³⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Франки собирали на темени и связывали свои свѣтлорусые волосы кистью, ниспадавшей внизъ въ видѣ конскаго хвоста. Бороду они брили, оставляя только усы, висѣвшіе длинною прядью. Они носили холстяную одежду въ обтяжку и широкой поясъ, къ которому привѣшивался мечъ. Любимымъ оружіемъ ихъ былъ топоръ, съ однимъ или двумя толстыми насталенными лезвіями и очень короткимъ топорищемъ. Они начинали битву этимъ топоромъ, бросая его въ лицо или въ щитъ непріятелю, и рѣдко давали промахъ. Кромѣ этого топора, они имѣли еще копье, не очень длинное и равно удобное для дѣйствованія вблизи и издали; длинный и крѣпкій наконечникъ копья снабженъ былъ острыми, изогнутыми крючьями, такъ-что, пробивъ щитъ, копье не могло быть извлечено, и висѣло, волочась по землѣ древкомъ. Тогда Франкъ бросался впередъ, наступалъ на древко ногою, налегши всѣмъ тѣломъ, заставлялъ противника опустить руку и обнаружить такимъ образомъ голову и грудь (Lettres sur l'histoire de France, par A. Thierry; lettre VI).

⁴⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229. — Fredegarii, Hist. Franc., т. II, стр. 407.

⁴¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁴² Ibid. — Подлый, низкій человекъ, homme de rien, Nihtig, Nihting, Niding, по разнымъ германскимъ нарѣчіямъ. Это позорное слово употреблялось въ вызовахъ и объявленіяхъ войнъ и означало человека, отверженнаго отъ общества.

⁴³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. — Fredegarii, Hist. Franc., стр. 307.

⁴⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁴⁷ Adriani Valesii rer. franc., lib. IX, стр. 55.

⁴⁸ Въ войну Клодовига съ Сіаргіемъ (486 г.) франкскіе воины разорили множество церквей. Однажды они похитили въ Реймсѣ огромный и великолѣпный церковный сосудъ. Епископъ Реми послалъ къ королю просить возвращенія этой чаши; король отвѣчалъ посланнымъ: «Идите за мной въ Суассонъ, гдѣ будетъ дѣлежъ добычи. Если чаша выпадетъ на мою долю, то я исполню желаніе отца». По прибытіи въ Суассонъ, когда всѣ собрались на площадь, король сказалъ: «храбрые воины, прошу васъ даровать мнѣ эту чашу, кромѣ того, что мнѣ достанется по жребію». Всѣ поспешили отвѣтствовать, что онъ властенъ надъ всѣмъ, что даже они сами принадлежатъ ему, и что онъ можетъ все, что ему угодно, и ебоюсь возраженій. Но одинъ легкомысленный воинъ, менѣе спокойный и угодливый, чѣмъ другіе, поднялъ свой мечъ (francisque) и, хвативъ имъ по сосуду, сказалъ сильнымъ и громкимъ голосомъ: «Не получишь того, чего подлинно не дастъ тебѣ жребій». Всѣ были изумлены такою дерзостью. Король смолчалъ, скрылъ негодованіе, но запомнилъ обиду; онъ взялъ чашу и отдалъ ее присланному отъ епископа. Черезъ годъ послѣ того, онъ собралъ на военномъ полѣ свое войско для осмотра исправности оружія. Проходя по рядамъ войска, онъ подошелъ къ воину, разбившему чашу, и сказалъ: «Никто не вынесъ оружія хуже твоего. Ни копье, ни мечъ, ни топоръ твой не въ порядкѣ». Съ этими словами, взявъ у него топоръ, бросилъ на землю. Когда воинъ нагнулся поднять его, король, взмахнувъ мечемъ, разрубилъ ему голову, примолвивъ: «Вотъ, что ты сдѣлалъ съ суассонской чашей». Воинъ упалъ мертвый, и войско, по повелѣнію короля, разошлось в молчаніи. Примѣръ этотъ устрашилъ непокорныхъ воиновъ. (Изъ Григорія Турскаго).

⁴⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229 и 295.

⁵⁴ Ibid. — Leg. Ripuar., apud script. rer. gall. et franc. т. IV, стр. 248. — Leg. Visigoth, ib., стр. 245.

⁵⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid., стр. 230.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Mund, отъ котораго происходятъ слова mundeburdis, mundiburdiu, mundeburde, и проч. (Marculfi formul. стр. 447). — Судя по нѣкоторымъ корнямъ германскихъ языковъ, *rotъ* въ древней Германіи былъ символомъ власти, а *уho* подчиненности.

⁶² Marc. from., т. IV. стр. 447. — По праву завоеванія и какъ вожди побѣдоноснаго народа, Меровинги присвоили себѣ, во всѣхъ частяхъ Галліи, множество домовъ и земель, составившихъ полное ихъ владѣніе или вотчины, *алодъ*, какъ тогда говорили на языкѣ Франковъ, от слова *od* или *ot*, что значило на древнихъ германскихъ нарѣчіяхъ *имущество* или *собственность*. Даже города считались частью этихъ алодовъ, имуществомъ, подлежащимъ владѣнію и наслѣдованію. Передъ кончиною, Меровинги съ отечественною заботливостью дѣлили между сыновьями алодъ, доставшійся имъ отъ предковъ и приращенный ими самими. *Феодомъ* или *леномъ* называли казенныя земли, раздаваемые воинамъ съ условіемъ повиновенія, въ случаѣ неисполненія чего земли отбирались и снова поступали въ казну. — *Fea* или *feo* на языкѣ Франковъ означало всякую движимую собственность, какъ стада и деньги, а вообще доходъ, военную плату; *feh-od* буквально значить жалованная собственность (Lettres sur l'histoire de France, par A. Thierry, lettre X).

⁶³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230. — Adriani Valesii rer. franc., стр. 57.

⁶⁴ Germani Paris. episc. epist., apud. script. rer. gallic. et franc. т. IV, стр. 80.

⁶⁵ Ibid. стр. 81.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Germani Paris. episc. epist., apud. script. rer. gallic. et franc. т. IV, стр. 80.

⁶⁹ Брингильда въ скандинавской Эддѣ, и Брунгильта въ Нибелунгах. Это сходство именъ совершенно случайно.

⁷⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230.

⁷¹ Ibid.

⁷² Fortunati carmin., т. X, стр. 560.

⁷³ Fredegarii Hist. Franc., стр. 407.

⁷⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230. — Ibid. стр. 184.

⁷⁵ Ibid. — Gesta rer. franc., стр. 562. — *Скрамасаксъ* значить оборонительный ножъ.

⁷⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230. — Adriani Valesii rer. franc., стр. 61.

⁷⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 230.

⁷⁸ Ibid. стр. 264.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІИ.

ИСТОРИЯ МЕРОВИГА, ВТОРАГО СЫНА КОРОЛЯ ГИЛЬПЕРИКА.

(575 — 578).

Послѣ отъѣзда короля Сигберта, Брунегильда осталась одна въ Парижѣ. Честолюбивыя надежды ея съ каждымъ днемъ возрастали, она уже считала себя нейстрійскою королевою и властительницею судьбы своихъ непріятелей, какъ вдругъ узнала о смерти Сигберта, событіи, которое съ самой высокой точки счастья внезапно низвергло ее въ крайнюю и неминуемую опасность. Гильперикъ побѣдивъ, благодаря братоубійству, шель на Парижъ съ намѣреніемъ захватить семейство и сокровища своего брата. Къ нему возвращались не только всѣ безъ исключенія Нейстрійцы, но даже начинали приставать главнѣшіе изъ Австразійцевъ, и, встрѣчая его на пути, клялись ему въ вѣрности, кто для полученія обратно казенныхъ земель, а кто съ желаніемъ снискать себѣ покровительство въ случаѣ безпорядковъ, грозившихъ странѣ. Одинъ владѣтель, по имени Годинъ, или Годевинъ, получилъ въ награду за свое отложеніе обширныя помѣстья по близости Суассона; такой же примѣръ, которому послѣдовали и многіе другіе,

подасть хранитель королевскаго кольца, или государственной австразійской печати, референдарій Сигъ, или Сигвальдъ¹.

Сраженная своимъ несчастіемъ и этими печальными извѣстіями, Брунегильда не знала, на что рѣшиться и не могла никому довѣриться; старинный императорскій дворець, въ которомъ жила она на берегу Сены, сдѣлался темницею для нея и троихъ дѣтей ея. Хотя тамъ никто за нею не присматривалъ, однако она не осмѣливалась выѣхать по дорогѣ въ Австразію, опасаясь или быть задержанною въ своемъ побѣгѣ, или встрѣтить измѣну и тѣмъ еще болѣе увеличить опасность своего положенія, и безъ того столь гибельнаго². Убѣдясь въ невозможности бѣгства со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, она задумала спасти по-крайней-мѣрѣ своего сына, который, хотя и былъ ребенкомъ, однако много мѣшалъ честолюбію Гильперика и не могъ ждать отъ него пощады. Побѣгъ молодядо Гильдеберта подготовленъ былъ въ величайшей тайнѣ единственнымъ вѣрнымъ другомъ, оставшимся у его матери: то былъ герцогъ Годбальдъ, тотъ самый, который, два года назадъ, такъ плохо оборонялъ область Пуату отъ вторженія Нейстрійцевъ. Ребенокъ посаженъ былъ въ большую корзину, служившую для домашнихъ припасовъ, спущенъ въ окно и вынесенъ ночью за городъ. Гондобальдъ, а по другимъ рассказамъ, простой служитель, менѣе его могшій возбудить подозрѣніе, отправился одинъ съ сыномъ короля Сигберта и доставилъ его въ Мець, къ великому удивленію и радости Австразійцевъ. Его неожиданное прибытіе измѣнило положеніе дѣлъ: отпаденія прекратились и восточныя Франки поспѣшили поставить собственнаго своего короля. Въ Мець было

большое собраніе австразіійскихъ владѣтелей и воиновъ; на немъ Гильдебертъ II, едва пяти лѣтъ отъ-роду, былъ провозглашенъ королемъ, и совѣтъ, избранный изъ вельможъ и епископовъ, принялъ правленіе отъ его имени³.

При этомъ извѣстіи, отнимавшемъ всякую надежду присоединить, безъ войны, братнее королевство къ своему, досадуя на разрушеніе любимѣйшаго своего замысла, Гильперикъ ускорилъ шествіе на Парижъ, дабы по-крайней-мѣрѣ овладѣть Брунегильдою и ея сокровищами⁴. Вскорѣ вдова короля Сигберта предстала предъ своимъ смертельнымъ врагомъ безъ всякой другой защиты, кромѣ красоты, слезъ и женскаго кокетства. Ей было едва только двадцать-восемь лѣтъ, и каковы бы ни были относительно ея враждебныя намѣренія Гильперика, пріятность ея обхожденія, столько прославленная современниками, можетъ-быть, сдѣлала бы на него нѣкоторое впечатлѣніе, еслибъ его заблаговременно не занимали другія прелести: богатство, о которомъ также гремѣла молва. Но Меровигъ, старшій изъ дружъ сыновей нейстрійскаго короля, сопутствовавшихъ отцу своему, былъ сильно тронутъ при видѣ столь привлекательной и несчастной женщины, и его сострадательные и изумленные взгляды не ускользнули отъ вниманія Брунегильды.

Неизвѣстно, была ли склонность молодаго чловѣка утѣшеніемъ плѣнной королевѣ, или какъ женщина, опытная въ интригѣ, Брунегильда усмотрѣла въ томъ средство къ своему спасенію, только она употребила все свое искусство для ободренія рождающейся страсти, которая вскорѣ превратилась въ любовь самую слѣпую и самую пылкую. — Предаваясь ей, Меровигъ становился

врагомъ собственнаго семейства, орудіемъ непримиримой ненависти противъ своего отца и противъ всѣхъ, къ нему близкихъ. Можетъ-быть, не сознавалъ онъ вполнѣ, какъ было для него преступно и гибельно такое трудное положеніе; можетъ-быть, предвидя все это, упрямо увлекся своимъ произволомъ и склонностью, презирая опасность и не внимая совѣсти. Какъ бы то ни было и какъ ни ухаживалъ Меровигъ за вдовою своего дяди, однако Гильперикъ ничего не замѣтилъ, весь погруженный въ счеты и опись мѣшковъ съ серебромъ и золотомъ, сундуковъ съ драгоценными каменьями и связокъ съ дорогими тканями⁵. Онъ нашель, что количество ихъ превосходило его ожиданія, и это счастливое открытіе, внезапно подѣйствовавъ на расположеніе его духа, сдѣлало его болѣе кроткимъ и милосердымъ къ плѣнницѣ. вмѣсто того, чтобы жестоко отмстить ей за все зло, которое она хотѣла ему причинить, онъ удовольствовался наказавъ ее простою ссылкой и даже оставивъ ей, какъ-бы изъ вѣжливости, небольшую часть отнятыхъ у нея сокровищъ. Отдѣлавшись гораздо-благополучнѣе, нежели могла того ожидать, судя по собственнымъ своимъ чувствамъ, Брунегильда отправилась, подъ стражей, въ городъ Руанъ, предназначенный ей мѣстомъ заключенія. послѣ столькихъ страховъ, она подверглась только одному дѣйствительно тяжелому испытанію: разлукѣ съ обѣими дочерьми Ингондою, и Клодосвиндою которыхъ король Гильперикъ, неизвѣстно по какой причинѣ, велѣлъ отправить въ Мо и стеречь там⁶.

Этотъ отъѣздъ опечалилъ молодаго Меровига тѣмъ сильнѣе, что онъ ни-кому не смѣлъ повѣрить своего горя. Вслѣдъ за отцомъ онъ уѣхалъ въ брэнскій дворець, мѣсто,

всегда для него довольно скучное, а теперь сособенно казавшееся ему несноснымъ. Фредегонда, какъ мачиха, питала къ дѣтямъ своего мужа такую ненависть, которая, за неимѣніемъ другаго подобнаго примѣра, могла бы войти въ пословицу. — Всякая нѣжность или благосклонность къ нимъ со стороны отца возбуждала въ ней зависть и досаду. Она жаждала ихъ смерти и конецъ Теодеберта, убитаго в прошломъ году, доставилъ ей великую радость⁷. Меровигъ, какъ будущій глава семейства, сдѣлался теперь главнымъ предметомъ ея отвращенія и бѣсчисленныхъ притѣсненій, которыя она искусно умела воздвигать на тѣхъ, кого ненавидѣла. Молодой принцъ охотно желалъ оставить Бреннъ и соединиться въ Руанѣ съ тою, чьи взоры, а можетъ-быть, и рѣчи, давали ему поводъ думать, что онъ любимъ; но онъ, вѣроятно, не имѣлъ ни средствъ, ни предлога отважиться на такое путешествіе. Вскорѣ самъ отецъ его, ничего не подозрѣвая, доставилъ ему на то удобный случай.

Гильперикъ, упорный въ своихъ намѣреніяхъ болѣе изъ душевной вялости, нежели по твердости характера, устроивъ, по крайнему своему разумѣнію, дѣла Нейстріи, опять задумалъ овладѣть городами, бывшими цѣлью двухъ-лѣтней войны между имъ и его братомъ. Города эти, взятые обратно австразійскими вождями незадолго до смерти Сигберта, снова признали надъ собою власть его сына; одни только жители Тура, болѣе осторожные, потому-что не столько удалены были отъ средоточія Нейстріи, присягнули королю Гильперіку. Итакъ, оставалось еще разъ предпринять такъ часто возобновлявшійся походъ на города Пуатье, Лиможъ, Кагоръ и Бордо. Изъ двухъ сыновей, оставшихся по смерти

Теодеберта, Гильперикъ избралъ въ вожди новаго ополченія того, который не бывалъ еще разбитъ въ битвѣ, именно Меровига. Отецъ его поручилъ ему небольшое войско, и приказалъ вести его въ Пуату⁸.

Дорога эта была не та, по которой охотно направился бы юноша, еслибъ имѣлъ свободу идти по своему желанію, ибо въ сердцѣ его кипѣла страсть совсѣмъ не къ славѣ и битвамъ. Слѣдуя небольшими переходами къ берегамъ Луары съ своею конницей и пѣхотой, онъ мечталъ о Брунегильдѣ и жалѣлъ, что шель не по тому пути, который покрайней-мѣрѣ сближалъ бы его съ нею. Мысль эта, занимая его постоянно, вскорѣ заставила забыть о цѣли путешествія и о порученіи на него возложенномъ. Прибывъ въ Туръ, онъ вмѣсто простаго привала, пробылъ въ этомъ городѣ болѣе недѣли, подъ предлогомъ желанія встрѣтить свѣтлый праздникъ въ базиликѣ св. Мартина⁹. Во время этого отдыха, онъ занимался на досугѣ не соображеніями о дальнѣйшемъ походѣ, а мѣрами къ побѣгу и накопленіемъ, всѣми возможными средствами, изъ дорогихъ и не громоздкихъ вещей, казны, удобно переносимой. Пока его воины рыскали по окрестностямъ города, грабя и разоряя, онъ до послѣдняго эку обобралъ преданнаго отцу его Левдаста, графа турскаго, принявшаго его въ своемъ домѣ съ величайшею честью¹⁰. Очистивъ этотъ домъ отъ всѣхъ бывшихъ въ немъ драгоценностей и имѣя въ рукахъ сумму, достаточную для исполненія своихъ предпріятій, Меровигъ выѣхалъ изъ Тура, какъ будто для свиданія съ своею матерью, которая съ тѣхъ-поръ, какъ Гильперикъ развелся с нею и женился на Фредегондѣ, инокинею жила въ Мансѣ. Но, вмѣсто исполненія этого сыновняго долго и

присоединенія за тѣмъ къ войску, онъ проѣхалъ дальше и, черезъ Шартръ и Эврѣ, направился къ Руану¹¹.

Ожидала-ли Брунегильда такого доказательства привязанности, или просто удивилась пріѣзду гильперикова сына, во всякомъ случаѣ, она такъ ему обрадовалась и любовь между ними такъ быстро возрастала, что черезъ нѣсколько дней вдова Сигберта совершенно забыла своего мужа и соглашалась выйти за Меровига¹². Степень родства относила бракъ этотъ къ союзамъ, воспрещеннымъ церковными законами, и хотя религіозная не имѣла большаго вліянія на совѣсть двухъ любовниковъ, однако они рисковали встрѣтить препятствіе своимъ желаніямъ, ибо не находилось священника, который бы взялся совершить бракосочетаніе, противное церковнымъ уставамъ. Епископомъ руанской каѳедральной церкви былъ тогда Претекстатъ (Praetextatus), происхожденіемъ Галль; по странному стеченію обстоятельствъ, онъ былъ воспріемникомъ Меровига, и въ силу этого духовнаго родства сохранялъ къ нему истинно отеческую привязанность съ самого дня его крещенія¹³. Этотъ мужъ, слабый умомъ и мягкій сердцемъ, не могъ устоять противъ убѣдительныхъ просьбъ, а, можетъ-быть, и бурной вспыльчивости молодаго принца, котораго звалъ сыномъ, и вопреки долгу своего сана согласился благословить бракъ племянника со вдовою дяди.

Въ тотъ вѣкъ упадка Галліи, нетерпѣливость и забвеніе всякихъ правилъ были недугомъ времени; и всѣ, даже самыя просвѣщенныя головы, старались замѣнить порядокъ и законность личнымъ произволомъ или минутнымъ увлеченіемъ. Туземцы слишкомъ-хорошо

слѣдовали въ этомъ примѣру германскихъ завоевателей, и изнѣженность однихъ вела къ той же цѣли, какъ и звѣрство другихъ. Слѣпо повинуюсь влеченію своихъ чувствъ, Претекстатъ обвѣнчалъ тайно Меровига съ Брунегильдой, и по обрядамъ того времени, держа обоихъ супруговъ за руку, изрекъ надъ ними таинственныя слова брачнаго благословенія, — снисходительный, но стоившій ему жизни поступокъ, послѣдствія котораго не менѣе были пагубны и безразсудному юношѣ, исторгшему это согласіе¹⁴.

Полный надеждами на успѣхъ аквитанскаго похода, Гильперикъ былъ въ Парижѣ, когда получилъ странную вѣсть о побѣгѣ и бракѣ своего сына. Къ бурнымъ изъясненіямъ его гнѣва присоединились подозрѣнія въ измѣнѣ и опасеніе заговора противъ его жизни и власти. Съ намѣреніемъ разрушить эти козни, если на то есть еще время и отвлечь Меровига отъ вліянія и злыхъ совѣтовъ Брунегильды, Гильперикъ немедленно отправился въ Руанъ, въ твердой рѣшимости разлучить ихъ другъ съ другомъ и разорвать союзъ¹⁵. Между-тѣмъ, поглощенные первыми наслажденіями супружескаго счастья, молодые супруги помышляли только о своей любви, и пріѣздъ нейстрійскаго короля засталъ Брунегильду въ расплохъ, не смотря на ея дѣятельный и находчивый умъ. Чтобы не попасть въ руки Гильперика въ первомъ пылу гнѣва и сколько было можно затянуть время, она придумала скрыться съ своимъ мужемъ въ небольшой церкви св. Мартина, построенной въ городской стѣнѣ. То была одна изъ деревянныхъ базиликъ, обыкновенныхъ въ то время во всей Галліи, тонкихъ и высокихъ, съ пилястрами изъ многихъ бревень, соединенныхъ между собою, со сводами

всегда остроконечными, по затруднительности выводить ихъ иначе изъ подобнаго матеріала, — которыя, по всей вѣроятности, послужили перво-образомъ стрѣльчатому стилю, введенному, нѣсколько вѣковъ спустя, въ общую архитектуру¹⁶.

Хотя этотъ приютъ былъ очень неудобенъ по милости тѣхъ покоевъ, которые прилегая къ стѣнамъ небольшой церкви и раздѣляя ея льготы, служили убѣжищемъ, однако Меровигъ и Брунегильда поселились тутъ, рѣшась не покидать этого мѣста, пока не будутъ въ безопасности. Тщетно нейстрійскій король употреблялъ всякаго рода хитрости, чтобъ выманить ихъ оттуда; они не вдавались въ обманъ и такъ-какъ Гильперикъ не осмѣливался употребить силу, изъ опасенія навлечь на себя грозное мщеніе святаго Мартина, то и былъ вынужденъ вступить съ своимъ сыномъ и невѣсткою въ переговоры. — Они соглашались сдаться, но требовали отъ короля клятвеннаго слова не разлучать ихъ другъ съ другомъ. Гильперикъ далъ это обѣщаніе, только такъ уклончиво, что предоставилъ себѣ полную свободу дѣйствовать какъ ему вздумается: онъ поклялся, что если такова воля Божія, то онъ ихъ не разлучитъ¹⁷. Не смотря на двусмысленность этого выраженія, Меровигъ и Брунегильда удовольствовались клятвой, и частію изъ усталости, частію по убѣжденію, рѣшились выйти изъ-за льготныхъ стѣнъ, на которыя храмъ св. Мартина руанскаго распространялъ право неприкосновенности. Гильперикъ, нѣсколько успокоенный покорнымъ видомъ своего сына, благоразумно сдержалъ свой гнѣвъ и скрылъ подозрѣнія; онъ даже поцаловалъ обоихъ супруговъ и сѣлъ съ ними за столъ, съ притворнымъ видомъ отеческаго къ нимъ

расположенія. Проведя такимъ образомъ два или три дня въ совершенной скрытности, онъ вдругъ увезъ Меровига и отправился съ нимъ по дороге въ Суассонъ, оставивъ Брунегильду въ Руанѣ, подъ присмотромъ болѣе строгимъ¹⁸.

Не доѣзжая нѣсколько миль до Суассона, нейстрійскій король и его юный спутникъ остановлены были самыми словѣщими извѣстіями. Городъ былъ осажденъ австразійскимъ войскомъ; Фредегонда, переѣхавшая туда, въ ожиданіи своего мужа, едва имѣла время бѣжать съ пасынкомъ, Клодовигомъ, и роднымъ своимъ сыномъ, еще груднымъ ребенкомъ. Разказы, все болѣе и болѣе достовѣрные, разсѣяли всякое сомнѣніе на счетъ обстоятельствоваго этого неожиданнаго нападенія. То были австразійскіе переметчики, подъ предводительствомъ Годевины и Сигоальда, которые, перейдя отъ Гильперика къ юному королю Гильдеберту II, ознаменовали раскаяніе свое, передъ возвращеніемъ на родину, смѣлымъ набѣгомъ на столицу Нейстріи. Ихъ малочисленное войско состояло большею частію изъ жителей реймской равнины, народа буйнаго, который при первомъ слухѣ о войнѣ съ Нейстрійцами переходилъ на грабежъ чрезъ непріятельскую границу¹⁹. Король Гильперикъ безъ труда собралъ между Парижемъ и Суассономъ болѣе значительныя силы, и тотчасъ пошелъ на помощь къ осажденному городу; но вмѣсто того, чтобъ ударить съ быстротою на Австразійцевъ, онъ удовольствовался только тѣмъ, что показалъ имъ свое войско и вступилъ съ ними въ переговоры, надѣясь принудить ихъ къ отступленію безъ боя. Годевинъ и его сподвижники отвѣчали, что они пришли сразиться, однако бились плохо, и Гильперикъ,

впервые побѣдившій, весело вступилъ въ столицу своего королевства²⁰.

Радость эта была для него кратковременна, и важные помыслы вскорѣ навели на него безпокойство и заботы. Ему пришло на умъ, что покушение Австразіяцевъ на Суассонъ было послѣдствіемъ заговора, составленнаго кознями Брунегильды; что Меровигъ зналъ это, самъ былъ въ немъ участникомъ, и что его покорный и искренній видъ былъ только лицемѣрною личиною²¹. Фредегонда воспользовалась случаемъ перетолковать своими коварными внушеніями безразсудное поведеніе юноши. Она приписывала ему обширные замыслы, къ которымъ онъ не былъ способенъ, намѣреніе свергнуть отца и царствовать надъ всей Галліей съ женщиной, соединившейся съ нимъ кровосмѣсительнымъ бракомъ. По милости этихъ хитрыхъ навѣтовъ, подозрѣнія и недовѣрчивость короля возрасли до того, что обратились въ какой-то панической страхъ. Вообразивъ, что жизни его угрожаетъ опасность отъ присутствія сына, Гильперикъ велѣлъ отнять у него оружіе и не выпускать изъ виду, пока не будетъ принято окончательное на счетъ его рѣшеніе²².

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, прибыло къ Гильперикю посольство, отправленное владѣтелями, управлявшими Австразією именемъ юнаго короля Гильдеберта, съ порученіемъ отрѣчься отъ покушенія Годевина, какъ отъ частнаго военнаго набѣга. Король обнаружилъ столько миролюбія и благорасположенія къ племяннику, что послы осмѣлились къ извиненіямъ своимъ присовокупить просьбу, успѣхъ которой былъ весьма сомнителенъ, а именно, объ освобожденіи Брунегильды и обѣихъ дочерей ея. При другихъ обстоятельствахъ, Гильперикъ остерегся

бы выпустить, по первому прошенію, врага попавшагося въ его руки; но теперь сообразивъ, что жена Меровига можетъ надѣлать безпорядковъ въ его королевствѣ, и пользуясь случаемъ добровольно исполнить благоразумное дѣло, онъ безъ труда согласился на все, чего у него просили.²³

Брунегильда, узнавъ о такой неожиданной отмѣнѣ приказаній, удерживавшихъ ее въ заключеніи, поспѣшила оставить Руанъ и Нейстрію такъ быстро, какъ-будто земля разступилась подъ нею. Опасаясь малѣйшаго замедленія, она ускорила дорожными сборами и даже рѣшилась уѣхать, не взявъ съ собою пожитковъ, которые, не смотря на значительное ихъ сокращеніе, все еще имѣли большую цѣну. Нѣсколько тысячъ золотыхъ монетъ и множество узловъ съ драгоценными камнями и богатыми тканями было передано, по ея приказанію, епископу Претекстату, который, принявъ залогъ, вторично и еще болѣе, нежели въ первый разъ, запуталъ себя изъ любви къ крестнику своему Меровигу²⁴. Покинувъ Руанъ, мать Гильдеберта II заѣхала в Мо взять обѣихъ дочерей своихъ, и потомъ, минуя Суассонъ, направилась въ Австразію, куда и прибыла благополучно. Ея пріѣздъ, жданный тамъ съ нетерпѣніемъ, вскорѣ произвелъ большія смуты, возбудивъ зависть могущественныхъ и честолюбивыхъ вождей, хотѣвшихъ остаться единственными попечителями молодого короля.

Отъѣзд Брунегильды не положилъ конца ни недовѣрчивости короля, ни строгимъ его мѣрамъ относительно старшаго сына. Меровигъ, лишенный оружія и военной перевязи, что, по обычаямъ германскимъ счита, считалось гражданскимъ позоромъ, по прежнему содержался подъ надежною стражей. Едва оправаясь отъ волненія, причиненнаго ему рядомъ такихъ неожиданныхъ

происшествій, король снова обратился къ любимому своему проекту завоеванія пяти городовъ Аквитаніи, изъ которыхъ только одинъ, а именно Туръ, былъ въ его власти. Не имѣя на этотъ разъ возможности выбирать того или другаго изъ двухъ сыновей своихъ, онъ, не смотря на прежнюю неудачу Клодовига, поручилъ ему начальство надъ новымъ походомъ. Юный принцъ имѣлъ приказаніе двинуться на Пуатье и навербовать сколько возможно людей въ Турени и въ Анжу²⁵. Собравъ небольшое войско, онъ безъ сопротивленія овладѣлъ городомъ Пуатье и соединился тамъ съ силами болѣе значительными, которыя были преведены къ нему съ юга знатнымъ воеводою галльскаго происхожденія, по имени Дезидеріемъ.

То былъ мужъ высокаго рода, владѣтель обширныхъ помѣстій въ окрестностяхъ Альби, безпокойный и необузданно честолюбивый, какъ и всѣ въ то время, но возвышавшійся надъ совмѣстниками своими изъ варваровъ нѣкоторую обширностью видовъ и порядочными военными дарованіями. Будучи правителемъ округа, пограничнаго съ враждебными для Галло-Франковъ Готами, онъ былъ страшенъ этому народу и пріобрѣлъ подвигами своими большую славу и значеніе между южными Галлами²⁶. Многочисленное и исправно вооруженное войско, пришедшее, подъ его предводительствомъ, соединиться съ нейстрійскою дружиною, было слѣдствиемъ такого вліянія, и лишь-только оба войска сошлись въ одно, какъ Дезидерій принялъ надъ нимъ начальство. Считаая слишкомъ ничтожнымъ забирать по одиночкѣ четыре города, лежавшіе такъ далеко одинъ отъ другаго, онъ, какъ

человѣкъ предприимчивый и дальновидный, замыслилъ завоевать всю страну между Луарою, Океаномъ, Пиренеями и Северными. Такъ какъ при исполненіи этого плана не дѣлалось никакого различія между городами, зависѣвшими отъ Австразіи и подвластными королевству Гонтрана, то Дезидерій не пощадилъ послѣднихъ и началъ съ того, что овладѣлъ городомъ Сентомъ, открывшимъ ему путь на Бордо²⁷.

Узнавъ о такомъ вовсе неожиданномъ нападеніи, король Гонтранъ вторично вышелъ изъ своего обыкновеннаго бездѣйствія, и немедленно выслалъ значительныя силы, подъ предводительствомъ знаменитаго Эонія Муммола, прованскаго патриція, считавшагося тогда во всей Галліи непобѣдимымъ. Муммоль быстрыми переходами двинулся черезъ овернскую равнину, вступилъ въ окрестности Лиможа и принудилъ Дезидерія оставить западныя области и идти къ нему на встрѣчу²⁸. Вскорѣ оба войска, предводимыя галльскими вождями, сошлись другъ съ другомъ. Между ними произошла правильная битва, одна изъ тѣхъ, какихъ не видали въ Галліи съ-тѣхъ-поръ, какъ римская тактика уступила мѣсто наѣздамъ и стычкамъ, единственному образу войны, который понимали варвары. Побѣда сильно колебалась, но осталась, какъ и всегда, за Муммолемъ, принудившимъ своего противника, послѣ страшнаго кровопролитія, къ отступленію. Хроники говорятъ, что съ одной стороны было пять, а съ другой двадцать четыре тысячи убитыхъ; этому трудно повѣрить; но такое преувеличеніе показываетъ, до какой степени было поражено воображеніе современниковъ.

Видя совершенное уничтоженіе нейстрійской арміи, Муммоль возвратился, потому ли, что имѣлъ на то

приказанія, или потому-что счель свое порученіе исполненнымъ²⁹. Хотя онъ одержалъ верхъ, однако возымѣлъ высокое уваженіе къ искусству челоѡка, съ которымъ помѣрился; такое мнѣніе способствовало въ послѣдствіи времени къ сближенію ихъ въ дѣлѣ, имѣвшемъ цѣлю ни болѣе, ни менѣе, какъ основаніе въ Галліи новаго королевства. Вскорѣ Дезидерій снова явился съ многочисленнымъ войскомъ, и при помощи усердія соотечественниковъ и личнаго своего вліянія на умы Галло-Римлянъ, возобновилъ военныя дѣйствія съ успѣхомъ, которому не встрѣчалось болѣе препятствій. Черезъ пять лѣтъ, всѣ города отъ Дакса до Пуатье и отъ Альби до Лиможа принадлежали королю нейстрійскому, и Римлянинъ, виновникъ этого завоеванія, поселясь въ Тулузѣ, древней столицѣ Визиготовъ, украшенъ былъ титуломъ герцога и пользовался полу-королевскою властью³⁰.

Меровигъ уже нѣсколько мѣсяцевъ содержался въ полузаклученіи, пока домашній судъ, въ которомъ преобладалъ голосъ Фредегонды, не произнесъ наконецъ надъ ними своего приговора. Этимъ приговоромъ Меровигъ осужденъ былъ на остриженіе волосъ, то-есть, на отчужденіе отъ дома Меровинговъ. Дѣйствительно по древнему обычаю, вѣроятно, основанному издавна на какомъ-либо религіозномъ обрядѣ, особую принадлежность этого дома и символъ наслѣдственнаго права его на королевскій санъ составляли длинные волосы, сохраняемые не-прикосновенно съ первой минуты рожденія. Потомки стараго Меровига отличались этимъ отъ всѣхъ Франковъ, и въ самой простой одеждѣ могли быть узнаны по волосамъ, которые, то въ косахъ, то

свободно распущенные, покрывали плечи и ниспадали по спинѣ³¹. Отрѣзать малѣйшую частицу этого украшенія значило опозорить лицо, отнять отъ него преимущество посвященія и лишить его права на царство; впрочемъ, по терпимости, дозволенной обычаемъ, лишеніе это ограничено было временемъ, необходимымъ на то, чтобы волосы, вырастая снова, достигли наконецъ опредѣленной мѣры.

Меровингскій принцъ могъ двоякимъ образомъ подвергнуться такому временному низложенію: или быть остриженъ какъ всѣ Франки, то-есть до плечъ; или совершенно коротко, по примѣру Римлянъ. Этотъ послѣдній способъ, болѣе унижительный нежели первый, обыкновенно сопровождался церковнымъ постриженіемъ. Таково было строгое рѣшеніе короля Гильперика относительно его сына: юноша однимъ разомъ потерялъ права носить оружіе и царствовать. Вопреки церковнымъ уставамъ онъ былъ насильно поставленъ въ священство, принужденъ отдать мечъ и боевую перевязь, торжественно ему данные по германскому обычаю, снять съ себя всѣ принадлежности своего національнаго убора и облечься въ римское платье, составлявшее одежду духовенства³². Ему приказано было сѣсть на лошадь въ этомъ уборѣ, такъ мало согласномъ съ его наклонностями, и отправиться въ монастырь Сен-Кале, близъ Манса, гдѣ, въ совершенномъ затворничествѣ онъ долженъ былъ изучать правила монашеской строгости. — Сопровождаемый вооруженными всадниками, Меровигъ отправился въ путь безъ всякой надежды на бѣгство или освобожденіе; но, можетъ-быть, онъ утѣшался народною поговоркой, сложенною для членовъ его семейства, подвергавшихся

одинаковой съ нимъ участи: «зелено дерево, еще выростутъ листья³³».

Въ то время, въ соборѣ святаго Мартина турскаго, самомъ уважаемомъ изъ священныхъ пріютовъ, скрывался изгнанникъ, котораго гороль Гильперикъ тщетно старался оттуда выманить. То былъ Австразіецъ Гонтранъ Бозе, котораго народные слухи обвиняли въ томъ, что онъ собственноручно убилъ молодаго Теодеберта, или по крайней-мѣрѣ допустилъ своихъ воиновъ умертвить его, тогда какъ могъ пощадить ему жизнь, хотя бы изъ челоѡколюбія³⁴. Застигнутый въ Аквитаніи странною вѣстью объ убійствѣ Сигберта, и страшась, не безъ причины, попасть въ руки нейстрійскаго короля, онъ искалъ безопасности подъ щитомъ св. Мартина. Съ этимъ таинственнымъ покровомъ соединялось, въ обезпеченіе болѣе явственное, но не менѣе дѣйствительное, затупничество турскаго епископа, Георгія-Флоренція-Григорія, твердо заботившагося о неприкосновенности правъ своей церкви, а въ особенности права неприкосновеннаго убѣжища. Какъ ни опасно было въ тѣ времена, среди разстроенаго общества, защищать безсильныхъ и изгнанныхъ противъ свирѣпой мощи и невѣрія сильныхъ, однако въ этой безпрестанно возобновляемой бырьбѣ Григорій обнаружилъ ни чѣмъ неистощимую твердость и вмѣсте съ тѣмъ осторожное, но неустрашимое достоинство.

Со дня, какъ Гонтранъ Бозе водворился, съ двумя своими дочерьми, въ одномъ изъ домовъ, окружавшихъ дворъ базилики св. Мартина, турскій епископъ и его причетъ не имѣли ни минуты покоя. Они должны были сопротивляться королю Гильперіку, который, алча мщенія

изгнаннику и не дерзая силою извлечь его, изъ убѣжища, хотѣль, въ избѣжаніе грѣха и опасностей святотатства, принудить самихъ церковнослужителей выжить его изъ завѣтной ограды. Сперва было сдѣлано отъ имени короля дружелюбное приглашеніе, потомъ послѣдовали строгія приказанія; наконецъ, когда посланія и рѣчи не произвели дѣйствія, приняты были грозныя мѣры, могшія ужаснуть не только духовенство, но даже и всѣхъ турецкихъ жителей.

Нейстрійскій герцогъ, по имени Рокколенъ, расположился станомъ у городскихъ воротъ съ войскомъ, собраннымъ въ округѣ города Манса. Онъ учредилъ свое пребываніе въ домѣ, принадлежавшемъ турецкой кааедральной церкви, и отправилъ оттуда слѣдующее посланіе къ епископу: «Если ты не заставишь Гонтрану удалиться изъ базилики, то я сожгу городъ и его предмѣстія». Епископъ спокойно отвѣтствовалъ, что это невозможно. За тѣмъ онъ получилъ второе посланіе, еще болѣе грозное: «Если ты сегодня же не выживешь королевскаго врага, то я разорю на милю кругомъ города все, что тамъ зеленѣетъ, и потомъ хоть сохой паши³⁵». Епископъ Григорій былъ такъ же непоколебимъ, какъ и въ первый разъ, и Рокколенъ, повидимому, не имѣвшій съ собою довольно людей на то, чтобы предпринять что-либо важное противъ жителей такого большаго города, удовольствовался, послѣ столькихъ самохвальствъ, разграбленіемъ и разрушеніемъ дома, служившаго ему жилищемъ. Домъ этотъ былъ построенъ изъ бревенъ, скрѣпленныхъ между собою желѣзными болтами, которые манскіе воины унесли съ прочею добычею въ своихъ кожаныхъ котомкахъ³⁶. Григорій Турскій радовался, видя конецъ жестокаго испытанія; но вдругъ представились ему новыя

затрудненія возникшія изъ стеченія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Гонтранъ Боже имѣлъ въ характерѣ своемъ замѣчательную странность. Германецъ по происхожденію, онъ превосходилъ искусствомъ въ дѣлахъ, даромъ изворотливости, склонностью къ распутству, если такъ можно выразиться, самыхъ тонкихъ людей галло-римскаго племени. Въ немъ не было германскаго надувательства, грубой лжи, сопровождаемой громкимъ смѣхомъ³⁷; но нѣчто болѣе утонченное и вмѣстѣ с тѣмъ болѣе злое; духъ всеобъемлющей и нѣкоторымъ образомъ кочующей интриги, исходившей изъ конца въ конецъ всю Галлію. Никто не умѣлъ лучше этого Австразійца вовлечь другихъ въ опасное дѣло и во-время увернуться. Про него говорили, что онъ никогда не давалъ клятвы другу, не измѣнивъ ему тотчасъ же, отъ чего, вѣроятно, произошло и его германское прозваніе³⁸. Вмѣсто того, чтобы въ убѣжищѣ св. Мартина Турскаго вести обыкновенную жизнь знатнаго изгнанника, то-есть, проводить дни въ ѣдѣ и питъѣ, не занимаясь ни чѣмъ постороннимъ, герцогъ Гонтранъ былъ насторожѣ, зналъ всѣ новости и освѣдомлялся о малѣйшемъ происшествіи, стараясь употребить его въ свою пользу. Онъ узналъ такъ же скоро, какъ и достоверно, о несчастіяхъ Меровига, о насильственномъ постриженіи и заточеніи его въ монастырь Сен-Кале. Ему пришло на мысль соорудить на этомъ основаніи планъ собственнаго своего освобожденія, пригласить гильперикова сына раздѣлить его убѣжище и уговориться съ нимъ о средствахъ пробраться вдвоемъ въ Австразію. Гонтранъ Боже надѣялся обезпечить вѣроятность удачи своего побѣга тѣми несравненно болѣе большими средствами, которыя юный

принцъ могъ найдти въ обаяніи своего сана и въ преданности своихъ друзей. Онъ повѣрилъ свой планъ и надежды дьячку франкскаго происхожденія, по имени Рикульфъ, который, изъ пріязни къ нему, вызвался сходить въ Сен-Кале и увидѣться, если возможно, съ Меровигомъ³⁹.

Пока дьячокъ Рикульфъ шель къ городу Мансу, Гаилень, молодой франкскій воинъ, соединенный съ Меровигомъ узами подданства и братства по оружію, сторожилъ въ окрестностяхъ Сен-Кале прикрытіе, которое должно было сдать новаго затворника на руки его настоятелей и тюремщиковъ. Лишь-только оно показалось какъ толпа воиновъ ударила на него въ превосходномъ числѣ изъ засады, и, обративъ въ бѣгство, принудила оставить плѣнника, ввѣреннаго его присмотру⁴⁰. Освобожденный Меровигъ съ радостью сбросилъ съ себя поповское платье и замѣнилъ его воинственной одеждой своего племени: обувью, крестообразно привязанною къ ногамъ ремнями, узкой туникой съ короткими рукавами, едва доходившей до колѣнъ, и мѣховымъ кафтаномъ, сверхъ котораго шла перевязь съ привѣшеннымъ къ ней мечомъ⁴¹. Въ этомъ нарядѣ, не зная, гдѣ найдти совершенно безопасное мѣсто, Меровигъ встрѣченъ былъ посломъ Гонтрана Бозе. Предложеніе Рикульфа было принято безъ большихъ разсужденій, и сынъ Гильперика, окруженный на этотъ разъ своими друзьями, немедленно отправился по дорогѣ въ Туръ. Дорожный плащъ съ наглавникомъ, накинутымъ на голову, предохранялъ его отъ удивленія и насмѣшекъ, которыя могъ возбудить видъ остриженной головы на плечахъ воина. Прибывъ къ стѣнамъ Тура, онъ слѣзъ съ коня и, все еще закрывая плащемъ голову, отправился въ

соборъ св. Мартина, гдѣ въ минуту всѣ двери были раскрыты⁴².

Тогда былъ торжественный праздникъ, и турскій епископъ, совершавшій службу, раздавалъ правовѣрнымъ причастіе въ двухъ видахъ. Хлѣбы, оставшіеся отъ освѣщенія евхаристіи, разложены были по престолу на покровѣ подлѣ большаго сосуда съ двумя ручками, заключавшаго въ себѣ вино. Обыкновенно, въ концѣ обѣдни, эти хлѣбы, не освященные, но просто благословенные священникомъ, изрѣзывались на части и раздавались присутствовавшимъ; это называлось раздавать эвлогіи. Всѣ предстоящіе, кромѣ отлученныхъ отъ церкви, получали свою часть отъ діаконовъ, подобно тому, какъ эвхаристію раздавалъ священникъ, или совершавшій службу епископъ⁴³. Обходя храмъ и раздавая каждому частицу священнаго хлѣба, діаконы св. Мартина увидѣли въ дверяхъ незнакомаго имъ человѣка, полузакрытое лицо котораго, казалось, обнаруживало желаніе не быть узаннымъ; они недовѣрчиво прошли мимо и ничего ему не предложили.

Горячій отъ природы характеръ юнаго Меровига еще болѣе взволнованъ былъ заботами и утомленіемъ отъ дороги. Видя себя лишеннымъ милости, которой удостоились всѣ присутствовавшіе, онъ вспыхнулъ бѣшеннымъ гнѣвомъ. Пройдя свкозь толпу, наполнявшую средину церкви, онъ проникъ до клироса, гдѣ находился Григорій съ другимъ епископомъ, Рагенемодомъ, Франкомъ по происхожденію, заступившимъ въ парижской епархіи св. Жерменя. Ставъ передъ амвономъ, на которомъ возсѣдалъ Григорій въ своемъ епископскомъ облаченіи, Меровигъ сказалъ ему грубымъ и повелительнымъ голосомъ: «Епископъ, отъ-чего не даютъ мнѣ эвлогіи, какъ другимъ правовѣрнымъ?

Говори, развѣ я отлученъ отъ церкви?⁴⁴» Съ этими словами онъ отбросилъ назадъ наглавникъ своего плаща и открылъ взорамъ присутствующихъ лицо свое, раскраснѣвшееся отъ гнѣва и странную фигуру постриженнаго воина.

Турскій епископъ безъ труда узналъ старшаго изъ сыновей короля Гильперика, потому-что часто видалъ его прежде и зналъ уже всю его исторію. Юный бѣглець казался ему виновнымъ въ двойномъ нарушеніи церковныхъ законовъ: бракомъ въ запрещенной степени родства и отреченіемъ отъ священно-духовнаго чина, вины столь тяжелой, что строгіе казуисты называли ее отступничествомъ. Будучи явно уличенъ въ грѣхъ своею мірской одеждой и вооруженіемъ, Меровигъ, не очистясь предварительно предъ духовнымъ судомъ, не могъ быть допущенъ къ приобщенію ни освященнаго хлѣба и вина, ни даже хлѣба просто благословеннаго, бывшаго подобіемъ перваго. Епископъ Григорій такъ ему и отвѣтствовалъ съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Но рѣчь его, важная и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая, только раздражила вспыльчивость юноши, который, забывъ всякую умѣренность и уваженіе къ святости мѣста, вскричалъ: «Ты не имѣешь права отрѣшать меня отъ христіанскаго причащенія безъ согласія твоихъ собратій епископовъ; если же ты по собственной своей власти лишаешь меня причастія, то я поступлю, какъ оглашенный, и кого-нибудь убью здѣсь⁴⁵». Слова эти, сказанныя, дикимъ голосомъ, ужаснули слушателей и произвели на епископа впечатленіе глубокой скорби. Опасаясь довести до крайности этого молодого варвара и накликать бѣду, онъ уступилъ необходимости, и, переговоривъ, для соблюденія, по крайней-мѣрѣ, законныхъ формъ, съ своимъ парижскимъ

собратомъ, приказаль дать Меровигу требуемая имъ эвлогіи⁴⁶.

Лишь-только сынъ Гильперика водворился въ оградѣ базилики св. Мартина вмѣстѣ съ Гаиленомъ, братомъ своимъ по оружію, съ молодыми сообщниками и множествомъ служителей, турскій епископъ поспѣшилъ исполнить нѣкоторыя предписанныя римскимъ закономъ Формальности, изъ которыхъ главнѣйшею для него было повѣщеніе ближайшаго судьи и гражданскихъ властей о прибытіи каждаго новаго изгнанника⁴⁷. Въ настоящемъ случаѣ, не было инаго судьи и другой власти кромѣ короля Гильперика; слѣдовательно, объявить должно было ему, стараясь притомъ смягчить уступчивостью горечь его негодованія. Діаконъ каѳедральной турской церкви отправился въ нейстрійскій королевскій городъ Суассонъ, съ порученіемъ донести въ точности обо всемъ произошедшемъ. Товарищемъ его въ этомъ посольствѣ былъ родственникъ епископа, по имени Никита, ѣхавшій по частнымъ своимъ дѣламъ ко двору Гильперика⁴⁸.

Прибывъ въ суассонскій дворецъ, они были оба допущены къ королю и начали излагать причину своего путешествія, но вдругъ вошла Фредегонда и сказала: «Это лазутчики; они пришли сюда развѣдать, что дѣлаеть король и потомъ пересказать Меровигу». Словъ этихъ было довольно, чтобы встревожить подозрительный духъ Гильперика: немедленно дано было приказаніе схватить Никиту и діакона, прибывшаго съ извѣстіями. У нихъ обобрали всѣ деньги, какія съ ними были, и отвели ихъ самихъ на край королевства, откуда оба они возвратились не ранѣе, какъ послѣ семимѣсячной ссылки⁴⁹. Пока съ посломъ и родственникомъ Григорія Турскаго обращались такъ

жестоко, онъ самъ получилъ письмо отъ короля Гильперика въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Выгони отступника изъ своей базилики, или я всю страну предамъ на сожженіе». Епископъ отвѣтствовалъ просто, что подобнаго дѣла никогда не было, даже при готскихъ короляхъ, которые были еретики, и что, слѣдовательно, оно не можетъ быть во времена истинной христіанской вѣры. Принужденный, послѣ такого отвѣта, перейти отъ угрозъ къ дѣйствию, Гильперикъ долго медлилъ, и только по настояніямъ Фредегонды, которую не пугало никакое святотатство, было рѣшено, что соберется войско и самъ король прійметъ надъ нимъ начальство и поведетъ его наказать городъ Туръ и взять силою убѣжище св. Мартина⁵⁰.

Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, Меровигъ былъ объятъ ужасомъ, въ которомъ просвѣчивало религіозное чувство: «Оборони Богъ, чтобы святая базилика владыки моего, Мартина, потерпѣла какое набудь насиліе, или страна эта была разорена чрезъ меня!» Онъ хотѣлъ немедленно выѣхать съ Гонтраномъ Бозе и отправиться въ Австразію, гдѣ льстился надеждою найти убѣжище, спокойствіе, богатство и всѣ наслажденія власти. Но еще ничего не было готово для такого дальняго путешествія. У нихъ не было ни довольно людей съ собою, ни прочныхъ связей въ королевствѣ. Гонтранъ признавалъ лучшимъ выждать и не бросаться изъ огня въ полымя⁵¹. Неспособный на что либо отважиться безъ содѣйствія новаго своего друга, юный принцъ искалъ врачеваній отъ своего безпокойства въ ревностномъ богомоліи не совѣмъ ему свойственномъ. Онъ рѣшился провести цѣлую ночь за молитвой въ алтарѣ базилики и, взявъ съ собою самыя драгоцѣнныя свои вещи, возложилъ ихъ, какъ приношеніе, на гробницу св. Мартина;

потомъ ставъ на колѣни у гроба, молилъ святаго снизойдти къ нему на помощь, помиловать его и устроить такъ, чтобы ему какъ можно скорѣе возвращена была свобода и чтобы онъ сдѣлался со временемъ королемъ⁵².

Эти два желанія ничего не значили Мировигу одно безъ другаго, а послѣднее, по-видимому, играло довольно значительную роль въ бесѣдахъ его съ Гонтраномъ Бозе и въ предположеніяхъ обоихъ. Гонтранъ, вполне полагаясь на изворотливость своего ума, рѣдко призывалъ помощь святыхъ, но въ замѣнъ того прибѣгалъ къ гадалщикамъ, желая оправдать ихъ знаніями вѣрность своихъ соображеній. Оставив Меровига молиться, онъ послалъ слугу къ одной женщинѣ, по его словамъ весьма искусной, предсказывавшей ему, между прочимъ, годъ, день и часъ кончины короля Гариберта⁵³. На вопросъ, сдѣланный отъ имени герцога Гонтрана о томъ, какая судьба ожидаетъ его и сына Гильперика, колдунья, вѣроятно, хорошо знавшая ихъ обоихъ, дала слѣдующій отвѣтъ, относившійся къ самому Гонтрану: «Король Гильперикъ умретъ чрезъ годъ, и Меровигъ, одинъ изъ всѣхъ своихъ братьевъ, сдѣлается королемъ; ты, Гонтранъ, пять лѣтъ будѣшь герцогомъ всего королевство; на шестой, по милости народа, получишь епископское званіе въ городѣ, лежащемъ на лѣвомъ берегу Луары, и наконецъ отойдешь отъ міра сего, престарѣлый и по долгихъ дняхъ⁵⁴».

Гонтранъ Бозе, всю жизнь свою дурачившій другихъ, самъ былъ дураченъ плутовствомъ колдуновъ и гадалщицъ. Онъ очень былъ обрадованъ такимъ предсказаніемъ, нелѣпымъ, но безъ всякаго сомнѣнія согласнымъ съ его честолюбивыми мечтами и сокровенными желаніями. Полагая, что городъ, такъ неопредѣленно указанный, былъ

не иной какъ Туръ, и мысленно воображая себя уже преемникомъ Григорія на епископскомъ престолѣ, онъ не преминулъ сообщить ему, съ лукавымъ самодовольствомъ, о своемъ будущемъ счастіи, ибо титулъ епископа былъ очень лестенъ для вождей варваровъ. Григорій только что пришелъ въ базилику св. Мартина, для служенія всенощной, когда австразійскій герцогъ повѣрилъ ему свою странную тайну, какъ человѣкъ, вполне убежденный въ непреложныхъ знаніяхъ пророчицы. Епископъ ему отвѣчалъ: «О подобныхъ вещахъ слѣдуетъ вопрошать «Господа Бога», и не могъ воздержаться отъ смѣха⁵⁵. Но такая суетность, столь же безумная, какъ и ненасытная, навела его на печальныя мысли о людяхъ и слабостяхъ того времени. Грустныя размышленія занимали его во время пѣнія псалмовъ, и когда, послѣ всенощной, пожелавъ отдохнуть, онъ легъ на кровать въ особой комнатѣ подлѣ церкви, его какъ-будто преслѣдовали до-тѣхъ-поръ, пока онъ не позабылся сномъ, всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ, но отклонить былъ не въ силахъ, всѣ преступленія, которыя, казалось, храмъ этотъ будетъ позорищемъ въ противоестественной борьбѣ, возгорѣвшейся между отцомъ и сыномъ. Во время сна, тѣ же мысли, облеченныя въ страшные образы, снова ему предстали. Онъ видѣлъ ангела, парящаго надъ базиликой и зывающаго унылымъ голосомъ: «Горе! Горе! Богъ поразилъ Гильперика и всѣхъ его сыновей! Никто изъ нихъ не переживетъ его и не наслѣдуетъ его царства⁵⁶». Сонъ этотъ показался Григорію откровеніемъ будущаго, болѣе достойнымъ вѣры, нежели всѣ чары и отвѣты гадателей.

Меровигъ, вѣтренный и легкомысленный, вскорѣ предался развлеченіямъ, болѣе согласнымъ съ его буйными

привычками, нежели бдѣніе и молитвы при гробѣ святыхъ. По закону, ограждавшему неприкосновенность священныхъ убѣжищъ, заключеннымъ предоставлялась полная свобода доставать себѣ всякаго рода припасы, дабы гонители не могли одолѣть ихъ голодомъ. Сами священнослужители базилики св. Мартина снабжали жизненными потребностями своихъ бѣдныхъ гостей, не имѣвшихъ прислуги. Богатымъ прислуживали то собственные ихъ люди, пользовашіеся правомъ свободного входа и выхода, то посторонніе мужчины и женщины, присутствіе которыхъ часто давало поводъ къ беспорядкамъ и соблазну. Дворъ ограды и паперть базилики были во всякій часъ полны занятою толпою или праздными и любопытными. Въ обѣденный часъ, шумъ пировъ, заглушавшій иногда молитвенное пѣніе, нерѣдко смущалъ священниковъ на ихъ скамьяхъ и иноковъ въ тишинѣ ихъ келлій. Иногда собесѣдники, отуманенные виномъ, доходили въ ссорахъ до драки и тогда кровавыя сцены совершались у дверей и даже внутри самаго храма⁵⁷.

Если пиры, въ которыхъ Меровигъ искалъ развлечения съ своими товарищами, и не влекли за собою подобныхъ беспорядковъ, то на нихъ не было недостатка въ шумномъ веселіи; громкій хохотъ и грубыя шутки большею частію на счетъ Гильперика и Фредегонды, раздавались по залѣ. Меровигъ не щадилъ ни того, ни другой, рассказывалъ о преступленіяхъ своего отца и распутствахъ мачихи; называлъ Фредегону непотребной блудницей, а Гильперика слабоумнымъ мужемъ, гонителемъ собственныхъ дѣтей своихъ. «Хотя въ этомъ было много правды», говоритъ современный историкъ: «однако я думаю, не было угодно Богу, чтобы сынъ разглашалъ такія

вещи⁵⁸». Историкъ этотъ, самъ Григорій Турскій, приглашенный однажды къ столу Меровига, собственными ушами слышалъ соблазнительныя рѣчи юноши. Послѣ объѣда, Меровигъ, оставшись съ благочестивымъ своимъ гостемъ наединѣ, впалъ въ набожное расположеніе духа и просилъ епископа прочесть ему что-нибудь для душевнаго назиданія. Григорій взялъ книгу Соломона и открывъ на удачу, попалъ на слѣдующій стихъ: «Око, ругающееся отцу, да исторгнуть его вранове отъ дебрія и да снѣдятъ его птенцы орли⁵⁹». Это мѣсто, встрѣтившееся такъ кстати, было признано епископомъ за второе предзнаменованіе, не менѣе перваго грозное⁶⁰.

Между-тѣмъ, Фредегонда, болѣе ожесточенная въ своей враждѣ и болѣе дѣятельная, нежели мужъ ея, рѣшилась упредить готовившійся походъ и умертвить Меровига, вовлекши его въ засаду. Турскій графъ, Левдасть, искавшій королевскихъ милостей и, кромѣ того, желавшій отмстить за прошлогодній грабежъ своего дома, охотно вызвался исполнить это убійство. Разсчитывая на оплошность Меровига, онъ пробовалъ разныя хитрости, чтобъ выманить его изъ-за предѣловъ, куда не простирались права неприкосновенности; но не успѣлъ въ томъ. Съ досады, или для раздраженія юноши до такой степени, чтобъ онъ забылъ всякую осторожность, Левдасть напалъ съ оружіемъ въ городскихъ улицахъ на его служителей⁶¹. Они большею частію были перебиты, и Меровигъ, объятый гнѣвомъ при этомъ извѣстїи, какъ разъ очертя голову попалъ бы въ свѣтъ, еслибы не остановилъ его осторожный Гонтранъ. Такъ-какъ онъ горячился безъ мѣры, говоря, что не найдетъ покоя, пока кровавымъ возмездіемъ не накажетъ угодника Фредегонды, то Гонтранъ

присовѣтоваль ему обратити мщеніе свое туда, гдѣ опасность была ничтожна, а выгода значительна, и отплатити обиду не Левдасту, который былъ остороженъ, а кому-либо другому изъ друзей короля Гильперика, или изъ близкихъ къ его дому⁶².

Марилейфъ, первый врачъ короля, человекъ весьма богатый и не очень воинственный, находился тогда въ Турѣ, проѣздомъ изъ Суассона въ Пуатье, родной его городъ. Съ нимъ было мало народу, но много пожитковъ, и молодымъ воинамъ, товарищамъ Меровига, не было ничего легче, какъ схватити Марилейфа въ его гостинницѣ. Они дѣйствительно вошли туда внезапно и жестоко избили миролюбиваго врача, который, по счастію, успѣлъ убѣжать и скрытись, почти нагой, въ соборѣ, оставивъ во власти грабителей свое золото, серебро и прочіе пожитки⁶³. Сынъ Гильперика нашель, что вся эта пожива недурна, и довольный продѣлкою, которую съигралъ съ своимъ отцомъ, счель себя достаточно отомщеннымъ и хотѣлъ явить милосердіе. По просьбѣ епископа, онъ приказаль объявить бѣдному Марилейфу, не дерзавшему выйдти изъ своего убѣжища, что онъ можетъ свободно продолжать путь⁶⁴. Но въ то самое время, когда Меровигъ такъ былъ доволенъ, что имѣеть своимъ товарищемъ и сердечнымъ другомъ такого догадливаго человекъ какъ Гонтранъ Бозе, послѣдній не поколебался продать услуги свои смертельной непріятельницѣ безразсуднаго юноши, слѣпо ему довѣрившагося.

Вовсе не раздѣляя вражды, которую король Гильперикъ питаль къ Гонтрану за смерть Теодеберта, Фредегонда была благодарна за это убійство, освободившее ее отъ одного изъ пасынковъ, чего она желала и въ отношеніи

двухъ остальныхъ. Ея благорасположеніе къ австразійскому герцогу еще болѣе усилилось, когда она усмотрѣла возможность сдѣлать его орудіемъ гибели Меровига. Гонтранъ Бозе неохотно брался за опасное порученіе; но неудачныя попытки графа Левдаста, болѣе крутаго, нежели искуснаго, склонили королеву обратить взоры на человѣка, который могъ своеручно не совершить, а обезпечить своею хитростію вѣрное исполненіе задуманнаго ею убійства. Она послала къ Гонтрану вѣрнаго человѣка, который передалъ ему отъ ея имени слѣдующее предложеніе: «Если ты успѣешь выманить Меровига изъ базилики за тѣмъ, чтобъ его умертвили, то я дамъ тебѣ богатый подарокъ⁶⁵». Гонтранъ Бозе съ радостію принялъ вызовъ. Увѣренный, что хитрая Фредегонда приняла уже съ своей стороны всѣ надлежащія мѣры, и что подосланные убійцы стерегутъ окрестности Тура, онъ пошелъ къ Меровигу и сказалъ ему съ самымъ веселымъ видомъ: «Что мы ведемъ здѣсь лѣнливую и бездушную жизнь и прячемся вкругъ этой базилики, будто запуганные? Велимъ привести нашихъ коней, возьмемъ съ собою соколовъ и собакъ, и поѣдемъ на охоту промяться, подышать чистымъ воздухомъ и насладиться прекрасными видами⁶⁶».

Необходимость простора и свѣжаго воздуха, которую такъ сильно ощущаютъ узники, была по сердцу Меровигу, а сговорчивость характера побудила одобрить безъ дальнихъ разсужденій все, что предлагалъ другъ его. Онъ съ пылкостью своего возраста принялъ заманчивое предложеніе. Тотчасъ же на дворъ базилики привели лошадей и оба узника вышли въ полномъ охотничьемъ уборѣ, съ соколами на рукѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ и собакъ на сворѣ. Мѣстомъ прогулки избрано было

помѣсть, принадлежавшее турской церкви и расположенное въ селеніи Іокундіакумъ, (Jocundiacum), нынѣ Жуэ (Jouay), недалеко отъ города. Они провели такимъ образомъ цѣлый день, охотясь вмѣстѣ. Гонтранъ не обнаружилъ ни малѣйшаго признака безпокойства и, казалось думалъ только о томъ, какъ бы лучше повеселиться. То, чего ждалъ онъ, не случилось: ни въ продолженіи прогулки, ни на обратномъ пути не являлось никакой вооруженной шайки, которая напала бы на Меровига, отъ-того ли, что лазутчики Фредегонды еще не прибыли въ Туръ, или потому-что приказанія ея были дурно исполнены. Меровигъ благополучно вступилъ въ ограду, служившую ему убѣжищемъ, довольный кратковременною своею свободой, и ни мало не подозрѣвая того, что ему угрожала гибель отъ самой гнусной измѣны⁶⁷.

Войско, назначенное въ походъ на Туръ, было готово; но когда пришло время выступать, то Гильперикъ вдругъ сдѣлался нерѣшительнымъ и богобоязненнымъ. Ему хотѣлось знать, какъ великъ былъ въ ту минуту гнѣвъ св. Мартина противъ нарушителей его правъ, и былъ ли святой исповѣдникъ въ милостивомъ или въ сердитомъ расположеніи духа? Какъ никто въ мірѣ не могъ доставить о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, то королю пришла въ голову странная мысль отнестись письменно прямо къ святому, и просить у него точнаго и положительнаго отвѣта. Онъ написалъ письмо, въ которомъ, какъ-будто въ тяжёбомъ дѣлѣ, наложилъ отцовскія жалобы на убійцу сына своего Теодеберта и призывалъ этого великаго преступника на судъ святаго. Прошенія заключалось слѣдующимъ рѣшительнымъ вопросомъ: «Можно ли мнѣ

или нѣтъ выгнать Гонтрана изъ базилики⁶⁸? Еще страннѣе было то, что подъ этой выдумкой скрывалась хитрость, и что король Гильперикъ хотѣлъ надуть своего небеснаго корреспондента, намѣреваясь, если ему будетъ разрѣшено разсчитаться съ Гонтраномъ, овладѣть тѣмъ же путемъ и Меровигомъ, имя котораго онъ умолчалъ изъ боязни прогнѣвить святаго. Это удивительное посланіе было принесено въ Туръ писцомъ франкскаго происхожденія, по имени Бодегизелемъ, который положилъ его на гробницу св. Мартина и помѣстилъ рядомъ бѣлый листъ бумаги, дабы святой могъ написать свой отвѣтъ. Черезъ три дня посланный пришелъ къ надгробному памятнику и, найдя положенный бѣлый листъ въ прежнемъ видѣ, безъ малѣйшаго признака писанія, возвратился къ королю Гильперикъ, разсудивъ, что св. Мартинъ отказался отъ объясненія⁶⁹.

Король пуще всего боялся, чтобы Меровигъ не отправился въ Австрію къ Брунегильдѣ и съ помощію ея совѣтовъ и денегъ не успѣлъ составить себѣ многочисленной партіи между нейстрійскими Франками. Это опасеніе превозмогло въ умѣ Гильперика даже ненависть его къ Гонтрану Бозе, которому король соглашался простить, лишь бы онъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ отъѣзду своего товарища заточенія.

Это породило новый планъ, въ которомъ Гильперикъ опять обнаружилъ прежнее свое грубое и опасливое лукавство. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы выманить у Гонтрана, безъ котораго Меровигъ, ненаходчивый и нерѣшительный, не могъ бы отважиться на побѣгъ, клятвенное обѣщаніе не выходить изъ базилики, не предуведомивъ о томъ короля. Король Гильперикъ

надѣялся такитъ образомъ получить извѣстіе заблаговременно, возможность пресѣчь сообщенія между Туромъ и австразійскою границей. Онъ послалъ лазутчиковъ переговорить тайно съ Гонтраномъ, который, съ своей стороны, не отступился отъ борьбы коварства съ коварствомъ. Не слишкомъ довѣряя примирительнымъ словамъ Гильперика, но между-тѣмъ предусматривая въ томъ послѣднюю возможность спасенія, если не удадутся другія, онъ далъ потребованную отъ него клятву и присягнулъ въ самомъ алтарѣ базилики, коснувшись рукою шелковаго покрыва на главномъ престолѣ⁷⁰. Послѣ чего онъ съ величайшею тайной и такъ же дѣятельно, какъ и прежде, продолжалъ готовиться къ внезапному побѣгу.

Послѣ того счастливаго случая, когда деньги врача Марилейфа попали въ руки узниковъ, приготовленія эти шли поспѣшно. Удалые витязи, особый разрядъ людей, образовавшійся послѣ завоеванія, толпами вызывались въ провожатые; число ихъ вскорѣ возросло до пятисотъ. Съ такою силой побѣгъ былъ нетруденъ и прибытіе въ Австразію казалось весьма вѣроятнымъ. Гонтранъ Бозе не находилъ болѣе причинъ медлить, и вопреки своей клятвѣ, не давая знать королю, объявилъ Меровигу, что пора подумать объ отъѣздѣ. Меровигъ, слабый и нерѣшительный, пока его не возбуждали страсти, колебался, когда предстояло отважиться на это опасное предпріятіе и снова впалъ въ безпокойство. — «Но развѣ намъ неблагопріятны», — спросилъ его Гонтранъ: «предсказанія гадалыщицы»? Юный принцъ не успокоился и для разсвѣянія своихъ печальныхъ предчувствій пожелалъ справиться съ лучшимъ источникомъ о своемъ будущемъ⁷¹.

Тогда существовалъ способъ духовнаго гаданія, запрещенный соборами, но не смотря на то употреблявшійся въ Галліи самыми умными и просвѣщенными людьми. Меровигъ рѣшилъ къ нему прибѣгнуть. Онъ пошелъ въ придѣлъ, гдѣ стояла гробница святаго Мартина и положилъ на гробъ три священныя книги: Книгу Царствъ, Псалтырь и Евангеліе. Цѣлую ночь молилъ онъ Бога и святаго исповѣдника повѣдать ему то, что сбудется, и можетъ ли онъ надѣяться получить королевство своего отца⁷²? Послѣ того онъ цѣлые три дня постился, и на четвертый, снова прійдя къ гробницѣ, раскрылъ одну за другою три книги. Сперва онъ поспѣшилъ спросить Книгу Царствъ, и попалъ на страницу, въ началѣ которой былъ слѣдующій стихъ: *«Понеже оставиша Господа Бога своего и пріяша боги чуждыя, сего ради наведе на ня Господь зло сие⁷³»*. Раскрывъ Псалтырь, онъ нашель слѣдующее: *«Обаче за льщенія ихъ положилъ еси имъ злая, низложилъ еси я, внѣгда разгордѣшася. Како быша въ запустѣніе⁷⁴!»* Наконецъ, въ Евангеліи прочель такой стихъ: *«Вѣсте, яко по двою дню пасха будетъ и сынъ чловѣческой преданъ будетъ на пропятіе⁷⁵»*. Тому, кто въ каждомъ изъ этихъ словъ думалъ читать отвѣтъ самого Бога, нельзя было вообразить ничего зловѣщѣе; тутъ было чѣмъ поколебать душу даже сильнѣе, чѣмъ Гильперика сына. Онъ былъ словно подавленъ подъ гнетомъ этой тройной угрозы: измѣны, погибели и страшной смерти, и долго плакалъ горячими слезами у гробницы св. Мартина⁷⁶.

Гонтранъ Бозе, твердо вѣрившій въ свое пророчество и притомъ не видѣвшій никакого повода къ опасенію собственно за себя, продолжалъ настаивать. При помощи

того, можно сказать, магнетическаго вліянія, которое рѣшительные умы оказываютъ на слабые и раздражительные характеры, онъ такъ хорошо подкрѣпилъ бодрость своего юнаго товарища, что отъѣздъ послѣдовалъ безъ всякаго отлагательства, и Меровгий сѣлъ на коня съ видомъ спокойнымъ и самоувѣреннымъ. За то Гонтрану, въ это рѣшительное мгновеніе, предстояло испытаніе другого рода: онъ разлучался съ двумя дочерьми, укрывшимися вмѣстѣ съ собою, тсрашась опасностей такого дальняго переѣзда. Не смотря на свой глубокой эгоизмъ и неисправимое коварство, нельзя было сказать, чтобы онъ совершенно былъ лишень добрыхъ качествъ, и въ числѣ столькихъ пороковъ въ немъ было по-крайней-мѣрѣ одна добродѣтель-отцовская привязанность⁷⁷. Присутствіе дочерей его было ему въ высочайшей степени драгоцѣнно. Для посѣщенія ихъ, когда онъ бывали вдали отъ него, онъ не колебался жертвовать собою; и если нужно было предохранить ихъ отъ какой-либо опасности, онъ становился задорнымъ и смѣлымъ до дерзости. Принужденный оставить ихъ въ убѣжищѣ, неприкосновенность котораго король Гильперикъ, въ гнѣвѣ своемъ, могъ бы не уважить, Гонтранъ далъ себѣ слово за ними возвратиться и съ этой благой мыслию, единственной, какая могла зародиться въ умѣ его, онъ переступилъ завѣтный предѣлъ и поскакалъ рядомъ съ Меровигомъ⁷⁸.

Обоимъ бѣглецамъ сопутствовало около шести сотъ всадниковъ, набранныхъ, по всей вѣроятности, изъ удальцовъ и бродягъ, Франковъ и Галловъ. Слѣдуя съ юга на сѣверъ, вдоль по лѣвому берегу Луары, они ѣхали въ добромъ порядкѣ черезъ земли короля Гонтрана. Близъ

Орлеана они свернули къ востоку, дабы не проѣзжать по королевству Гильперика, и безпрепятственно достигли окрестностей города Оксерра. Но здѣсь счастье имъ измѣнило. Эрнъ, или Эрноальдъ, графъ этого города, отказался пропустить ихъ, потому ли, что король Гильперикъ просилъ его дружескаго содѣйствія, или по собственному своему побужденію, желая упрочить миръ между обоими королевствами. Отказъ этотъ, кажется, послужилъ поводомъ къ битвѣ, къ которой дружина двухъ изгнанниковъ была совершенно разсѣяна. Меровигъ, вѣроятно, забывшій въ гнѣвѣ своемъ осторожность, попался къ руки графа Эрноальда, но Гонтранъ, всегда умѣвшій ускользнуть, отступилъ съ остатками своего небольшого войска⁷⁹.

Не отваживаясь идти къ сѣверу, онъ рѣшился вернуться и достигнуть какого нибудь аквитанскаго города, принадлежавшаго Австразійскому Королевству. Окрестности Тура были для него чрезвычайно опасны; онъ долженъ былъ остерегаться, чтобы слухъ о его побѣгѣ не заставилъ Гильперика двинуть войска и наполнить городъ воинами. Но все это благоразуміе не устояло передъ отцовскою любовью. Въмѣсто того, чтобы съ своею малочисленною и плохо вооруженною толпой обойти городъ полемъ, онъ пошелъ прямо къ базиликѣ св. Мартина. Она была охраняема, но онъ ворвался силой и тотчасъ же вышелъ, уводя съ собою обѣихъ дочерей, которыхъ хотѣлъ укрыть въ безопасномъ мѣстѣ, внѣ гильперикова королевства. Послѣ такого смѣлаго подвига, Гонтранъ отправился въ Пуатье, снова сдѣлавшійся австразійскимъ послѣ побѣды Муммола. Доѣхавъ туда благополучно, онъ помѣстилъ двухъ своихъ спутницъ въ

базилику св. Иларія, и тамъ ихъ оставилъ, чтобъ посмотрѣть что дѣлается въ Австразіи⁸⁰. Опасаясь вторичнаго несчастія, онъ на этотъ разъ сдѣлалъ длинный объѣздъ и направилъ путь свой къ сѣверу чрезъ Лимузенъ, Овернь, и по дорогѣ изъ Ліона въ Мець.

Прежде нежели графъ Эрноальдъ могъ извѣстить короля Гонтрана и испросить приказаній его на счетъ плѣнника, Меровигъ успѣлъ уже убѣжать изъ заключенія. Онъ скрылся въ главной оксеррской церкви, построенной во имя св. Жерменя, апостола Бретоновъ, и подъ защитой права неприкосновенности безопасно тамъ водворился, точно такъ же какъ въ Турѣ⁸¹. Вѣсть о его побѣге пришла къ королю Гонтрану почти въ одно время съ извѣстіемъ о его задержаніи. Этого было болѣе нежели сколько нужно для крайней досады робкому и миролюбивому королю, котораго главное стараніе было отдалять отъ себя всякіе ссоры, какія могли вокругъ его возникнуть. Онъ боялся, чтобы пребываніе Меровига въ королевствѣ не вовлекло его въ большіе хлопоты, и желалъ одного изъ двухъ, или чтобы сыну Гильперика дали свободный пропускъ, или содержали его подъ надежной стражей. Обвиняя Эрноальда въ одно и то же время и за излишнее усердіе и за оплошность, онъ немедленно призвалъ его къ себѣ, и когда графъ хотѣлъ отвѣчать и оправдать свое поведеніе, то король прервалъ его словами: «Ты задержалъ того, кого братъ мой называетъ своимъ врагомъ; но если намѣреніе твое было твердо, то тебѣ слѣдовало тотчасъ же привѣсть плѣнника ко мнѣ; если же нѣтъ, то не должно было трогать человѣка, котораго ты не хотѣлъ убересть⁸²».

Двусмысленное выраженіе этихъ упрековъ доказывало въ королѣ Гонтранѣ столько же отвращенія отъ преслѣдованія

сына, сколько и боязни поссориться съ отцомъ. Онъ подвергъ графа Эрноальда всей тягости своей опалы и не довольствуясь отрѣшеніемъ его отъ должности, осудилъ сверхъ того на пеню въ семь сотъ золотыхъ монетъ⁸³. Кажется, что не смотря на посланія и убѣдительныя просьбы Гильперика, Гонтранъ не предпринялъ никакихъ насильственныхъ мѣръ для изгнанія бѣглеца изъ новаго убѣжища, а, напротивъ того, безъ огласки и сохраняя приличіе, дѣйствовалъ подъ рукою такъ, что Меровигъ скоро нашель случай убѣжать и продолжать свое странствованіе. Дѣйствительно, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ оксеррской базиликѣ, юный принцъ уѣхалъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Гаилена, и на этотъ разъ дороги были ему открыты. Онъ наконецъ вступилъ въ австразійскую землю, гдѣ надѣялся найди спокойствіе, друзей, супружеское счастье и всѣ почести, нераздѣльныя съ званіемъ мужа королевы; но гдѣ ожидали его лишь новыя неудачи и несчастія, которымъ суждено было кончиться только съ его жизнію⁸⁴.

Австразійское королевство, управляемое отъ имени ребенка, совѣтомъ владѣтелей и епископовъ, было въ то время позорищемъ безпрестанныхъ смуть и страшныхъ раздоров. Отсутствие всякой законной узды и своеволіе личнаго произвола чувствовались тамъ сильнѣе, нежели въ какой-либо другой части Галліи. Въ этомъ отношеніи, не было никакого ни племеннаго, ни государственнаго различія; варвары или Римляне, духовные или вожди дружинъ, всѣ, кто только считалъ себя сильнымъ властію или богатствомъ, стремились превзойдти другъ друга въ буйствѣ и честолюбіи. Раздѣленные на враждебная стороны, они сходились только въ одномъ, — въ неистовой

ненависти къ Брунегильдѣ, которую хотѣли лишить всякаго вліянія на правленіе ея сына. Главными начальниками этой страшной аристократіи были реймсскій епископъ Эгидій, явно подкупленный нейстрійскимъ королемъ, и герцогъ Раукингъ, богатѣйшій изъ Австразійцевъ, характеръ типическій, если можно такъ выразиться, творившій зло изъ наслажденія, тогда какъ другіе варвары творили его въ порывѣ страсти или изъ корыстныхъ видовъ⁸⁵. Про него рассказывали жестокости истинно баснословныя, подобныя тѣмъ, какія народное преданіе приписываетъ нѣкоторымъ владѣтелямъ замковъ феодальнаго времени, воспоминаніе о которомъ живетъ въ развалинахъ ихъ башенъ. Когда онъ ужиналъ, освѣщаемый рабомъ, державшимъ въ рукѣ восковой свѣтильникъ, — одною изъ любимѣйшихъ забавъ его было заставлять бѣднаго раба гасить огонь голыми ногами, потомъ зажигать его и снова гасить нѣсколько разъ тѣмъ же порядкомъ. Чѣмъ сильнѣе была обжога, тѣмъ больше тѣшился герцогъ Раукингъ и хохоталъ надъ кривляньями бѣдняка, подвергнутаго такой пыткѣ⁸⁶. Онъ велѣлъ похоронить живьемъ, въ одну и ту же могилу, двухъ своихъ поселянъ, юношу и молодую дѣвушку, виновныхъ въ томъ, что они вступили въ бракъ безъ его согласія; по просьбѣ священника, онъ поклялся не разлучать ихъ. «Я сдержалъ мою клятву», говорилъ онъ со звѣрскимъ смѣхомъ: «они навѣки вмѣстѣ⁸⁷».

Этотъ ужасный человѣкъ, котораго дерзость съ королевою Брунегильдою превосходила всякую мѣру, а поступки постоянно были мятежные, имѣлъ обыкновенными своими спутниками Бертефреда и Урсіо, одного родомъ Германца, а другаго сына Галло-Римлянина, но глубоко

проникнутаго грубостью и буйствомъ германскихъ нравовъ. Въ дикомъ сопротивленіи своемъ они оскорбляли не только королеву, но всякаго, кто старался сойдтись съ нею для сохраненія мира и общественнаго порядка. Они особенно недовольны были Римляниномъ Волкомъ (Lirus), герцогомъ Шампаніи, или реймской равнины, правителемъ строгимъ и бдительнымъ, напитаннымъ древними преданіями о правленіи императоровъ⁸⁸. Шайка герцога Раукинга почти ежедневно разоряла помѣстья Волка, грабила тамъ дома и подвергала жизнь его опасности. Однажды Урсіо и Бертефредъ напали на него самого и на людей его съ толпою всадниковъ почти у воротъ дворца, гдѣ жилъ юный король съ своею матерью. Послышавъ тревогу, прибѣжала Брунегильда и, смѣло бросясь въ средину между вооруженныхъ всадниковъ, закричала вождю зачинщиковъ: «Зачѣмъ трогать невиннаго? Не дѣлайте этого грѣха, не начинайте бытвы, которая погубить нашу землю!» — «Жена», — отвѣчала ей Урсіо съ выраженіемъ суровой гордости: — «удались! Довольно было съ тебя властвовать при жизни твоего мужа; теперь царствуетъ сынъ твой, и не твои, а наши попеченія хранятъ безопасность королевства. Удались же, или мы растопчемъ тебя подъ копытами коней⁸⁹».

Такое положеніе дѣлъ въ Австрازیи плохо соотвѣствовало надеждамъ, которыми ласкался Меровигъ. Очарованіе его было непродолжительно. Только-что прибылъ онъ въ Мець, столицу королевства, какъ получилъ отъ правительствующаго совѣта приказаніе немедленно удалиться. Хотя бы даже имѣлъ позволеніе войти въ городъ. Честолюбивые вожди, считавшіе Брунегильду чужестранкою безъ всякихъ правъ и власти, не могли

сносить присутствія мужа королевы, которой опасались не смотря на притворное къ ней прѣзрѣніе. Чѣмъ болѣе она настаивала и просила, чтобы Меровигъ принять быть гостепріимно и могъ спокойно жить съ нею, тѣмъ суровѣе и непреклоннѣе были тѣ которые властвовали именемъ малолѣтняго короля. Они представили опасеніе разрыва съ нейстрійскимъ королемъ, воспользовались этимъ предлогомъ, и все снисхожденіе, оказанное ими королевѣ, ограничилось тѣмъ, что сынъ Гильперика былъ просто удаленъ, непретерпѣвъ никакого насилія и не бывъ преданъ отцу⁹⁰.

Лишенный послѣдней надежды на пріютъ, Меровигъ возвратился тѣмъ же путемъ, по которому прибылъ; но не вступая въ предѣлы гонтранова королевства, свернулъ съ большой дороги и бродилъ изъ селенія въ селеніе по реймской равнинѣ. Онъ пустился на удачу; ночью шель, а днемъ скрывался, избѣгая въ особенности встрѣчь съ людьми высокаго званія, которые могли его узнать, опасаясь измѣны, подвергаясь всякаго рода лишеніямъ, и не имѣя впереди ничего, кромѣ желанія снова добратъся до убѣжища св. Мартина Турскаго. Лишь-только слѣдъ его былъ потерянъ, стали догадываться, что онъ рѣшился на послѣднее, и слухъ о томъ проникъ до Нейстріи⁹¹.

По этимъ слухамъ король Гильперикъ тотчасъ же приказалъ своему войску вступить для занятія города Тура и охраненія обители св. Мартина. Войска, пришедши въ турскую область, начало грабить, разорять и даже жечь весь край, не щада церковныхъ имуществъ. — Хищенія всякаго рода совѣршались въ стѣнахъ обители, гдѣ помѣщалась часть войска; часовые разставлены были у всѣхъ выходовъ базилики. — Днемъ и ночью всѣ двери были заперты, кромѣ

одной, въ которую имѣли позволеніе входить немногіе церковнослужители для священнодѣйствія; народъ былъ изгнанъ изъ храма и лишень божественной службы⁹². Пока исполнялись эти распоряженія, имѣвшія цѣлю отрѣзать бѣглецу обратый путь, король Гильперикъ, вѣроятно съ согласія автсразійскихъ владѣльцевъ, перешель съ войскомъ чрезъ границу и обшарилъ всю мѣстность, гдѣ только возможно было укрыться Меровигу. Обойденный со всѣхъ сторонъ, какъ пушный звѣрь, за которымъ гоняются охотники, юноша успѣлъ однако ускользнуть отъ поисковъ своего отца, благодаря состраданію чернаго народа франкского и римскаго происхожденія, на который только и могъ положиться. Изъѣздивъ напрасно всю страну и пройдя вдоль по Арденскому Лѣсу, Гильперикъ возвратился въ свое королевство, не безъ того, чтобы предводимое имъ въ этомъ объѣздѣ войско не причинило жителямъ какого-либо насилія⁹³.

Пока Меровигъ вынужденъ былъ вести жизнь изгнанника и скитальца, старый товарищъ его, Гонтранъ Бозе, возвращаясь изъ Пуатье, прибылъ въ Австразію. Въ этомъ королевствѣ онъ былъ единственный, нѣсколько значительный человѣкъ, у котораго сынъ Гильперика могъ просить помощи, и Гонтранъ безъ сомнѣнія не замедлилъ узнать убѣжище и всѣ тайны несчастнаго бѣглеца. Такое безнадежное положеніе представляло Гонтрану двоякій выборъ: или тягостную преданность, или выгоды предательства. Въ подобныхъ случаяхъ онъ не привыкъ колебаться и склонился на последнѣе. По-крайней-мѣре, такого было общее мнѣніе; ибо Гонтранъ, по обыкновенію, не вмѣшался открыто, но дѣйствовалъ подъ рукою, поступая такъ двулично, что въ случаѣ неудачи заговора могъ

положительно отъ него отречься. — Королева Фредегода, не упускавшая случая дѣйствовать отъ себя, лишь-только хитрости ея мужа, какъ нерѣдко бывало, не удавались, видя неудачу поисковъ за Меровингомъ, рѣшилась прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, не столь громкимъ, но болѣе вѣрнымъ. Она сообщила предположенія свои Эгидію, реймскому епископу, бывшему съ нею въ дружественныхъ сношеніяхъ по политическимъ кознямъ; чрезъ его посредничество снова сдѣланы были Гонтрану Бозе блистательныя обѣщанія и даны наставленія королевы. Содѣйствиемъ этихъ двухъ людей непримиримой непріятельницѣ гильперикова сына составился искусно-обдуманнѣйшій замыселъ погубить Меровига, затронувъ за самую живую струну: безразсудное честолюбіе юноши и нетерпѣніе его царствовать⁹⁴.

Нѣсколько человѣкъ изъ Теруанскаго Округа, страны, преданной Фредегондѣ, тайно отправились въ Австразію для свиданія съ сыномъ Гильперика. Достигнувъ убѣжища, въ которомъ онъ скрывался, они вручили ему слѣдующее посланіе отъ имени своихъ соотечественниковъ. «Такъ-какъ волосы твои нынѣ выросли, то мы хотимъ тебѣ подчиниться и готовы покинуть твоего отца, если прійдешь къ намъ»⁹⁵. Меровигъ жадно схватился за эту надежду; полагаясь на неизвѣстныхъ людей, подозрительныхъ представителей небольшого нейстрійскаго округа, онъ мечталъ свергнуть отца своего съ престола. Онъ тотчасъ отправился въ Теруань, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, влѣпо ему преданныхъ: Гаилена, неразлучнаго друга его во дни счастья и бѣдствий; Гаукиля, палатнаго графа Австразіи при королѣ Сигбертѣ, но въ это время бывшаго въ опалѣ;

наконецъ, Гринда и нѣкоторыхъ другихъ, кого именно историкъ не именуетъ, но прозываетъ удалъцами⁹⁶.

Они отважились ступить на нейстрійскую землю, не помышляя о томъ, что чѣмъ далѣе шли впередъ, тѣмъ труднѣе становилось отступлѣніе. На рубежѣ дикаго округа, простиравшагося къ сѣверу отъ Арраса до морскаго берега, они встрѣтили, что имъ было обѣщано: воинскія дружины, привѣтствовавшія ихъ кликами: «король Меровигъ!» На приглашеніе отдохнуть въ одномъ изъ тѣхъ хуторовъ, въ какихъ жили Франки, они вошли туда довѣрчиво; но за ними вдругъ заперли двери, часовые заняли всѣ выходы и вооруженные посты расположились около дома, какъ-бы вокругъ осажденнаго города. Въ то же время гонцы вскочили на лошадей и поскакали въ Суассонъ объявить королю Гильперіку, что враги его дались въ сѣти, и что онъ можетъ прійти и распорядиться съ ними⁹⁷.

Услышавъ стукъ закладываемыхъ дверей и видя воинственныя распоряженія, прекращавшія выходъ, Меровигъ, пораженный предчувствіемъ близкой бѣды, впалъ въ задумчивость и уныніе. Грустное и мечтательное воображеніе сѣвернаго жителя, составлявшее самую рѣзкую черту его характера, мало-по-малу воспламенилось до изступленія; его преслѣдовали мысли о насильственной смерти и страшныя видѣнія пытки и истязанія. Имъ овладѣлъ такой томительный страхъ предстоявшей ему участи, что, не надѣясь болѣе ни на что, онъ видѣлъ спасеніе только въ убійствѣ⁹⁸. Но у него не стало духу наложить на себя руки; онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чужой помощи и сказалъ своему брату по оружію: «Гаилень, мы до-сихъ-поръ жили одной душой и одной мыслью; молю тебя, не оставляй меня на произволь

враговъ моихъ, возьми мечъ и убей меня.» Гаилень съ покорностью вассала обнажилъ ножъ, бывшій у него за поясомъ, и наповаль поразилъ молодаго принца. Гильперикъ, пріѣхавшій съ великою поспѣшностью схватить своего сына, нашель тлько трупъ его⁹⁹. Гаилень былъ взятъ вмѣстѣ съ другими спутниками Меровига; онъ не рѣшился умертвить себя, можетъ-быть, изъ необъяснимой слабости, или питаясь еще тщетной надеждой. Были люди, сомнѣвавшіеся въ истинѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ событій, и полагавшіе, что Фредегонда, неуклонно стремясь къ своей цѣли, приказала заколоть пасынка и распустила слухъ о самоубійствѣ, щадя отцовское чувство Гильперика. Впрочемъ, страшныя мученія, которымъ подверглись спутники Меровига, казалось оправдывали его предчувствія и преждевременный ужасъ. Гаилень погибъ въ самыхъ варварскихъ истязаніяхъ: ему обрубили ноги, руки, носъ и уши; Гринду раздробили члены на колесѣ, которое поднято было на воздухъ, гдѣ онъ и умеръ. Гаукиль, старѣйшій изъ всѣхъ, былъ счастливѣе: ему просто отсѣкли голову¹⁰⁰.

Такъ поплатился Меровигъ за гибельную дружбу съ убійцей своего брата, и Гонтранъ Бозе вторично сдѣлался орудіемъ гибельнаго рока, тяготѣвшаго надъ сыновьями Гильперика. Однако совѣсть не терзала его сильнѣе прежняго, и какъ хищная птица, возвращающаяся въ свое гнѣздо послѣ ловитвы, онъ опять встревожился о дочеряхъ своихъ, оставленныхъ имъ въ Пуатъе. Въ-самомъ-дѣлѣ, городъ этотъ снова подпаль подъ власть нейстрійскаго короля; планъ завоеванія, пріостановленный побѣдою Муммола, былъ возобновленъ послѣ годичной перемирия, и Дезидерій, предводя многочисленнымъ войскомъ, снова

угрожалъ всей Аквитаніи. Кто наиболѣе ознаменовалъ себя вѣрностью королю Гильдеберту, или противъ кого король Гильперикъ питалъ какую-либо особенную злобу, тѣ были схвачены въ своихъ домахъ и отправлены, подъ прикрытіемъ, въ брэнскій дворець. Такъ проѣхали по дорогѣ изъ Тура въ Суассонъ Римлянинъ Эннодій, графъ города Пуатье, виновный въ намѣреніи защищать его, и Франкъ Дакъ, сынъ Дагарика, пытавшійся держаться съ своими наѣздниками въ полѣ¹⁰¹. При такихъ обстоятельствахъ, возвращеніе Гонтрана Бозе въ Пуатье было предпріятіемъ необыкновенно опаснымъ; но онъ уже не рассчитывалъ и рѣшился во что бы ни стало спасти дочерей своихъ отъ опасности быть похищенными изъ ихъ пріюта. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, которыхъ онъ всегда находилъ, не смотря на частыя свои измѣны, онъ отправился на югъ по самой надежной дорогѣ, благополучно достигъ Пуатье и не менѣе удачно успѣлъ вывезть обоихъ дочерей своихъ изъ базилики св. Иларія. Но этимъ еще не все кончилось; надлежало какъ-можно-поспѣшнѣ удалиться и поскорѣе достигнуть мѣста, безопаснаго отъ всякой погони; Гонтранъ и его друзья, не теряя времени, вскочили на коней и выѣхали ихъ Пуатье въ ворота, выходившія на турецкую дорогу¹⁰².

Они ѣхали около закрытой повозки, въ которой сидѣли обѣ молодыя дѣвушки, и были вооружены кинжалами и короткими копьями, составлявшими обыкновенный нарядъ самыхъ мирныхъ путниковъ. Едва отѣхали они нѣсколько сотъ шаговъ, какъ замѣтили приближавшихся къ нимъ на встрѣчу всадниковъ. Обѣ стороны остановились, чтобы обознаться, и дружина Гонтрана Бозе изготавилась къ отпору, потому-что встрѣчные были

непріятелі¹⁰³. Ими предводилъ нѣкто Драколенъ, весьма дѣятельный наѣздникъ короля Гильперика, только-что возвратившійся изъ бренскаго дворца, куда онъ отвелъ дагарикова сына и другихъ плѣнниковъ со связанными за спиной руками. Гонтранъ чувствовалъ, что надо сразиться; но прежде, нежели схватился въ рукопашную, попробовалъ вступить въ переговоры. Онъ выслалъ къ Драколену одного изъ своихъ друзей и наказалъ ему слѣдующее: «Ступай и скажи ему отъ моего имени такъ: Ты знаешь, что прежде мы были въ союзѣ, и потому прошу тебя дать мнѣ свободный пропускъ; возьми что хочешь изъ моихъ пожитковъ, все отдамъ тебѣ, самъ голъ останусь, лишь-бы пройти мнѣ съ дочерьми моими туда, куда желаю»¹⁰⁴.

Услышавъ эти слова, Драколенъ, считавшій себя сильнѣйшимъ, расхохотался, и показывая пучекъ веревокъ, висѣвшій на лукѣ его сѣдла, сказалъ посланному: «Вотъ веревка, которою связавъ другихъ злодѣевъ, я отвелъ къ королю; она и для него мнѣ послужить»¹⁰⁵. Вслѣдъ за тѣмъ, пришпоривъ коня, онъ поскакалъ на Гонтрана Бозе и ударилъ его копьемъ; но ударъ былъ дурно направленъ и остріе копья, отскочивъ отъ древка, упало на землю. Гонтранъ воспользовался рѣшительнымъ мгновеніемъ и, ударивъ Драколена въ лицо, покачнулъ его въ сѣдлѣ; другой сбросилъ его на землю и покончилъ ударомъ копья въ бока. Нейстрійцы, видя смерть своего вождя, обратились вспять, и Гонтранъ Бозе двинулся далѣе, тщательно обобравъ трупъ своего непріятеля¹⁰⁶.

Послѣ этого приключенія Гонтранъ спокойно продолжалъ путь свой въ Австразію. По прибытіи въ Мець, онъ снова началъ вести барскую жизнь знатнаго Франка, въ своей дикой независимости и безчинствѣ непредставлявшую ни

важнаго достоинства римскаго патриція, ни рыцарскихъ качествъ феодальныхъ дворовъ. Въ-продолженіи трехъ лѣтъ исторія мало о немъ упоминаетъ; послѣ того онъ вдругъ является въ Константинополь, куда, кажется, завлеченъ былъ своимъ безпокойнымъ и неусидчивымъ характеромъ. Онъ возвратился изъ этого дальняго странствія только для участія въ великой борьбѣ того вѣка, взволновавшей всю Галлію, борьбѣ, въ которой соперничество австразійскихъ Франковъ и западныхъ ихъ братій заключило союзъ съ народною ненавистью полуденныхъ Галловъ для разрушенія двухъ королевствъ, гдѣ столицами были Суассонъ и Шалонъ-на-Сонѣ.

¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233 и 234. — *Cigъ* есть уменьшительное.

² Ibid. стр. 233.

³ Ibid. — Fredegarii Hist. Franc., стр. 407.

⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

⁵ Ibid. стр. 245.

⁶ Ibid. стр. 233.

⁷ Ibid. стр. 246.

⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 333. — Провинція, въ которой главный городъ Пуатье, называется Пуату.

⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

¹⁰ Ibid. стр. 233 и 261. — См. далѣе, пятый рассказъ.

¹¹ Ibid. стр. 233.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. стр. 245.

¹⁴ См. Ниже четвертый рассказъ.

¹⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. стр. 233 и 234.

²⁰ Ibid.

-
- ²¹ Ibid. стр. 234.
- ²² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 233. — Adriani Valesii rer. franc., стр. 73.
- ²³ Aimoini, de Gest. Franc., стр. 73.
- ²⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 245.
- ²⁵ Ibid. стр. 332. — Chron. Joannis Biclariensis, apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 21.
- ²⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. стр. 281, 282, 296, 303, и проч.
- ³¹ Agathiae hist., apud script. rer. gall. et franc., т. II, стр. 49.
- ³² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.
- ³³ Ibid., стр. 239 и 185. — Adriani Valesii, notit. gallicar., стр. 22.
- ³⁴ Ibid. стр. 234. — См. выше, второй рассказ.
- ³⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 234 и 235.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Flav. Vopisc., apud script. rer. gal. et franc., т. I, стр. 541.
- ³⁸ Bose, на новомъ нѣмецкомъ языкѣ Boese, значитъ злой, лукавый. — Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241.
- ³⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Sidon. Apollinar. epist., apud script. rer. gal. et franc., т. I, стр. 793. — Menachi Sangallensis de gestis Caroli magni, ibid., т. V, стр. 121. — Vitam Caroli magni per Edinhardum script., ibid., стр. 98.
- ⁴² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239. — Употребленіе плащей съ капюшонами, или наглавниками, перешло отъ Галловъ въ Римъ; см. сатиры Ювенала и *Объяснения древности*, отца Монфокона.
- ⁴³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239. — Praefatio D. Theod. Ruinart ad Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 95.
- ⁴⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Законъ императора Льва о неприкосновенныхъ убѣжищахъ (466). — См. *Histoire ecclésiastique de Fleury*, т. IV, стр. 562.
- ⁴⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 239.
- ⁴⁹ Ibid.

-
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid. стр. 240.
- ⁵² Ibid. стр. 244.
- ⁵³ Ibid. стр. 240.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. стр. 229 и 240.
- ⁵⁷ Ibid., стр. 300.
- ⁵⁸ Ibid., стр. 240.
- ⁵⁹ Приitchи Соломона, гл. 30, стихъ 80.
- ⁶⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 240.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Ibid., стр. 241.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Книга Царствъ, кн. 3, гл. 9, стих 9.
- ⁷⁴ Псаломъ 72, стихъ 18.
- ⁷⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241. — Евангеліе отъ Матвѣя, гл. 26, стихъ 2.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Greg. Turon., стр. 241.
- ⁷⁸ Fredegarii Hist. Franc., стр. 249.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid., стр. 441.
- ⁸¹ Ibid., стр. 241.
- ⁸² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 241.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid., стр. 233.
- ⁸⁶ Ibid., стр. 234.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Fortunat. *carm. de Lupo duce*, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 514.

⁸⁹ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 267.

⁹⁰ Ibid. стр. 241. — *Adriani Valesii, rer. franc.*, кн. X, стр. 83.

⁹¹ Ibid. стр. 246.

⁹² Greg. Turon., *Hist. Franc.*, стр. 241 — 246.

⁹³ Ibid., стр. 241.

⁹⁴ Ibid., стр. 246.

⁹⁵ Ibid. — *Erchanberti fragmentum*, apud script. rer. gallic., et franc., т. II, стр. 690.

⁹⁶ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 241.

⁹⁷ Ibid., стр. 246.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid., стр. 249.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Ibid., стр. 250.

¹⁰⁶ Ibid.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРИЯ ПРЕТЕКСТАТА, ЕПИСКОПА РУАНСКАГО.

(577 — 586).

Въ то время, когда сынъ короля Гильперика, изгнанный изъ владѣній своего отца и королевства своей супруги, скитался по дебрямъ и лѣсамъ Шампаніи, въ цѣлой Нейстріи нашелся только одинъ человѣкъ, имѣвшій смѣлость громко называть себя его другомъ. То былъ руанскій епископъ, Претекстатъ, который съ того дня, какъ принялъ отъ купели юнаго принца, привязался къ нему той преданною, безусловною, необдуманною любовью, къ какой, кажется, способны только мать или кормилица. Увлеченіе слѣпаго сочувствія, заставившее его, вопреки церковнымъ уставамъ, благопріятствовать любви Меровига ко вдовѣ дяди, только усилилось несчастіями, которыя были слѣдствіемъ этой безразсудной страсти по всей вѣроятности, усердію Претекстата обязанъ былъ мужъ Брунегильды тѣми денежными пособіями, съ помощію которыхъ успѣлъ уйдти изъ базилики св. Мартина Турскаго и достигнуть предѣловъ Австразіи.

Узнавъ о неудачѣ того побѣга, епископъ не упалъ духомъ, напротивъ, онъ удвоилъ усилія для снисканія друзей и убѣжища бѣглецу, которому былъ духовнымъ отцомъ, и котораго гналъ родной отецъ. Онъ не старался скрывать ни своихъ чувствъ, ни поступковъ, считая ихъ своею обязанностью. Ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка изъ Франковъ, проживавшихъ въ его епархіи и приходившихъ посѣщать его, не отпускалъ онъ отъ себя, долго не поговоривъ съ нимъ о несчастіяхъ Меровига, не упрашивая настоятельно объ оказаніи участія и помощи своему крестнику, своему милому сыну, какъ онъ самъ выражался. Слова эти были въ родѣ припѣва, который, въ простотѣ своего сердца, онъ повторялъ безпрестанно и прибавлялъ ко всѣмъ рѣчамъ своимъ. Если случалось ему принимать дары отъ какого-нибудь сильнаго и богатаго мужа, то онъ спѣшилъ отдарить его вдвое, заставляя дать обѣщаніе помогать Меровигу и быть ему вѣрнымъ въ его бѣдствіи¹.

Руанскій епископъ не соблюдалъ умѣренности въ словахъ и неосторожно довѣрялся всякаго рода людямъ, такъ что король Гильперикъ, по общимъ ли слухамъ, или чрезъ услужливыхъ пріятелей, не замедлилъ провѣдать все и получить лживые, или по-крайней-мѣрѣ приувеличенные доносы. Претекстата обвиняли въ раздачѣ подарковъ народу, для возбужденія его къ измѣнѣ, и въ замышленіи заговора противъ королевской особы и власти. При этомъ извѣстіи, Гильперикъ ощутилъ въ себѣ ту злобу съ примѣстью боязни, въ-продолженіи которой, не зная на что рѣшиться, обыкновенно подчинялся совѣтамъ и вліянію Фредегонды. Съ того времени, какъ ему удалось разлучить Меровига съ Брунегильдой, онъ почти уже

простилъ епископу Претекстату ихъ вѣнчаніе; но Фредегонда, менѣе забывчивая, чѣмъ онъ, и не столь ограниченная въ своихъ корыстныхъ видахъ, воспылала къ епископу тою глубокою ненавистью, которая угасала въ ней только съ жизнію того, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя вражду королевы. И такъ воспользовавшись случаемъ, она уговорила короля призвать Претекстата на судъ епископовъ, какъ виновнаго по римскому закону въ оскорбленіи величества, и если не удастся уличить его въ другихъ преступленійхъ, то истребовать по-крайней-мѣрѣ наказаніе за нарушеніе церковныхъ уставовъ².

Претекстатъ былъ схваченъ въ своемъ домѣ и отведенъ въ королевское мѣстопробываніе, для снятія тамъ съ него допроса о преступленіяхъ, которая на него взводили, и о сношеніяхъ его съ Брунегильдой съ того времени, когда она уѣхала изъ Руана обратно въ Австразію. Изъ отвѣтовъ епископа узнали, что онъ не вполне возвратилъ этой королевѣ драгоцѣнности, которыя она ввѣрила ему передъ отъѣздомъ, что у него остались еще двѣ связки съ тканями и дорогими каменьями цѣною до трехъ тысячъ золотыхъ солидовъ, и кромѣ того мѣшокъ съ золотой монетой, счетомъ до двухъ тысячъ³. Обрадованный такимъ открытіемъ болѣе, нежели всякимъ другимъ извѣстіемъ, Гильперикъ поспѣшилъ схватить эти залого и описать ихъ въ свою пользу, послѣ того онъ удалилъ Претекстата отъ епархіи и держалъ подъ строгимъ присмотромъ до собора епископовъ, которые должны были съѣхаться судить его⁴.

Пригласительныя повѣстки, разосланныя ко всѣмъ епископамъ гильперикова королевства, сзывали ихъ въ Парижъ въ послѣднихъ числахъ весны 577 года. Со смертію Сигберта, нейстрійскій король считалъ тотъ городъ своею

собственностью и на клятвенное обѣщаніе не вступать въ него не обращалъ никакого вниманія. Боялся ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ какого либо предпріятія со стороны тайныхъ сообщниковъ Брунегильды и Меровига, или желалъ усилить впечатлѣніе на умы судей Протекстата, только онъ совершилъ путь свой изъ Суассона въ Парижъ въ сопровожденіи такой многочисленной свиты, что ее можно было почестъ за войско. Дружина эта расположилась у воротъ королевскаго жилища; оно было, по всей вѣроятности, старинный императорскій дворецъ, котораго зданія возвышались на берегу Сены, къ югу отъ города. Восточная сторона дворца прилегала къ римской дорогѣ, шедшей отъ меньшаго городскаго моста по направленію къ югу. Другая, римская же дорога, проложенная отъ главнаго входа на востокъ, поворачивала потомъ къ юго-востоку и вела черезъ виноградныя поля на самую высокую площадку южнаго холма. Тамъ стояла церковь, посвященная затупничеству святыхъ апостоловъ Петра и Павла; она-то и была избрана для засѣданій собора; вѣроятно по причинѣ близости къ королевскому жилищу и къ расположенію войскъ⁵.

Въ этой церкви, сооруженной полвѣка назадъ, находились гробницы короля Клодовига, королевы Клотильды и святой Геновефы или Женевьевы. Клодовигъ приказалъ построить ее, по просьбѣ Клотильды, передъ отъѣздомъ своимъ въ походъ на Визиготовъ; прибывъ на избранное для того мѣсто, онъ бросилъ прямо передъ собой топоръ, чтобы современемъ, по длинѣ зданія, могъ измѣрить силу руки своей⁶. Это была одна изъ тѣхъ базиликъ V и VI вѣка, болѣе замѣчательныхъ богатствомъ убранствъ, нежели архитектурными размѣрами, украшенныхъ внутри

мраморными колонами, мозаикою и росписными и полозолоченными карнизами, а снаружи мѣдною крышею и портикомъ⁷. Портикъ церкви св. Петра состоялъ изъ трехъ галерей: одна была пристроена къ передней сторонѣ зданія, а двѣ другія съ боковъ. Эти галереи по всей длинѣ своей украшены были стѣнною живописью, изображавшею четыре легіона святыхъ ветхаго и новаго завѣта, патріарховъ, пророковъ, мучениковъ и исповѣдниковъ⁸.

Таковы подробности, извлеченная изъ подлинныхъ свѣдѣній о мѣстѣ, гдѣ созданъ былъ соборъ, пятый изъ бывшихъ въ Парижѣ. Въ назначенный пригласительными повѣстками день, сорокъ-пять епископовъ собрались въ базилики св. Петра. Король, съ своей стороны, также прибылъ въ церковь; онъ вышелъ съ нѣсколькими изъ своихъ литов (leudes), вооруженными только мечами; толпа Франковъ, въ полномъ воинскомъ уборѣ, остановилась подъ портикомъ и окружила его. Церковные клиросы, по всей вѣроятности, представлены были судьямъ, истцу и обвиняемому; тутъ же лежали, въ видѣ уликъ, двѣ связки и мѣшокъ съ золотой монетою, найденные въ домѣ Претекстата. Король, по прибытіи своемъ, указалъ на нихъ епископамъ, объявивъ, что вещи эти будутъ имѣть важное значеніе въ предстоящемъ дѣлѣ⁹. Члены собора, прибывшіе изъ городовъ, или составлявшіе первоначальный удѣлъ Гильперика или завоеванныхъ имъ по смерти брата, были частію галльскаго, частію франкскаго происхожденія. Изъ первыхъ, гораздо многочисленнѣшихъ, были: Григорій, епископъ турскій, Феликсъ нантскій, Домноль манссскій, Гонорать аміенскій, Этерій лизьескій, и Папполь шарттрскій. Изъ числа вторыхъ были: Рагенемодъ, епископъ парижскій, Левдовальдъ

байіескій, Ромагеръ кутанскій, Маровигъ пуатьескій, Малульфъ санлійскій и Бертранъ бордосскій. Этотъ послѣдній, кажется, облечень былъ своими собратіями въ званіе и должность предсѣдателя¹⁰.

Онъ былъ мужъ знатнаго рода, близкій родственникъ королей по матери своей Ингельтрудѣ, и обязанный этому родству своимъ значеніемъ и огромными богатствами. Онъ склоненъ былъ къ вѣжливости и изяществу римскихъ обычаевъ; любилъ являться въ народѣ на колесницѣ, въ четыре лошади, сопровождаемый молодыми причетниками своей церкви, будто патронъ въ кругу своихъ кліентовъ¹¹. Съ той склонностью къ роскоши и сенаторской пышности, епископъ Бертранъ соединялъ любовь къ стихотворству и сочинялъ латинскія эпиграммы, которыя хвастливо показывалъ на диво знатокамъ, хотя онѣ были наполнены выкраденными стихами и ошибками противъ размѣра¹². Болѣе вкрадчивый и ловкій, нежели обыкновенно были люди германскаго племени, онъ, однако, сохранилъ въ своемъ характерѣ падкость ихъ къ безстыдному и необдуманному распутству. По примѣру королей, своихъ родственниковъ, онъ бралъ служанокъ въ наложницы, и, не довольствуясь этимъ, искалъ любовницъ между замужними женщинами¹³. Его подозрѣвали въ прелюбодѣйной связи съ королевою Фредегондою; по этой, или по другой какой причинѣ, только онъ сдѣлался самымъ усерднымъ поборникомъ этой королевы въ злобѣ ея на руанскаго епископа. Вообще, прелаты франкскаго происхожденія, можетъ-быть, по привычкѣ къ подчиненности, склонялись на рѣшеніе дѣла въ пользу короля, жертвуя своимъ собратомъ. Римскіе епископы обнаруживали болѣе сочувствія къ обвиняемому, болѣе

справедливости и уваженія къ достоинству своего сана, но они были напуганы военною силою, окружавшею короля Гильперика, и въ особенности присутствіемъ Фредегонды, которая, не довѣряя, какъ и всегда, искусству своего мужа, сама пріѣхала заботиться объ исполненіи своего мщенія.

Когда обвиняемый былъ введенъ и засѣданіе открылось, король всталъ, не обращаясь къ судьямъ, грубо спросилъ своего противника: «Епископъ», сказалъ онъ ему, «какъ осмѣлился ты сочетать бракомъ врага моего, Меровига, которому слѣдовало быть только моимъ сыномъ, съ его теткой, я хочу сказать съ женою его дяди? Развѣ ты не зналъ, что предписываютъ въ такомъ случаѣ правила церкви? И не только ты уличенъ въ этомъ прегрѣшеніи, но еще злоумышлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, о комъ я говорю, и раздавалъ дары для того, чтобы умертвить меня? Ты изъ сына сдѣлалъ врага отцу, подкупалъ народъ, чтобы никто не хранилъ должной мнѣ вѣрности; ты хотѣлъ предать королевство мое въ руки другаго¹⁴»,.. Послѣднія слова, произнесенныя съ силою посреди всеобщей тишины, были услышаны франкскими ратниками, которые, оставаясь внѣ церкви, толпились изъ любопытства у дверей, затворенныхъ въ началѣ засѣданія. На голосъ короля, взывавшаго объ измѣнѣ, эта вооруженная толпа тотчасъ отвѣтила ропотомъ негодованія и кликами: «смерть измѣннику!» Потомъ, разсвирѣпѣвъ до ярости, она почла долгомъ вломиться въ дверь, вторгнуться въ церковь и вытащить вонъ епископа съ намѣреніемъ побить его камнями. Члены собора, испуганные такимъ неожиданнымъ волненіемъ, сошли съ своихъ мѣстъ, и самъ король долженъ былъ поспѣшить на встрѣчу ворвавшимся воинамъ, чтобы усмирить и привести ихъ въ порядокъ¹⁵.

Когда собраніе нѣсколько успокоилось и было возможно продолжать засѣданіе, тогда руанскому епископу дозволено было говорить въ свою защиту. Ему нельзя было оправдываться въ томъ, что, вѣнчаніемъ Меровига съ Брунегильдой, онъ нарушилъ церковные уставы: но онъ торжественно отрекся отъ заговора и измѣны, въ которыхъ король обвинилъ его. Тогда Гильперикъ объявилъ, что имѣеть свидѣтелей, и приказалъ ввести ихъ. Явилось нѣсколько человѣкъ франкскаго происхожденія, съ разными драгоцѣнностями, которыя они показали обвиняемому, говоря: «Узнаешь ты это? Ты намъ это далъ за тѣмъ, чтобы мы обѣщали вѣрность Меровигу¹⁶». Епископъ, не смущаясь, отвѣтствовалъ: «Вы говорите правду, я не однажды дарилъ васъ, но не для того, чтобы изгнать короля изъ его королевства. Когда вы предлагали мнѣ въ даръ добраго коня, или что иное, могъ ли я не показать себя такимъ же, какъ и вы, и не воздать вамъ подаркомъ за подарокъ¹⁷». Хотя въ этомъ отвѣтѣ, не смотря на все его чистосердечіе, многое было утаено, однако, существованіе злаго умысла не могло быть доказано никакими достовѣрными свидѣтельствами. Дальнѣйшія пренія не привели ни къ какому доказательству противъ обвиняемаго, и король, недовольный неудачею этой первой попытки, прекратилъ засѣданіе и удалился изъ церкви въ свое жилище. За нимъ послѣдовали его люди, а епископы пошли отдыхать всѣ вмѣстѣ въ ризницу¹⁸.

Пока они сидѣли кружками, разговаривая между собою дружески, но съ нѣкоторою осторожностью, ибо не довѣряли другъ другу, неожиданно вошелъ человѣкъ, котораго большая часть знала только по имени. То былъ Аэцій, родомъ Галлъ и архидіаконъ парижской церкви.

Поклонившись епископамъ, онъ съ крайнею поспѣшностію завязалъ самый щекотливый разговоръ и сказалъ имъ: «Послушайте меня, собравшіеся здѣсь служители Господа; настоящей случай для васъ значителенъ и важенъ. Вамъ предстоитъ или покрыть себя блескомъ чистой славы, или потерять въ общемъ мнѣніи имя слугъ Божіихъ. Дѣло въ выборѣ; явите же себя правосудными и твердыми, и не погубите своего брата¹⁹». За этимъ воззваніемъ послѣдовало глубокое молчаніе; епископы, недоумѣвая, не былъ ли предъ ними подосланный Фредегондою подстрекатель, отвѣтствовали наложеніемъ перста на губы, въ знакъ молчанія. Они съ ужасомъ вспоминали дикіе крики франкскихъ воиновъ и удары сѣкиръ ихъ, раздававшіеся о церковные двери. Почти всѣ, а Галлы въ особенности, страшились навлечь на себя подозрѣніе недовѣрчивой преданности этихъ буйныхъ вассаловъ; они остались неподвижны и словно остолбенѣли на своихъ сѣдалищахъ²⁰.

Но Григорій Турскій, болѣе другихъ чистый совѣстію, негодуя на такое малодушіе, принялъ на свой счетъ рѣчь и увѣщанія архидіакона Аэція. — «Прошу васъ», — сказалъ онъ: — «внемлите словамъ моимъ, пресвятые служители Божіи, а вы особенно, кому доступны близкія бесѣды съ королемъ. Подайте ему совѣтъ благочестивый и достойный священническаго сана; ибо надо страшиться, чтобы не навлекъ онъ на себя Божескаго гнѣва ожесточеніемъ своимъ противъ служителя Господа, и не лишился бы своего царства и славы²¹». Франкскіе епископы, къ которымъ рѣчь эта преимущественно относилась, молчали вмѣстѣ съ другими, и Григорій продолжалъ съ твердостью: «Припомните, владыки мои и собратія, слова пророка,

изрекшаго: *«Стражъ, аще увидитъ мечъ грядущъ, не вострубитъ трубою и людїе не охранятъ себе, и нашедъ мечъ, возметъ отъ нихъ душу, убо беззаконїа ради своего взясь, а крове ея отъ руки стража взыщу»*. Не храните же молчанїя, но говорите громко и не скройте отъ короля его неправды, да не приключится ему зла и да не будете вы за то въ отвѣтъ²²». Епископъ остановился, ожидая отвѣта, но никто изъ присутствующихъ не сказалъ ни слова. Они поспѣшили удалиться: одни, чтобъ отклонить отъ себя всякое соучастїе въ подобныхъ рѣчахъ и укрыться отъ грозы, уже разразившейся, какъ имъ казалось, надъ главою ихъ собрата; другїе, какъ Бертранъ и Рагенемодъ, чтобъ изгигаться передъ королемъ и пересказать ему новости²³.

Гильперикъ былъ немедленно извѣщенъ въ подробности обо всемъ происшедшемъ. Лъстецы его сказали ему, что въ этомъ дѣлѣ, таковы собственныя ихъ слова, нѣтъ у него злѣйшаго врага, какъ турскїй епископъ. Объятый гнѣвомъ, король тотчасъ послалъ одного изъ своихъ царедворцевъ какъ-можно-попспѣшнѣе отыскать епископа и привѣсть къ нему. Григорїй повиновался и послѣдовалъ за вожатымъ спокойно и безбоязненно²⁴. Онъ нашель короля не во дворцѣ, а въ шалашѣ, сплетенномъ изъ вѣтвей, посреди шатровъ и бараконъ его воиновъ. Гильперикъ стоялъ; съ правой стороны его былъ Бертранъ, епископъ бордоскїй, а съ лѣвой Рагенемодъ, епископъ парижскїй, пришедшіе играть роль доносчиковъ на своего собрата. Передъ ними стояла широкая скамья, уставленная хлѣбами, варенымъ мясомъ и различными блюдами, назначенными для угощенїя всякаго новаго пришельца; ибо обычаи и нѣкоторый родъ придворнаго обряда требовали, чтобы

никто, посятивъ короля, не уходилъ прочь, не вкусивъ чего-либо отъ стола его²⁵.

Гильперикъ, видя мужа, котораго онъ призывалъ въ гнѣвѣ, и зная непоколебимость его передъ угрозой, притворился, чтобъ лучше достигнуть своей цѣли. Изъявляя вмѣсто досады кротость и шутливость: — «О, епископъ» — сказала онъ: — «долгъ твой каждому воздавать справедливость, а вотъ я не могу ея отъ тебя добиться; напротивъ того, ясно вижу, потворствуешь ты неправдѣ и оправдываешь пословицу: воронъ ворону глаза не выклюетъ²⁶». Епископъ не счелъ приличнымъ вдаваться въ шутку; но съ почтеніемъ прежнихъ подданныхъ римской имперіи къ верховной власти, почтеніемъ, которое, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не подавляло ни личнаго достоинства, ни чувства независимости, онъ отвѣчалъ съ важностью: «Кто изъ насъ, о король, уклоняется отъ пути истины, тотъ можетъ быть исправленъ тобою; но если ты самъ неправъ, кто остановитъ тебя? Мы тебѣ говоримъ и, если угодно тебѣ, ты намъ внемлешь; а неужто, кто осудитъ тебя? Одинъ Тотъ, кто рекъ, что Онъ само Правосудіе²⁷». Король прервалъ его и отвѣчалъ: «Епископы всѣ оправдывали меня; одинъ ты не воздаешь мнѣ должнаго; но я съумѣю обезчестить тебя въ глазахъ народа, да узнаетъ всякій, что ты мужъ неправосудный. Я соберу жителей Тура и скажу имъ: Возвысьте гласъ вашъ на Григорія и вопите, что онъ несправедливъ и никому не даетъ правосудія; и пока они будутъ кричать это, я прибавлю: Я, король, не могу добыть себѣ отъ него справедливости; какъ же, вы, сущіе подо мною, себѣ ее добудете²⁸?

Такое лукавое лицемѣріе, подъ личиною котораго всевластный челоуѣкъ старался явить себя

притѣсненнымъ, возбудило въ сердце Григорія презрѣніе, съ трудомъ имъ удержанное и придавшее его рѣчи болѣе сухое и высокоумѣнное выраженіе. «Если я несправедливъ, возразилъ онъ, то не ты знаешь это, а Тотъ, Кому открыта моя совѣсть и Кто читаетъ въ глубинѣ сердце; а народные крики, которые ты возбудишь, не приведутъ ни къ чему, ибо всякій будетъ знать, что они отъ тебя исходятъ. Но довольно; у тебя есть законы и уставы, изучай ихъ со вниманіемъ; и если не соблюдешь того, что въ нихъ предписано, знай, что есть судъ Божій надъ главою твоей²⁹».

Эти строгія слова подѣйствовали на короля, и онъ, какъ-бы желая изгладить въ умѣ Григорія непріятное впечатлѣніе ихъ, принялъ ласковый видъ, и, указывая рукой на чашу съ отваромъ, стоявшую между хлебовъ, мясныхъ блюдъ и кубковъ, сказалъ: «Вотъ похлебка, которую я велѣлъ приготовить по-твоему; въ ней ничего нѣтъ, кромѣ курицы и горсти сѣраго гороху³⁰». Эти послѣднія слова сказаны были съ намѣреніемъ польстить самолюбію епископа; ибо святые мужи того времени и вообще всѣ, стремившіеся къ христіанскому совершенству, воздерживались отъ тяжелыхъ мясъ, какъ слишкомъ сытныхъ, и питались только овощами, рыбою и птицами. Григорій не дался въ обманъ при этой новой хитрости и, покачавъ головою въ знакъ отказа, отвѣтствовалъ: «Пища наша должна быть въ исполненіи воли Божіей, а не въ наслажденіи вкусными явствами. Ты, укоряющій другихъ въ неправосудіи, дай обѣщаніе чтить законы и уставы, и мы повѣримъ тогда, что ты домагаешься одной справедливости³¹». Король, не желавшій ссориться съ турецкимъ епископомъ и въ случаѣ надобности не жалѣвшій клятвъ, надѣясь найти въ-

послѣдствіи какое-нибудь средство отъ нихъ отвертѣться, поднялъ руку и клялся, именемъ Всемогущаго Бога, никоимъ образомъ не нарушать закона и уставовъ. Тогда Григорій взялъ хлѣбъ и отпилъ немного вина, родъ гостепріимнаго пріобщенія, отъ котораго нельзя было отказаться подъ чужимъ кровомъ, сильно не погрѣшивъ противъ вѣжливости и уваженія. Примирясь, повидимому, съ королемъ, онъ съ нимъ разстался и удалился въ свое жилище, въ базилику св. Юліана, по близости отъ императорскаго дворца³².

Въ слѣдующую ночь, когда турскій епископъ, отслуживъ всенощную, отдыхалъ въ своемъ покоѣ, услышалъ онъ сильный стукъ у дверей дома. Удивясь этому шуму, онъ послалъ внизъ одного изъ своихъ служителей, который, возвратясь, доложилъ ему, что посланные отъ королевы Фредегонды желаютъ его видѣть³³. Когда эти люди были впущены, то, сдѣлавъ ему привѣтствіе отъ лица королевы, объявили, что пришли просить его не противодѣйствовать ея желаніямъ въ дѣлѣ, предоставленномъ рѣшенію собора. Они прибавили таинственно, что имѣли порученіе посулить двѣсти фунтовъ серебра, если онъ обвинитъ Претекстата, подавъ голосъ противъ него³⁴. Турскій епископъ съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ и хладнокровіемъ спокойно возразилъ, что онъ не одинъ судья въ этомъ дѣлѣ, и что голосъ его, на какую бы сторону ни склонился, ничего рѣшить не можетъ. — «Истинно такъ» — отвѣчали посланные «ибо всѣ другіе уже дали намъ свое слово; мы желаемъ только, чтобы ты не противорѣчилъ». Епископъ отвѣчалъ съ прежнимъ видомъ: «Когда бы вы дали мнѣ тысячу фунтовъ золота и серебра, и тогда нельзя было бы мнѣ поступить иначе, какъ угодно Владыкѣ; я могу

обѣщать вамъ тлько согласиться съ прочими епископами въ томъ, на что они рѣшатся по церковнымъ уставамъ³⁵». Посланные ошиблись на счетъ смысла этихъ словъ, отъ того ли, что не имѣли ни малѣйшаго понятія о церковныхъ уставахъ, или потому-что вообразили, будто слово владыка относилось къ королю, котораго въ обыкновенномъ разговорѣ означали этимъ простымъ титуломъ; разсыпавшись въ благодарности, они удалились довольные тѣмъ, что могли передать королевѣ отвѣтъ, по ихъ мнѣнію удовлетворительный³⁶. Ошибка ихъ избавила епископа Григорія отъ новыхъ докукъ и доставила ему возможность отдохнуть до утра.

Члены совѣта рано собрались на второе совѣщаніе, и король, совершенно оправясь отъ своей неудачи, явился туда въ назначенное время³⁷. Чтобы найдти средство согласить данную имъ наканунѣ клятву съ желаніемъ мщенія, въ которомъ королева продолжала упорствовать, онъ употребилъ всѣ свои словесныя и богословскія познанія; пересмотрѣлъ собраніе уставовъ и остановился на первой статьѣ, по которой епископъ подвергался самому тяжкому наказанію, а именно низложенію. Ему надлежало только обвинить руанскаго епископа въ новомъ преступленіи, указанномъ въ этой статьѣ, что, впрочемъ, нисколько его не затрудняло, ибо, надѣясь, какъ онъ рассчитывалъ, на единогласіе собора, онъ далъ себѣ полную свободу льгать и взводить поклепы. Когда судьи и подсудимый заняли тѣ же мѣста, какъ въ предшествовавшемъ засѣданіи, Гильперикъ началъ говорить, и съ важностью учителя, толкующаго духовное право, произнесъ: «Епископъ, уличенный въ кражѣ, долженъ быть отрѣшенъ отъ епископской должности; такъ

постановлено въ церковныхъ уставахъ³⁸». Члены собора, удивленные такимъ приступомъ, въ которомъ ровно ничего не понимали, спросили всѣ вдругъ, кто этотъ епископъ, котораго обвиняли въ кражѣ. — «Вотъ кто» — отвѣчалъ гороль, обращаясь къ Претекстату съ какою-то наглостью: «онъ самый; и развѣ не видали вы того, чтò онъ укралъ у насъ³⁹»?

Они въ самомъ-дѣлѣ вспомнили двѣ связки тканей и мѣшокъ денегъ, которые король показывалъ имъ, необъясняя, впрочемъ, откуда они явились и какое, по его мнѣнью, имѣли отношеніе къ обвинительнымъ уликамъ. Какъ ни оскорбительно было для Претекстата это новое нападеніе, однако онъ терпѣливо отвѣчалъ своему противнику: «Мнѣ кажется вы должны вспомнить, что по отъѣздѣ Брунегильды изъ Руана я отправился къ вамъ и объявилъ, что у меня остались на храненіи вещи этой королевы, а именно пять большихъ и тяжелыхъ тюковъ; что слуги ея часто являлись ко мнѣ за ними, но что я не рѣшался возвратить ихъ безъ вашего согласія. Вы мнѣ сказали тогда: сбудь съ своихъ рукъ эти вещи; пусть онѣ возвратятся той, кому принадлежать, чтобы изъ-за нихъ не вышло у меня ссоры съ племянникомъ моимъ Гильдебертомъ. Возвратясь въ мою епархію, я отдалъ служителямъ одинъ изъ тюковъ, потому-что они не могли болѣе унести съ собою⁴⁰. Послѣ того они опять приходили просить остальныхъ, и я снова испрашивалъ соизволенія вашего велелѣпія (magnificence). Вы мнѣ отдали такой же приказъ, какъ и прежде: Прочь, прочь всѣ эти вещи, епископъ; боюсь, чтобъ онѣ не возродили ссоры. — И я отдалъ имъ еще два тюка, а два другіе остались у меня. Для чего же теперъ клеветаете на меня и обвиняете въ кражѣ,

ибо тутъ дѣло о вещахъ не похищенныхъ, а данныхъ мнѣ на сбереженіе⁴¹».

«Если залогъ этотъ данъ былъ тебѣ на сбереженіе» отвѣчалъ король, придавая, нисколько не смутясь, другой оборотъ обвиненію и мѣняя роль истца на роль допросчика: «если ты былъ хранителемъ, то зачѣмъ вскрылъ одинъ изъ узловъ и вынулъ оттуда кайму, затканную золотомъ, которую изрѣзалъ на куски и раздавалъ злоумышленникамъ для изгнанія меня изъ королевства⁴²»?

Подсудимый отвѣчалъ съ прежнимъ спокойствіемъ: «Я уже сказалъ тебѣ разъ, что эти люди дарили меня. Не имѣя у себя въ то время ничего, чѣмъ бы я могъ отдарить ихъ, я бралъ оттуда и не считалъ это дурнымъ дѣломъ. Я признавалъ моимъ собственнымъ достояніемъ то, что принадлежало сыну моему, Меровигу, котораго я былъ воспріемникомъ отъ купели⁴³». Король не зналъ, что отвѣчать на эти слова, въ которыхъ съ такимъ простодушіемъ выражалась отеческая любовь, обратившаяся въ престарѣломъ епископѣ въ постоянную страсть, ежеминутно наполнявшую его помыслы. Гильперикъ чувствовалъ, что средства его истощены; за самоувѣренностью, которую онъ обнаружилъ въ началѣ, послѣдовало недоумѣніе и почти замѣшательство; онъ внезапно прекратилъ засѣданіе и удалился, еще болѣе разстроенный и недовольный, нежели наканунѣ⁴⁴.

Всего болѣе беспокоила его мысль о томъ, какъ прійметъ его, послѣ подобной неудачи, властолюбивая Фредегонда; и кажется, что въ-самомъ-дѣлѣ, по возвращеніи короля во дворецъ, тамъ разразилась домашняя буря, совершенно его смутившая. Не зная какъ, въ угоду женѣ своей, уничтожить

старого и безобидного пастыря, котораго она поклялась погубить, онъ призвалъ самыхъ преданныхъ себѣ членовъ собора и между прочими Бертрана и Рагенемода. — «Признаюсь» — сказалъ онъ: «я победѣнъ рѣчами епископа, и знаю, что онъ говоритъ правду. Какъ же поступить мнѣ, чтобъ исполнить надъ нимъ волю королевы⁴⁵»? Прелаты въ затрудненіи не знали, что отвѣтствовать; они хранили смутное молчаніе, какъ вдругъ король, возбужденный и будто вдохновенный тою смѣсью любви и страха, которая составляла его супружескую привязанность, продолжалъ съ жаромъ: «Подите къ нему, и какъ-будто совѣтуя отъ себя, скажите: «Ты знаешь, что король Гильперикъ добръ и жалостливъ, что онъ легко склоняется на милосердіе; смирись передъ нимъ и объяви въ угоду ему, что ты виноватъ въ томъ, въ чемъ онъ тебя обвиняетъ; тогда мы всѣ бросимся къ ногамъ его и вымолимъ тебѣ помилованіе⁴⁶».

Точно ли епископы убѣдили своего легковѣрнаго и слабого собрата въ томъ, что король, раскаявшись въ гоненіяхъ на него, желалъ только избавиться отъ стыда, или они настрашали его, увѣривъ, что правота передъ соборомъ не спасетъ его отъ королевскаго мщенія, если онъ будетъ упорствовать и пренебрегать имъ, — только Претекстаъ, напуганный также и тѣмъ, что зналъ раболѣпство и продажность своихъ судей, не отвергнулъ такихъ странныхъ совѣтовъ. Предложенный ему безчестный способъ онъ признавалъ послѣднимъ средствомъ спасенія, подавая такимъ образомъ жалкій примѣръ душевнаго безсилія, которое заражало тогда даже тѣхъ, на комъ лежала обязанность поддерживать, среди этого полуразстроеннаго общества, долгъ совѣсти и правила

чести. Снискавъ благодаренія, какъ-будто за полезную услугу, отъ того, кому измѣняли, епископы возвратились къ королю Гильперiku съ извѣстіемъ объ успѣхѣ своего посольства. Они обѣщали, что подсудимый, слѣпо вдаваясь въ сѣти, во всемъ сознается при первомъ вопросѣ, и Гильперикъ, избавленный этимъ завѣреніемъ отъ труда изобрѣтать какое-нибудь новое средство для оживленія судопроизводства, рѣшился предоставить его обыкновенному ходу⁴⁷. И такъ, дѣла были отложены до третьяго засѣданія совершенно въ томъ положеніи; въ какомъ они были при окончаніи перваго, и свидѣтели, уже являвшіеся однажды, снова были призваны для подтвержденія прежнихъ своихъ показаній.

На другой день, по открытіи засѣданія, король, какъ-будто просто возобновляя рѣчь, произнесенную имъ два дня назадъ, сказалъ подсудимому, указывая на стоявшихъ свидѣтелей: «Если ты только хотѣлъ воздать этимъ людямъ дарами за дары ихъ, то для чего требовалъ отъ нихъ клятвы въ вѣрности Меровигу⁴⁸»? Какъ ни поколебалась совѣсть Претекстата послѣ свиданія его съ епископами, однако, движимый побужденіемъ стыда, превозмогавшаго всѣ его страхи, онъ отступился отъ лжи, которую долженъ былъ изречь на самаго себя. — «Каюсь» — отвѣчалъ онъ: «я просилъ ихъ быть къ нему дружелюбными, и призвалъ бы на помощь не только людей, но даже ангеловъ небесныхъ, еслибъ имѣлъ на то силу, ибо онъ былъ, какъ я сказалъ уже, духовный сынъ мой по крещенію⁴⁹».

При этихъ словахъ, которыя, казалось, обнаруживали въ обвиненномъ намѣреніе продолжать свою защиту, король, взбѣшенный обманомъ въ своихъ ожиданіяхъ, разразился ужаснѣйшимъ образомъ. Гнѣвъ его, столь же бурный въ ту

минуту, сколько прежнія уловки его были кротки, свергнувъ немощнаго старца въ нервное потрясеніе, мгновенно уничтожившее въ немъ остатки нравственной силы. Онъ палъ на колѣни и, простершись ницъ, сказалъ: «О король, премилосердый, согрѣшилъ я противъ Бога и противъ тебя! Я, гнусный душегубецъ, хотѣлъ убить тебя и возвестъ на престолъ своего сына⁵⁰». Лишь-только король увидѣлъ противника у ногъ своихъ, гнѣвъ его утихъ, и лицемѣріе одержало перевѣсъ. Притворяясь увлеченнымъ въ избыткѣ своего волненія, онъ самъ сталъ на колѣни передъ собраніемъ и вскричалъ: «Слышите ли, благочестивые епископы, слышите ли признаніе преступника въ его гнусномъ умыслѣ». Члены собора вскочили съ своихъ кресель и, окруживъ короля, бросились поднимать его; одни были умилены до слезъ, другіе, можетъ-быть, внутренно смѣялись надъ странной сценой, которую приготовила вчерашняя ихъ измѣна⁵¹. Лишь-только Гильперикъ всталъ, то какъ-будто не имѣя силы сносить присутствія такого великаго преступника, приказалъ вывести Претекстата изъ базилики, и вслѣдъ за тѣмъ удалился самъ, предоставивъ собору совѣщаться, по обыкновенію, для произнесенія суда⁵².

Возвратясь во дворецъ, король, не медля ни минуты, отправилъ къ епископамъ экземпляръ собранія церковныхъ уставовъ изъ своей библіотеки. Кромѣ цѣлаго свода уложеній, принятыхъ безъ противорѣчія галиканскою церковью, въ этой книгѣ заключалась, въ видѣ прибавленія, особая тетрадь церковныхъ правилъ, приписанныхъ апостоламъ, но въ тѣ времена рѣдкихъ въ Галліи и мало извѣстныхъ даже самымъ ученымъ богословамъ. Тамъ-то находилась та исправительная

статья, на которую король ссылался съ такою напыщенностью во второмъ засѣданіи, когда задумаль перемѣнить обвиненіе въ заговорѣ на обвиненіе въ кражѣ. Статья эта, опрѣделявшая низложение, очень ему нравилась; но какъ ея текстъ уже не соотвѣтствовалъ признаніямъ подсудимаго, то Гильперикъ, доводя до послѣдней крайности двуличіе и безстыдство, не поколебался поддѣлать ее, может-быть, своеручно, а можетъ-быть рукою одного изъ своихъ секретарей. Въ переправленномъ такимъ образомъ экземплярѣ читалось: «Епископъ, уличенный въ душегубствѣ, прелюбодѣянніи или клятвопреступничествѣ, отрѣшается отъ епископства». Слово кража исчезло и замѣнено было словомъ душегубство, и, странное дѣло, никто изъ членовъ собора, даже турскій епископъ, не заподозрѣлъ обмана. Правосудный и совѣстливый Григорій, мужъ суда и закона, кажется, старался только, но тщетно, убѣдить своихъ собратій держаться обыкновеннаго уложенія и не признавать свидѣтельства такъ-называемыхъ апостольскихъ уставовъ⁵³.

По окончаніи преній, обѣ стороны были призваны снова, для выслушанія приговора. Когда была прочтена вслухъ роковая статья, тогда бордоскій епископъ, какъ глава собора, сказалъ обвиненному: «Слушай, братъ и соепископъ! ты не можешь отъ нынѣ быть намъ причастенъ и пользоваться нашею любовью до-тѣхъ-поръ, пока не проститъ тебя король, у котораго ты въ немилости⁵⁴»? Выслышавъ этотъ приговоръ, произнесенный устами челоуѣка, который наканунѣ такъ недостойно насмѣялся надъ его простотою, Претекстатъ остался безмолвенъ и какъ-бы пораженъ оцѣпенѣніемъ.

Что касается до короля, то его уже не удовлетворяла такая совершенная побѣда и онъ сталъ придумывать вспомоgetельныя средства къ усиленію обвиненія. Начавъ вслѣдъ за тѣмъ говорить, онъ требовалъ, дабы прежде, нежели выведутъ виновнаго, ему разорвали тунику на спинѣ или прочли надъ главою его CVIII-й псаломъ, содержащій въ себѣ проклятія, призывавшіяся въ Апостольскихъ Дѣянїяхъ на Іуду Искаріотскаго: «Да будутъ днїе его малы; да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова. Да взыщеть заимодавецъ вся, елико суть его, и да восхитять чуждіи труды его; да не будетъ ему заступника, ниже да будетъ ущедряяй сироты его. Да будутъ чада его въ погубленїи, въ родѣ единомъ да истребится имя его⁵⁵».

Первыи изъ этихъ обрядовъ знаменовалъ позорное низложеніе; второй употреблялся только въ случаяхъ святотатства. Григорій Турскій съ своею спокойной и умѣренной твердостью воспротивился такому увеличенію наказанія, и соборъ его отринулъ. Тогда Гильперикъ, все еще въ пылу придиричivosti, захотѣлъ, чтобы приговоръ, отрѣшавшій противника отъ исполненія епископской должности, былъ изложенъ на бумагѣ, съ присовокупленіемъ статьи, осуждавшей его на вѣчное низложеніе. Григорій снова воспротивился этому требованію, напомнивъ королю данное имъ положительное обѣщаніе держаться въ предѣлахъ, указанныхъ содержаніемъ церковныхъ законовъ⁵⁶. Этотъ споръ, длившій засѣданіе, былъ внезапно прерванъ развязкой, въ которой нельзя было не узнать участія и воли Фредегонды, скучавшей медленностью дѣлопроизводства и мелочностью своего мужа. Вооруженные люди вошли въ церковь и увлекли Претекстата предъ глазами всего

собранія, которому за тѣмъ осталось только разойтись. — Епископъ былъ отведенъ въ Парижъ и заключенъ въ темницу, остатки которой долго существовали на лѣвомъ берегу большаго рукава Сены. Въ слѣдующую ночь, онъ пытался убѣжать и былъ жестоко избитъ стерегшими его ратниками. Послѣ одного или двухъ дней заключенія, его увезли въ ссылку на край королевства, на островъ близъ конантенскихъ береговъ; то былъ, вѣроятно, Джерси, населенный лѣтъ за сто, какъ и самый берегъ до города Байё, морскими разбойниками саксонскаго племени⁵⁷.

Руанскому епископу, по всѣму вѣроятію, предстояло провести остатокъ дней своихъ среди этого населенія рыбаковъ и морскихъ разбойниковъ; но послѣ семилѣтняго заточенія, великое событіе внезапно даровало ему свободу и возвратило его къ паствѣ. Въ 584 году, король Гильперикъ былъ убитъ при обстоятельствахъ, которыя будутъ разсказаны въ другомъ мѣстѣ⁵⁸. Его смерть, которую гласъ народа приписывалъ Фредегондѣ, повлекал за собой смуты въ цѣлой Нейстріи. Всѣ, кто только былъ недоволенъ послѣднимъ царствованіемъ, или имѣлъ причины жаловаться на притѣсненія и убытки, всѣ управлялись сами собою. Преслѣдовали королевскихъ чиновниковъ, употреблявшихъ во зло свою власть, или исполнявшихъ ее съ жестокостью и безъ осмотрительности; имущества ихъ были захвачены, дома разграблены и преданы сожженію; всякій пользовался случаемъ отмстить своимъ врагамъ или притѣснителямъ. Наслѣдственныя вражды семействъ съ семействами, городовъ съ городами и областей съ областями пробуждались снова и возжигали частныя войны, убійства и разбои⁵⁹. Преступники выходили изъ темницъ и изгнанники возвращались назадъ, какъ-будто

ссылка ихъ оканчивалась сама собою со смертію государя, именемъ котораго она была имъ объявлена. Такъ возвратился и Претекстатъ, призванный выборными, которыхъ отправили къ нему руанскіе граждане. Онъ вступилъ въ городъ въ сопровожденіи несметной толпы, среди кликовъ народа, который собственно своею властью возстановилъ его на епископскомъ престолѣ, изгнавъ, какъ похитителя, галла Меланія, назначеннаго королемъ на мѣсто Претекстата⁶⁰.

Между-тѣмъ, королева Фредегонда, виновница всего зла, творившагося въ царствованіе ея мужа, должна была укрыться въ главной парижской церкви, оставивъ единственнаго своего четырехъ-мѣсячнаго сына⁶¹ въ рукахъ франкскихъ владѣтелей, которые провозгласили его королемъ и начали править его именемъ. Выйдя изъ этого убѣжища, когда безпорядки нѣсколько утихли, она принуждена была жить въ забытіи, въ глухомъ уединеніи, вдали отъ мѣстопробыванія юнаго короля. Отказавшись съ великою горестію отъ привычной пышности и властвованія, она уѣхала въ помѣстье Ротойалумъ (Rotoialum), нынѣ Валь-де-Рейль (Val-de-Reuil), близъ слиянія Эры (l'Eure) и Сены. Такимъ образомъ обстоятельства привели ее жить въ нѣсколькихъ льѣ отъ города Руана, гдѣ низложенный и изгнанный ею епископъ был, вопреки ей, снова возстановленъ. Хотя въ сердцѣ ея не было ни помилованія, ни забвенія, и семь лѣтъ ссылки, тяготѣвшей надъ главою старца, не охладили въ ней прежняго къ нему отвращенія, однако въ первое время она не имѣла досуга о немъ подумать; мысли и вражды ея обращены были въ иную сторону⁶².

Съ горестью видя себя низведенною почти до степени частнаго лица, она ежеменутно представляла себѣ счастье и могущество Брунегильды, сдѣлавшейся безотчетною попечительницею пятнадцати-лѣтняго сына. Она съ досадою повторяла: «Эта женщина станетъ считать себя выше меня». У Фредегонды подобная мысль была неразлучна съ мыслию объ убійствѣ. Какъ только оно было рѣшено въ умѣ ея, то она исключительно предалась мрачнымъ и лютымъ соображеніямъ средствъ къ усовершенствованію орудій смерти и настроенію горячихъ головъ къ преступленію и безстрашію⁶³. Лица, наиболѣе соотвѣствовавшія ея цѣлямъ, были молодые клерки (clerics) варварскаго происхожденія, плохо понимавшіе духъ своего новаго состоянія и сохранявшія еще привычки и обычаи вассальства. Ихъ было нѣсколько въ числѣ служителей ея дома; она поддерживала ихъ преданность щедростію и нѣкоторымъ дружествомъ; по временамъ испытывала на нихъ крѣпкіе и хмѣльные напистки, тайну приготовления которыхъ она одна знала. Первый изъ этихъ юношей, показавшійся ей достаточно подготовленнымъ, получилъ отъ нея изустное приказаніе отправиться въ Австразію, явиться подъ видомъ бѣглеца къ королевѣ Брунегильдѣ, войти въ ея довѣренность и умертвить ее, когда представится къ нему случай⁶⁴. Онъ ушелъ и дѣйствительно успѣлъ втереться къ королевѣ, вступилъ даже въ ея службу, но черезъ нѣсколько дней въ немъ усомнились, стали допрашивать и когда онъ во всемъ сознался, то отослали назадъ безъ всякаго вреда, сказавъ: «Воротись къ своей покровительницѣ», Фредегонда, раздраженная такимъ милосердіемъ, которое казлось ей обидою и вызовомъ, вымѣстила гнѣвъ свой на оплошномъ посланномъ, приказавъ отсѣчь ему руки и ноги⁶⁵.

Спустя нѣскольکو мѣсяцевъ, когда, по ея мнѣнію, настала пора приступить ко второй попыткѣ, собравшись со всѣми силами своего злобнаго духа, она велѣла изготавить по своему указанію, особаго рода кинжалы. То были длинные ножи съ ножнами, видомъ подобные тѣмъ, которые Франки обыкновенно носили за поясомъ, но съ лезвеемъ, покрытымъ на всю длину насѣчкой и изображеніями. Украшеніе это, по видимому невинное, имѣло истинно дьявольское назначеніе: оно служило для того, чтобы желѣзо могло быть глубже напоено отравой, и чтобы ядовитое зелье, не стираясь съ гладкой поверхности, проникло въ самую рѣзьбу⁶⁶. Два такіе ножа, натертые тонкимъ ядомъ, были даны королевою двумъ молодымъ клеркамъ, преданности которыхъ не охладила печальная судьба ихъ товарища. — Они получили приказаніе отправиться переодѣтыми въ нищихъ въ мѣстопробываніе короля Гильдеберта, стеречь его въ прогулкахъ, и когда представится случай, то подойти къ нему вдвоемъ, прося подаванія, поразить его вмѣстѣ ножами: «Возьмите эти кинжалы, сказала имъ Фредегонда, и ступайте скорѣе, чтобъ увидѣла я наконецъ Брунегильду, которая кичится теперь этимъ ребенкомъ, безъ всякой власти послѣ его смерти и въ униженіи предо мною. Если за ребенкомъ такъ бережно смотрятъ, что нельзя подойти къ нему, тогда убейте его злодѣйку; если сами погибнете въ этомъ дѣлѣ, то я облагодетворю родителей вашихъ, осыплю ихъ дарами и вознесу на первую степень въ королевствѣ. Не бойтесь же ничего и не щадите живота своего⁶⁷».

При этихъ словахъ, которыя ясно не обѣщали впереди ничего, кромѣ вѣрной гибели, на лицахъ молодыхъ клерковъ обнаружались признаки смущенія и

нерѣшительности. Фредегонда это заметила и тотчасъ велѣла принести питье, съ величайшимъ искусствомъ составленное ею для воспламененія духа и угожденія вкусу. Юноши осушили каждый по кубку этого напитка, и дѣствіе его не замедлило обнаружиться въ ихъ взорѣ и осанкѣ⁶⁸. Тогда, довольная этимъ опытомъ, королева сказала: «Когда наступитъ день исполненія моихъ приказаній, то я хочу, чтобы передъ началомъ дѣла вы опять выпили этой влаги, для укрѣпленія и бодрости». Оба клерка отправились въ Австразію, снабженные своими отравленными ножами и стеклянкой съ драгоцѣннымъ зельемъ; но молодой король и его мать были окружены вѣрною стражей. Посланные Фредегонды, по прибытіи своемъ, были схвачены какъ люди подозрительные и на этотъ разъ имъ не было пощады: оба погибли въ истязаніяхъ⁶⁹.

Это происходило въ послѣднихъ мѣсяцахъ 585 года; въ началѣ слѣдующаго года, королева Фредегонда, наскучивъ, можетъ-быть, своимъ уединеніемъ, переѣхала изъ Вальде-Рейль на нѣсколько дней въ Руанъ. Такимъ-образомъ ей не однажды, въ общественныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ, довелось быть въ присутствіи епископа, возвращеніе котораго было какъ-бы посмѣяніемъ ея могуществу. Судя по тому, сколько былъ ей извѣстенъ по опыту характеръ этого человѣка, она ожидала, что найдетъ въ немъ по-крайнѣй-мѣрѣ робость, уничтоженіе и трепетный видъ изгнанника, прощенного только наружно изъ одной терпимости. Но Претекстатъ, вмѣсто того чтобы показывааъ ей то почтительное вниманіе, котораго она еще болѣе требовала съ-тѣхъ-поръ, какъ чувствовала себя низведенною съ прежняго сана, явился по видимому надменнымъ и горделивымъ. Душа его, прежде мягкая и

чуждая мужества, какъ-будто закалилась въ страданіяхъ и горѣ⁷⁰.

При одной встрѣчѣ, происшедшей между королевою и епископомъ во время гражданскихъ или духовныхъ торжествъ, она, не обуздавъ своей ненависти и досады, сказала довольно громко, такъ, что слышали всѣ присутствовавшіе: «Этотъ человѣкъ долженъ бы знать, что для него снова можетъ возвратиться время ссылки⁷¹». Претекстатъ не проронилъ этихъ словъ и, презирая гнѣвъ своей страшной непріятельницы, отвѣчалъ ей въ лицо: «Какъ въ ссылкѣ, такъ и внѣ оной я не переставалъ быть епископомъ, емь и всегда буду; но ты, можешь ли ты сказать, что всегда будешь пользоваться королевскою властью? Изъ далекаго изгнанія, если бы я и вернулся туда, Богъ призоветъ меня въ царство небесное, а ты, изъ твоего земнаго царства, будешь низвергнута въ адскія бездны. Пора бы тебѣ оставить нынѣ всѣ твои безумства и злодѣянія, отказаться отъ чванства, которое тобою такъ овладѣло и идти по лучшей дорогѣ, дабы заслужить жизнь вѣчную и взростить ребенка, рожденнаго тобою⁷²». Эта рѣчь, въ которой самая иронія соединялась съ величавою важностію духовнаго увѣщанія, возбудила въ душѣ Фредегонды весь пылъ ея злобы; но, не обнаруживъ своего гнѣва словами и не выказавъ всенародно своего стыда и злобы, она вышла, не сказавъ ни слова и удалилась, глотая обиду, готовить мщеніе въ тиши своего жилища⁷³.

Мелантій, давнишній любимецъ и кліентъ королевы, въ продолженіи семи лѣтъ несправедливо занимавшій епископскій престолъ, прибылъ къ ней тотчасъ по пріѣздѣ ея изъ рейльскаго помѣстья и съ того времени не покидалъ ея⁷⁴. Ему первому довѣрила она свои злобныя намѣренія.

Этотъ человекъ, котораго такъ одолѣвало сожалѣніе объ утраченномъ епископскомъ санѣ, что для полученія его вновь онъ готовъ былъ на все рѣшиться, не поколебался сдѣлаться участникомъ предпріятія, чрезъ которое могъ достигнуть цѣли своихъ желаній. Семь лѣтъ его епископства прошли не безъ вліянія на личный составъ духовенства епископской церкви. Многіе изъ чиновъ, пожалованныхъ въ-продолженіе этого времени, считали себя созданіями Мелантія и съ неудовольствіемъ увидѣли епископа, которому ничѣмъ не были обязаны и отъ котораго не ждали большихъ милостей.

Претекстатъ, простой и довѣрчивый, не беспокоился, встрѣтивъ, по возвращеніи своемъ, новыя лица въ епископскомъ дворцѣ; онъ не подумалъ о положеніи тѣхъ, кого подобная перемѣна могла встревожить, и, будучи ласковъ со всѣми, не подозрѣвалъ, чтобы кто либо его ненавидѣлъ. Однако, не смотря на сильную и искреннюю любовь къ нему руанскаго народа, большая часть членовъ духовенства не очень была къ нему привязана. Нѣкоторые, особенно въ высшихъ званіяхъ, чувствовали къ нему совершенное отвращеніе. Одинъ изъ архидіаконовъ или епископскихъ викаріевъ, по преданности ли интересамъ Мелантія, или потому-что самъ надѣялся достигнуть епископскаго сана, питалъ это чувство въ высшей степени. Каковы бы ни были побудительныя причины такой смертельной ненависти его къ своему епископу, однако Фредегонда и Мелантій признали невозможнымъ обойтись безъ него и приняли въ участники своего заговора. Архидіаконъ имель съ ними совѣщанія, въ которыхъ разсуждали о средствахъ къ исполненію плана. Было рѣшено отыскать между рабами, принадлежавшими къ

руанскимъ церковнымъ имѣніямъ, челоуѣка котораго можно бы сманить обѣщаніями отпустить на волю съ женою и дѣтьми. Нашелся одинъ, кого такъ увлекла надежда на свободу, не смотря на всю ея невѣрность, что онъ готовъ былъ совершить двойное преступленіе убійства и святотатства. Этотъ несчастный получилъ въ видѣ поощренія двѣсти золотыхъ монетъ, сто отъ королевы Фредегонды, пятьдесятъ отъ Мелантія, а остальные отъ архидіакона; приняты были всѣ мѣры и убійство назначено было въ слѣдующее воскресенье, приходившееся на 24-е февраля (въ 586 году)⁷⁵.

Въ этотъ день руанскій епископъ, выхода котораго убійца ждалъ съ солнечнаго восхода, рано отправился въ церковь. Онъ сѣлъ на обыкновенное свое мѣсто, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнаго престола, на отдѣльныхъ креслахъ, передъ которыми поставленъ былъ налож. Остальное духовенство размѣстилось на скамьяхъ, поставленныхъ вокругъ клироса, и епископъ запѣлъ, по обычаю, первый стихъ заутрени⁷⁶. Въ то время, когда пѣснопѣніе, подхваченное пѣвчими, продолжалось хоромъ, Претекстатъ сталъ на колѣни, опершись руками и наклонивъ голову на стоявшій передъ нимъ налож. Это положеніе, въ которомъ онъ долго оставался, доставило убійцѣ, пробравшемуся сзади его, случай, котораго онъ искалъ съ разсвѣта. Пользуясь тѣмъ, что епископъ, простершійся для молитвы не видалъ ничего, что происходило вокругъ, онъ незамѣтно приблизился къ Претекстату на длину руки и, выхвативъ ножъ, висѣвшій на поясѣ, вонзилъ его ему подъ мышцу. Претекстатъ, почувствовавъ рану, вскрикнулъ, но по недоброжелательству или изъ трусости, никто изъ

бывшихъ тутъ церковниковъ не поспѣшилъ къ нему на помощь и убійца имѣлъ время убѣжать⁷⁷. Оставленный такимъ образомъ старецъ самъ поднялся и, закрывъ обѣими руками рану, дотащился до престола и имѣлъ еще довольно силы взойти на ступени. Взойдя, онъ протянулъ обѣ руки, наполненныя кровью, за сосудомъ, висѣвшимъ на цѣпяхъ надъ престоломъ и заключавшемъ евхаристію, назначенную для причащенія умирающихъ. Онъ взялъ частицу святаго хлѣба и приобщился; потомъ, возблагодаривъ Бога за то, что Онъ сподобилъ его приобщиться святыхъ тайнъ, упалъ въ изнеможеніи на руки вѣрныхъ слугъ и былъ перенесенъ ими въ свои покои⁷⁸.

Узнавъ по народному волненію, а можетъ-быть и отъ самого убійцы, о произошедшемъ, Фредегонда захотѣла насладиться страшнымъ удовольствіемъ посмотрѣть на своего умирающаго врага. Она поспѣшила въ домъ епископа, въ сопровожденіи герцоговъ Ансовальда и Беннолена, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не знали ни объ участи ея въ этомъ преступленіи, ни того, при какой странной сценѣ должны были присутствовать. Претекстатъ лежалъ на одрѣ своемъ; на лице его были всѣ признаки близкой кончины, но онъ сохранялъ еще чувство и память. Королева скрыла свою радость и, принявъ видъ состраданія, сказала умирающему съ царственнымъ достоинствомъ: «Прискорбно, святой епископъ, и намъ и всему твоему народу, что такое бѣдствіе постигло твою уважаемую особу. Дай Богъ, чтобы намъ указали того, кто дерзнулъ совершить такое ужасное дѣло, дабы воздать ему казню, соразмѣрную съ его преступленіемъ⁷⁹».

Старецъ, всѣ подозрѣнія котораго подтвердились этимъ самымъ посѣщеніемъ, приподнялся на своемъ

страдальческомъ ложѣ и, устремивъ взоры на Фредегонду, отвѣчалъ: «А чья рука нанесла этотъ ударъ, какъ не та, которая умерщвляла царей, так часто проливала кровь невинныхъ и причинила столько бѣдъ королевству⁸⁰». Ни малѣйшее смущеніе не обнаружилось на лицѣ королевы; и какъ-будто слова эти не имѣли для нея никакого значенія и были простымъ слѣдствіемъ лихорадочнаго разстройства, она продолжала самымъ спокойнымъ и ласковымъ голосомъ: «У насъ есть искусные врачи, которые могутъ излечить эту рану; позволь имъ посѣтить тебя⁸¹». Терпѣніе епископа не могло удержаться передъ такимъ безстыдствомъ, и въ порывѣ негодованія, истощившемъ послѣднія его силы, онъ сказалъ: «Я чувствую, что Богу угодно отозвать меня отъ міра сего, но ты, замыслившая и устроившая покушеніе, лишаящее меня жизни, ты будешь во вѣки вѣковъ предметомъ омерзѣнія, небесное правосудіе отмститъ кровь мою на главѣ твоей». Фредегонда удалилась, не сказавъ ни слова, и черезъ нѣсколько минутъ Претекстатъ испустилъ послѣдній вздохъ⁸².

При этомъ извѣстїи весь городъ Руанъ впалъ въ уныніе; всѣ граждане, Римляне и Франки, безъ различія племени, соединились въ общемъ чувствѣ печали, смѣшанной съ ужасомъ. Первые, не имѣя за предѣлами своего города никакого политическаго значенія, могли выражать только горечь, безсильную предъ злодѣйствомъ, главною виновницею котораго была королева; но Франки, по крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, именно тѣ, кому богатство или наслѣдственное дворянство давало титулъ владѣтелей, могли, по древнему праву германской вольности, говорить громко кому бы то ни было и искать

правосудія на всякомъ виновномъ⁸³. Въ окрестностяхъ Руана было неѣсколько такихъ независимыхъ владѣльцевъ, исполнявшихъ судейскую обязанность въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, и столь же гордыхъ своимъ личнымъ правомъ, какъ и усердныхъ въ охраненіи древнихъ обычаевъ и народныхъ учрежденій. Въ числѣ ихъ былъ человѣкъ съ сердцемъ и увлеченіемъ, въ высшей степени одаренный тою мужественною откровенностію, которую завоеватели Галліи считали добродѣтелью своего племени; такое понятіе, сдѣлавшись народнымъ, породило впослѣдствіи новое слово franchise, чистосердечіе. Этотъ человѣкъ собралъ нѣсколькихъ друзей своихъ и сосѣдей и уговорилъ ихъ на громкій поступокъ: объявить Фредегондѣ призывъ къ суду.

Всѣ они сѣли верхомъ и изъ помѣстья, лежавшего близъ Руана, поѣхали въ жилище королевы, находившееся въ самомъ городѣ. По пріѣздѣ ихъ, только одинъ, а именно присовѣтовавшій это посѣщеніе, былъ допущенъ къ Фредегондѣ, которая, удвоивъ бдительность со времени своего злодѣянія, соблюдала тщательную предосторожность; прочіе остались въ сѣняхъ или подъ портикомъ дома. На вопросъ королевы, чтò ему нужно, глава посольства отвѣчалъ съ выраженіемъ сильнаго негодованія: «Много ты на своемъ вѣку совершила злодѣяній, но самое ужасное изъ всѣхъ то, которое ты сдѣлала недавно, приказавъ умертвить служителя Божія. Да явить Себя Господь вскорѣ мстителемъ за невинную кровь! Но пока, мы всѣ будемъ преслѣдовать преступника, дабы не было тебѣ возможности совершать подобныя злодѣйства». Выказавъ эту угрозу, Франкъ вышелъ, оставивъ королеву взволнованною до глубины души

такимъ объявленіемъ, вѣроятныя послѣдствія котораго были для нея не безопасны, особенно при ея вдовствѣ и одиночествѣ⁸⁴.

Вскорѣ смѣлость возвратилась къ Фредегондѣ и она приняла рѣшительное намѣреніе. Она послала одного изъ своихъ служителей къ франкскому владѣтелю сказать ему, что королева приглашаетъ его къ обѣду. На приглашеніе это Франкъ, возвратившійся къ своимъ тварищамъ, отвѣчалъ такъ, какъ слѣдовало благородному человѣку: онъ отказался⁸⁵. Служитель, передавъ отвѣтъ, снова явился просить его, если онъ не хочетъ остаться обѣдать, то не прійметъ ли, по-крайней-мѣрѣ, какого-либо питія, дабы не оскорбить королевскаго дома, выйдя изъ него натошакъ. Отъ подобнаго приглашенія нельзя было, по тогдашнему обыкновенію, отказаться; привычка и приличіе, какъ тогда его разумѣли, превозмогли на этотъ разъ негодованіе, и Франкъ, уже готовившійся садиться на лошадь, остался ждать въ сѣняхъ съ своими друзьями⁸⁶.

Черезъ минуту вышли служители съ широкими кубками, наполненными напиткомъ, который люди варварскаго происхожденія охотнѣе всего пили въ не обѣденное время; то было полынное вино, подслащенное медомъ. Тому изъ Франковъ, который получилъ приглашеніе королевы, было поднесено первому. Онъ, не подумавъ, разомъ осушилъ душистую влагу; но едва допилъ послѣднюю каплю, какъ жестокая раздирающая боль, показала ему, что онъ проглотилъ сильнѣйшій ядъ⁸⁷. Онъ потерялся на минуту подъ вліяніемъ этого страшнаго ощущенія, но когда увидѣлъ, что товарищи намѣрены послѣдовать его примѣру и сдѣлать честь полынному вину, то закричалъ имъ: «Не касайтесь этого напитка, бѣгите, несчастные,

бѣгите, не то погибнете вмѣстѣ со мною!» Слова эти поразили Франковъ паническимъ страхомъ; мысль объ отравѣ, нераздѣльная въ то время съ мыслию о колдовствѣ и порчѣ, близость таинственной опасности, которую нельзя имъ было отразить мечемъ, все это брало въ бѣгство людей, неотступавшихъ въ битвѣ. Они всѣ бросились къ конямъ; отравленный также успѣлъ сѣсть верхомъ, но зрѣніе его слабѣло, руки не могли держать поводьевъ. Унесенный конемъ своимъ вслѣдъ за другими, онъ отѣхалъ нѣсколько сотъ шаговъ и упалъ мертвымъ⁸⁸. Слухъ объ этомъ происшествіи далеко разнесъ суевѣрный ужасъ; никто изъ помѣстныхъ владѣльцевъ руанской епархіи не дерзалъ призывать Фредегонду на великій судъ, который, подъ именемъ маля, mâl, собирался по-крайней-мѣрѣ дважды въ годъ.

Епископъ Байёскій, Левдовальдъ, бывшій старшимъ викаріемъ руанскаго епископства, долженъ былъ принять управленіе епархіальною церковью, пока престоль оставался празднымъ. Онъ прибылъ въ Руанъ и разослалъ оттуда всѣмъ областнымъ епископамъ извѣстіе о насильственной кончинѣ Претекстата; потомъ, созвавъ изъ городскаго духовенства муниципальный соборъ, приказалъ закрыть, по приговору этого собранія, всѣ руанскія церкви и не отправлять въ нихъ никакой службы, пока всенародное изслѣдованіе не наведетъ на слѣдъ виновниковъ и сообщниковъ преступленія⁸⁹. Нѣсколько человекъ галльскаго происхожденія и низкаго званія взято было по подозрѣнію и допрошено; большая часть ихъ знала объ умыслѣ на жизнь епископа и даже получала по этому дѣлу предложенія и подарки; ихъ признанія подтверждали общее подозрѣніе, лежавшее на Фредегондѣ, но они не

назвали по имени ни одного изъ двухъ ея соучастниковъ, ни Мелантія, ни архидіакона. Королева, чувствуя, что для нея ничего не значить это духовное слѣдствіе, приняла подъ свое покровительство всѣхъ подсудимыхъ и открыто доставила имъ способы освободиться отъ судебного преследованія или бѣгствомъ, или вооруженнымъ сопротивленіемъ⁹⁰.

Не теряя бодрости отъ безпрестанныхъ препятствій, епископъ Левдовальдъ, человѣкъ совѣстливый и вѣрный своему долгу, удвоилъ рвеніе и старанія отыскать преступника и проникнуть глубину тайны этого ужаснаго злодѣйства. Тогда Фредегонда употребила средства, которыя она берегла на крайній случай; убійцы шатались вокругъ епископскаго дома и старались въ него проникнуть; Левдовальдъ долженъ былъ день и ночь окружать себя стражей изъ своихъ слугъ и церковниковъ⁹¹. Его твердость не устояла передъ такими тревогами; дѣло, начатое сперва довольно гласно, затянулось и предпринятое по римскимъ законамъ слѣдствіе вскорѣ было забыто, подобно тому, какъ было забыто намѣреніе предать Фредегонду суду франкскаго племени, созваннаго по салійскому закону⁹².

Слухъ объ этихъ происшествіяхъ, мало-по-мало распространившійся по всей Галліи, достигъ до короля Гонтрана въ столицѣ его, Шалонѣ-на-Сонѣ. Безпокойство его при этомъ извѣстіи было такъ сильно, что даже вывело его на минуту изъ той политической безопасности, которая была такъ ему по нраву. Его характеръ, какъ мы уже видѣли, состоялъ изъ самыхъ странныхъ противорѣчій; обыкновенно онъ отличался кроткимъ благочестіемъ и строгою справедливостью, но изъ-подъ нихъ, такъ-сказать,

вскипали и по временамъ вырывались не совершенно угасшіе остатки дикой и кровожадной натуры. Этотъ остатокъ германской свирѣлости обнаруживался въ душѣ самаго добраго изъ меровингскихъ королей, то вспышками дикой ярости, то хладнокровными жестокостями. Вторая жена Гонтрана, Австрегильда, постигнутая въ 580 году болѣзнію, отъ которой не чаяла исцѣленія, возымѣла варварскую мысль умереть не одной и требовала, чтобы въ день ея погребенія оба врача ея были обезглавлены. Король общалъ это, какъ дѣло самое обыкновенное, и велѣлъ отсѣчь врачамъ головы⁹³. Послѣ такого подвига супружеской угодливости, достойнаго самаго свирѣпаго тирана, Гонтранъ съ неизъяснимою легкостію снова возвратился къ привычкамъ своего отеческаго управленія и къ обыкновенному своему добродушію. Узнавъ о двойномъ преступленіи убійства и святотатства, въ которомъ общій гласъ обвинялъ вдову его брата, онъ почувствовалъ непритворное негодованіе, и какъ глава семейства Меровинговъ, счелъ себя обязаннымъ исполнить великое дѣло патріархальнаго суда. Онъ отправилъ послами къ владѣльцамъ, правившимъ отъ имени гильперикова сына, трехъ епископовъ, Артемія санскаго, Агреція труанскаго и Верана кавальйонскаго, изъ Арльской Области. Эти послы получили приказаніе истребовать отъ нейстрійскихъ владѣтелей полномочіе отыскать, посредствомъ торжественнаго изслѣдованія, виновника въ злодѣяніи, и волею или неволею представить его королю Гонтрану⁹⁴.

Три епископа прибыли въ Парижъ, гдѣ воспитывалось дитя, именемъ котораго, уже два года, управлялось Нейстрійское Королевство. Бывъ допущены въ

правительствующій совѣтъ, они изложили предметъ своего посольства, упираясь на великость злодѣян ія, за которое король Гонтранъ требовалъ наказанія. Когда они кончили рѣчь, тогда тотъ изъ нейстрійскихъ вождей, который первенствовалъ между опекунами юнаго короля и назывался его кормильцемъ, всталъ и сказалъ: «Намъ тоже очень нелюбы такія злодѣйства и мы все болѣе и болѣе желаемъ, чтобы они понесли наказаніе; но если кто-либо есть среди насъ преступный, то не вашему королю онъ долженъ быть представленъ, ибо мы сами имѣемъ средства обуздать, съ королевскаго соизволенія, всѣ преступленія, у насъ совершаемыя⁹⁵».

Эта рѣчь, по-видимому, твердая и достойная, прикрывала отвѣтъ уклончивый, ибо нейстрійскіе правители болѣе заботились о соблюденіи осторожности съ Фредегондою, нежели о независимости королевства. Послы это поняли и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ съ жаромъ. «Знайте, же, что если совершившій преступленіе не будетъ открытъ и выведенъ на чистую воду, то король нашъ прійдетъ съ войскомъ и разорить всю эту землю огнемъ и мечемъ; ибо извѣстно, что та, которая колдовствомъ извела Франка, та самая мечемъ умертвила епископа⁹⁶». Нейстрійцы не утрашили такой угрозы, зная что у короля Гонтрана всегда не доставало рѣшимости, когда надлежало дѣйствовать. Они повторили свой прежній отвѣтъ, и епископы прервали это бесполезное свиданіе, заранѣе отвергнувъ возстановленіе Мелантія на руанскомъ епископскомъ престолѣ⁹⁷. Но едва они возвратились къ королю Гонтрану, какъ стараніями королевы и вліяніемъ, которое она снова пріобрѣла кознями и страхомъ, Мелантій былъ возстановленъ. Этотъ человѣкъ, достойное

созданіе Фредегонды, въ-продолженіе болѣе пятнадцати лѣтъ ежедневно возсѣдалъ и молился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Претекстата⁹⁸.

Гордясь такимъ успѣхомъ, королева увѣнчала свое преступленіе новою дерзостію, знакомъ невѣроятнаго презрѣнія ко всему, что осмѣливалось ей противодѣствовать. Она приказала всенародно схватить и представить себѣ крѣпостнаго раба, котораго сама подкупила для исполненія злодѣйства и до того укрывала отъ преслѣдованій. — «Такъ это ты», — сказала она ему съ притворнымъ негодованіемъ: «ты закололъ Претекстата, руанскаго епископа, и породилъ клеветы, которыя обо мнѣ распространяють»? Потомъ приказала бить его при себѣ и выдала родственникамъ епископа, вовсе не заботясь о послѣдствіяхъ, какъ-будто человѣкъ этотъ ровно ничего не зналъ объ умыслѣ, которому послужилъ орудіемъ⁹⁹. — Племянникъ Претекстата, одинъ изъ числа грубыхъ Галловъ, которые, подражая германскимъ обычаямъ, дышали мщеніемъ и всегда ходили вооруженные подобно Франкамъ, овладѣлъ несчастнымъ и подвергнувъ его пытку въ собственномъ своемъ домѣ. Убійца не заставилъ ждать своихъ отвѣтовъ и признаній: — «Я нанесъ ударъ» — сказал онъ: «и для того получилъ сто золотыхъ солидовъ отъ королевы Фредегонды, пятьдесятъ отъ епископа Мелантія и пятьдесятъ отъ здѣшняго архидіакона; мнѣ обѣщали, сверхъ-того, отпустить на волю меня и жену мою¹⁰⁰».

Какъ ни положительны были такія показанія, однако ясно было, что они не могли привести ни къ какимъ послѣдствіямъ. Всѣ общественныя власти того времени тщетно старались оказать содѣйствія свое въ этомъ

ужасномъ дѣлѣ; аристократія, духовенство, даже самая королевская власть остались безсильными для наказанія истинныхъ преступниковъ. Племянникъ Претекстата, убѣжденный въ томъ, что не добудеть иной расправы, какъ только силою собственной руки своей, покончилъ все дѣло поступкомъ достойнымъ дикаря, но въ которомъ, можетъ-быть, столько же было отчаянія, какъ и звѣрства; онъ обнажилъ свой мечъ и изрубилъ на куски раба, брошеннаго ему въ добычу¹⁰¹. Такимъ образомъ, какъ случилось почти всегда въ это безпорядочное время, единственнымъ возмездіемъ за кровь было свирѣпое убійство. Только народъ не измѣнилъ погибшему епископу: онъ украсилъ его именемъ мученика и въ то время, когда церковное управленіе ставило на епископскій престолъ одного изъ убійць, а прочіе епископы называли его братомъ¹⁰², руанскіе граждане поминали въ молитвахъ своихъ имя Претекстата и склонялись предъ его гробницей. Прославленное такимъ народнымъ почитаніемъ, воспоминаніе о святомъ Претекстатѣ перешло вѣка, оставаясь предметомъ набожнаго благоговѣнія вѣрующихъ, знавшихъ его по имени. Если подробности жизни Претекстата, вполнѣ человѣчной по ея несчастіямъ и проступкамъ, могутъ нѣсколько затемнить славу его святости, то по-крайней-мѣрѣ возбуждаютъ къ нему чувство состраданія; и развѣ нѣтъ чего-то трогательнаго въ характерѣ этого старца, заплатившаго жизнию за чрезмѣрную любовь свою къ тому, кого онъ воспринялъ отъ купели, осуществляя такимъ образомъ идеаль духовнаго отчества, установленнаго христіанствомъ?

-
- ¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244 и 245. — Adriani Valesii rer. franc., кн. X, стр. 89 и слѣд.
- ² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 243.
- ³ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245. — По исчисленію г. Герарда, три тысячи золотыхъ солидовъ равняются, въ сущности, 27,840, а относительно, 298,590 франкамъ.
- ⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 243.
- ⁵ См. Исторію Парижа, соч. Дюлора, подѣ статьями: Palais des Thermes, rue Saint-Jasques, rue Galande и rue de la Montagne-Sainte-Genève.
- ⁶ Gest. reg. Franc., script. rer. gall. et franc. т. II, стр. 554.
- ⁷ Theod. Ruinart, praefat. ad Greg. Turon., стр. 95 и 96. — Greg. Turon., Hist. Franc., гл. XIV и XVI. — Fortunati carm., стр. 479 и 437.
- ⁸ Script. rer. gall. et franc., т. III, стр. 370. — Дюлоръ, Истор. Парижа, т. I, стр. 277.
- ⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.
- ¹⁰ Ibid., стр. 243. — Ibid., кн. VII, гл. XVI и слѣд. — Противъ этого двойнаго исчисленія возражали, что римскія или германскія имена не всегда были въ VI вѣке вѣрнымъ признакомъ происхожденія, и что нѣсколько германскихъ именъ является уже въ галло-римскихъ семействахъ. Если не дозволяется считать Франками, пока не будетъ доказано противное, лицъ меровингской эпохи, носящихъ германскія имена, а Галлами тѣхъ, кто носить имена римскія, тогда исторія становится невозможною.
- ¹¹ Fortunati carm. ad Bethechramnum Burdigal., edisc., apud. script. rer. gal. et franc., т. II, стр. 487.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 316, 352 и 263.
- ¹⁴ Fredegarii Hist. Franc., стр. 316, 353 и 263.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid., стр. 243.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Fredegarii Hist. Franc., стр. 243.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. — Книга пророка Іезекииля, гл. 33, стихъ 6.
- ²³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.

-
- ²⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 244.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid. — Двѣсти фунтовъ серебра равняются, въ сущности, 13,954, а относительно 149,300 франкамъ по исчисленію Герарда.
- ³⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 244.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid., стр. 245.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245. — Adriani Valesii Rer. Franc., кн. X, стр. 86.
- ⁵⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 245.
- ⁵⁵ Ibid., стр. 246.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid. — См. Дюлоръ, Истор. Парижа, т. I. — См. Исторію завоеванія Англии, кн. I и II.

⁵⁸ Въ изданныхъ по настоящее время семи разказахъ, авторъ не помѣстилъ повѣствованія о смерти Гильперика. Но какъ обстоятельства кончины этого короля, одного изъ главнѣйшихъ дѣйствователей въ эпоху Меровинговъ, могутъ быть любопытны для русскихъ читателей, то я считаю не бесполезнымъ описать здѣсь это трагическое событіе, извлеченное мною изъ *Исторіи Франціи*, соч. А. Гюго.

Отправивъ въ Испанію дочь свою Ригонту, выданную за Рекареда, сына готскаго короля, Гильперикъ удалился въ Шелль, помѣстье въ окрестностяхъ города Мо, въ пяти лье на востокъ отъ парижа. Возвратясь однажды съ охоты, онъ слѣзаль съ коня и оперся рукою на плечо слуги; въ это мгновеніе къ королю подошелъ какой-то челоувѣкъ, ударилъ его ножемъ подъ мышцу, и повторивъ ударъ, проткнулъ ему животъ. Извергнувъ много крови ртомъ и раною, Гильперикъ тут же испустилъ дыханіе. Убійца убѣжалъ и скрылся въ лѣсу. Неизвѣстно, кто былъ виновникъ преступленія. Григорій Турскій, единственный изъ современныхъ лѣтописцевъ, котораго творенія дошли до насъ, не указываетъ ни на кого, ограничиваясь приведеннымъ выше разказомъ. Историки, писавшіе лѣтъ сто послѣ этого происшествія, наводятъ подозрѣнія то на Фредегонду, то на Брунегильду, то на нѣкоторыхъ нейстрійскихъ и австрійскахъ владѣльцевъ, подвигнутыхъ личнымъ мщеніемъ. Любопытно преданіе, сохраненное этими писателями, и обвинявшее Фредегонду въ убійствѣ своего мужа: «Однажды король Гильперикъ, собравшись въ лѣсъ на охоту, приказаль осѣдлатъ лошадей и вышелъ изъ дворца. Королева, думая, что он сѣлъ уже верхомъ и не вернется, пошла ви платяную комнату мыть себѣ голову; но король, еще не сядясь на коня, воротился, и такъ тихо вошелъ въ комнату, гдѣ была королева, что она его не слышала. Какъ она стояла къ нему спиною, накользя головой нудъ скамейкой, то онъ, шутя, ударилъ хлыстомъ ниже поясницы. Она не обернулась, не посмотрѣла, кто это былъ, но, подумавъ на другаго, сказала: «Ландри! Ландри! Мнѣ больно; какъ смѣль ты это сдѣлать?» Этого Ландри, палатный графъ, первая особа въ дворцѣ короля, позорилъ его въ лицѣ жены и былъ съ нею въ блудной связи. Когда король услышалъ эти слова, то впаль въ ревнивыя подозрѣнія и сталъ какъ бѣшенный; онъ вышелъ изъ комнаты и ходилъ взадъ и впередъ въ сердечной тревогѣ и мукѣ. Несмотря на то, онъ поѣхаль въ лѣсъ разсѣяться и облегчить тоску своего сердца. Фредегонда вскорѣ догадалась, что то былъ

король, и что слова ея пришлись ему не по сердцу. Тогда она вздумала, что опасно ждать его возвращенія; но потомъ отбросила всякій страхъ и вооружилась женскою смѣлостью. Она позвала къ себѣ Ландри и сказала ему: «Ландри, голова твоя теперъ въ опасности; помышляй лучше о могилѣ, нежели о постели, если не придумаешь средства поправить дѣла». Тутъ она рассказала ему, какъ у нея вырвалось слово. Сильно удивленъ былъ Ландри когда это услышалъ; онъ началъ припоминать и перебирать про себя свои преступленія, къ великому сокрушенію сердца. Жало совѣсти страшно его кололо; онъ не зналъ, куда бы могъ скрыться и какъ выручиться; ему казалось, что онъ пойманъ какъ рыба въ неводъ. Онъ сталъ жалобно стѣнать и вздыхать, и говорилъ: «Горе мнѣ, бѣдному! Для чего пришелъ нынѣ этотъ день повергшій меня въ такую тяжкую участь? Увы, несчастный! Совѣсть терзаетъ меня; не знаю, ни что предпринять, ни куда обратиться». Тогда Фредегонда ему сказала: Ландри, слушай, что я хочу чтобъ ты сдѣлалъ и что будетъ намъ пригодно. Когда онъ вернется поздно съ охоты (вѣдь часто бываетъ, что онъ пріѣзжаетъ ночью), то постарайся разставить убійцъ и склони ихъ подарками, чтобы въ то время, когда онъ слѣзетъ съ коня, они убили его ножами. Когда это будетъ сдѣлано, тогда мы спасемся отъ смерти и станемъ сами царствовать съ сыномъ нашимъ Клотеромъ». Ландри очень похвалилъ этотъ совѣтъ и распорядился какъ должно. — Король поздно возвратился изъ лѣса; тѣ, кто были съ нимъ, не стали его ждать и разѣхались въ разныя стороны, какъ обыкновенно дѣлаютъ охотники. Убійцы, бывшіе около него на готовѣ, поразили его ножами и такимъ образомъ умертвили. Тогда тѣ же самые, которые убили его, стали кричать: «Бѣда! Бѣда! умеръ король Гильперикъ! Племянникъ его, Гильдебертъ, умертвилъ его своими людьми, и они разбѣжались». Когда услышаны были эти крики, то всѣ собрались къ тому мѣсту, гдѣ король лежалъ мертвый. Нѣкоторые всколчили на коней и пустились преслѣдовать тѣхъ, кого не было видно и не легко было найти; погонявшись напрасно, они возвратились.»

Всѣ покинули Гильперика послѣ его смерти, и онъ остался бы вовсе безъ погребенія, еслибъ санлискій епископъ, Малульфъ, котораго король три дня продержалъ у воротъ дворца, не допуская до себя, не былъ проникнутъ чувствомъ христіанской любви и не отдалъ ему послѣдняго долга. Обмывъ тѣло, Малульфъ покрылъ его королевскимъ одѣяніемъ и провелъ надъ нимъ цѣлую ночь въ молитвѣ. На дугой день

положилъ онъ его въ лодку и отвезъ внизъ по Марнѣ и Сенѣ въ Парижъ, гдѣ и похоронилъ въ церкви св. Викентія (Сенъ-Жермень-де-Пре).

Примѣчаніе переводчика.

⁵⁹ Greg. Turon., Franc., стр. 299.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Клотера, родившагося въ 584 году, послѣ смерти всѣхъ другихъ сыновей Гильперика и Фредегонды.

⁶² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 294 и 299. — Adriani Valesii Rer. franc., кн. XII, стр. 214.

⁶³ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299.

⁶⁴ Ibid., стр. 300.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid., стр. 324.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid., стр. 325.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid., стр. 326.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 299. — Adriani Valesii Rer. franc., стр. 303.

⁷⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326. — Adriani Valesii Rer. Franc., стр. 326.

⁷⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Rollandi Acta Sanct., т. III, стр. 465. — Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 326/ Ducange, Glos. ad Script. med. et infim. latinit, V. Columba.

⁷⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 327.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid.

⁹² Lex salica apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 151.

⁹³ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 254.

⁹⁴ Ibid., стр. 327.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Ibid., стр. 328.

⁹⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 331.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 331.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Gregorii Magni papae I Epist. XXIX, apud. script. rer. gallic. et franc., т. V, стр. 29.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

ИСТОРИЯ ЛЕВДАСТА, ТУРСКАГО ГРАФА. — СТИХОТВОРЕЦЪ ВЕНАНЦІЙ
ФОРТУНАТЬ. — МОНАСТЫРЬ РАДЕГОНДЫ ВЪ ПУАТЬЕ.

(579 — 581).

Островъ Ре, въ трехъ лье отъ сентонжскаго берега, принадлежалъ, въ царствованіе Клотера I-го, къ помѣстьямъ королевской казны. Его виноградники, тощее произведеніе почвы, безпрестанно побиваемой морскими вѣтрами, находились въ то время подъ надзоромъ Галла, по имени Леокадія. У него былъ сынъ, котораго онъ назвалъ германскимъ именемъ Левдаста, вѣроятно въ честь какого нибудь знаменитаго и богатаго франкскаго владѣтеля того края, или съ цѣлію доставить новорожденному полезное покровительство, или желая осѣнить главу его предзнаменованіемъ высокихъ почестей и такимъ образомъ ласкаясь мечтами и надеждами отцовскаго честолюбія¹. Родясь королевскимъ рабомъ, сынъ Леокадія, едва выйдя изъ дѣтства, попалъ въ число юношей, набранныхъ главноуправляющимъ помѣстьями короля Гариберта для поваренной службы². Наборы такого рода часто производились по повелѣнію франкскихъ королей въ

семьяхъ, населявшихъ обширныя ихъ помѣстья; повинность эту должны были нести люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній и даже знатнаго происхожденія³.

Молодой Левдасть, переселенный такимъ образомъ вдаль отъ маленькаго острова, на которомъ родился, отличился сперва отъ всѣхъ своихъ сотоварищей нерадивостью и непокорнымъ духомъ. У него болѣли глаза и ѣдкость дыма сильно его беспокоила; этимъ обстоятельствомъ онъ, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, пользовался для своихъ отказовъ отъ повиновенія. Послѣ бесполезныхъ усилій приучить его къ обязанностямъ службы, для которой его предназначали, приходилось или отправить его обратно, или дать ему другую должность. Рѣшено было послѣднее, и сынъ виноградаря перешелъ изъ кухни въ пекарню, или, какъ выражается его оригинальный біографъ, отъ ступки къ квашнѣ⁴. Не имѣя болѣе предлога, которымъ можно было отговариваться отъ прежней работы, Левдасть прибѣгнулъ къ скрытности и казался чрезвычайно довольнымъ своею новою обязанностью. Онъ исполнялъ ее нѣсколько времени съ такимъ рвеніемъ, что успѣлъ усыпить бдительность своихъ начальниковъ и смотрителей; потомъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, бѣжалъ⁵. За нимъ погнались, привели его назадъ, но онъ снова бѣжалъ, и такъ до трехъ разъ. Исправительныя мѣры плетью и тюремнымъ заключеніемъ, которымъ онъ, какъ бѣглый рабъ послѣдовательно подвергался, найдены были противъ такого упрямства недостаточными, и на Левдаста наложили послѣднее и самое строгое наказаніе: его заклеили надрѣзомъ на ухѣ⁶.

Хотя такое увѣчье дѣлало побѣгъ его затруднительнымъ и менѣе надежнымъ, однако онъ опять убѣжалъ рискуя не найти нигдѣ пристанища. Проскитавшись изъ стороны въ сторону, въ постоянномъ страхѣ поимки, потому-что носилъ видимый для всѣхъ знакъ своего рабства, и утомленный такою тревожною и бѣдственною жизнію, онъ наконецъ отважился на самое смѣлое предпріятіе⁷.

Въ то время король Гарибертъ только-что женился на Марковефѣ, дворцовой прислужницѣ, дочери чесальщика шерсти. Можетъ-быть, Левдасть имѣлъ какія нибудь сношенія съ семействомъ этой женщины; можетъ-быть, просто положился на доброту ея сердца и сочувствіе къ старому товарищу рабства; какъ бы то ни было, но вмѣсто того, чтобъ идти впередъ какъ можно далѣе отъ королевскаго жилища, онъ воротился и, скрываясь въ сосѣднемъ лѣсу, выжидалъ случая представиться новой королевѣ потихоньку отъ слугъ, которые могли его увидѣть и схватить⁸. Ему удалось, и Марковефа, тронутая мольбами, приняла его подъ свое покровительство. Она поручила ему присмотрѣть за лучшими своими лошадьми и избрала его изъ своей прислуги въ званіе марискалька, *mariskalk*, какъ говорили на древне-германскомъ языкѣ⁹.

Левдасть, ободренный этимъ успѣхомъ и такою неожиданною милостью, вскорѣ пересталъ ограничивать свои желанія настоящимъ положеніемъ и, простирая виды свои выше, сталъ добиваться главнаго начальства надъ конскими заводами своей покровительницы и титула конюшаго графа, званіе, которое варварскіе короли заимствовали отъ императорскаго двора¹⁰. Онъ достигъ этого въ короткое время, благодаря своей счастливой звѣздѣ, потому-что имѣлъ болѣе дерзости и самохвальства,

нежели тонкаго ума и настоящаго искусства. На этомъ мѣстѣ, равнявшемъ его не только съ свободными людьми, но даже съ благородными Франками, онъ совершенно позабылъ и свое происхожденіе, и прежнее холопское и горькое житіе раба. Онъ сдѣлался грубъ и презрителенъ со всѣми, кто былъ ниже его, высокомѣренъ съ равными, жаденъ къ деньгамъ и всякой роскоши, честолюбивъ безъ мѣры и воздержанія¹¹. Возведенный благосклонностью королевы какъ-бы въ любимцы, онъ вмѣшивался во всѣ дѣла ея и извлекалъ изъ нихъ огромныя выгоды, употребляя во зло ея довѣріе и сговорчивость¹². Когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она скончалась, то онъ уже столько нагребилъ, что могъ, при помощи подарковъ, добиться у короля Гариберта той же должности, какую исправлялъ при дворѣ королевы. Онъ одержалъ верхъ надъ всѣми соискателями и сдѣлался графомъ королевскихъ конюшенъ; ни мало не потерявъ съ кончиною своей покровительницы, онъ попалъ на новый путь къ почестямъ. Пользовавшись одинъ или два года своимъ высокимъ званіемъ въ дворцовой службѣ, счастливый сынъ раба съ острова Ре былъ возведенъ въ политическое достоинство и сдѣланъ графомъ города Тура, одного изъ важнѣйшихъ въ гарибертовомъ королевствѣ¹³.

Должность графа, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Галліи со времени завоеванія ея Франками, соотвѣтствовала, по ихъ политическимъ понятіямъ, должности судьи, котораго они называли на своемъ языкѣ графомъ, graf, и который, въ каждомъ округѣ Германіи, производилъ уголовную расправу, въ присутствіи родоначальниковъ или именитыхъ мужей округа. Враждебныя отношенія побѣдителей къ жителямъ

завоеванныхъ городовъ побудили присоединить къ этой судейской должности военныя права и диктаторскую власть, которую лица, дѣйствовавшія отъ имени франкскихъ королей, почти всегда употребляли во зло, или по жестокости характера, или по личнымъ разсчетамъ. Это былъ родъ варварскаго проконсульства, поставленнаго въ каждомъ значительномъ городѣ надъ прежними муниципальными учрежденіями, но безъ всякаго старанія согласовать ихъ между собою. Эти учрежденія, не смотря на ихъ отдѣльность, были однако достаточны для сохраненія порядка и внутренняго мира, и жители галльскихъ городовъ болѣе страшились, нежели радовались, когда королевское посланіе возвѣщало имъ о прїѣздѣ какого нибудь графа, присланнаго управлять ими по ихъ обычаямъ и блюсти правосудіе. Таково было, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе, произведенное въ Турѣ прибытіемъ Левдаста; и отвращеніе гражданъ къ новому судѣ не могло не возрастать со дня на день. Онъ былъ безграмотенъ, безъ всякихъ свѣдѣній въ законахъ, которыми долженъ былъ руководствоваться, и даже не имѣлъ той прямоты ума и природной справедливости, которая, хотя и подъ грубою корою, однако встрѣчалась въ графахъ зарейнскихъ округовъ.

Свыкшійся сперва съ бытомъ рабовъ, а потомъ съ буйною жизнію вассаловъ королевскаго двора, Левдастъ не имѣлъ ничего общаго съ той старинной римской образованностью, съ которою предстояли ему частыя сношенія, кромѣ страсти къ роскоши, пышности и плотскимъ наслажденіямъ. Онъ велъ себя въ новой своей должности, какъ-будто получилъ ее собственно для себя и въ удовлетвореніе своихъ безпутныхъ наклонностей.

Вмѣсто того, чтобъ учредить въ городѣ Турѣ порядокъ, онъ посѣялъ тамъ смуты своею запальчивостью и распутствомъ; бракъ его съ дочерью одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ жителей не сдѣлалъ его ни умѣреннѣе, ни осмотрительнѣе въ поведеніи. Онъ былъ жестокъ и высокоумѣренъ съ мужчинами; распутство его не щадило никакой женщины, лихоимство далеко превзошло все, чего могли ожидать отъ него¹⁴. Онъ употреблялъ всю хитрость своего ума на то, чтобы вовлечь богатыхъ людей въ неправыя тяжбы, въ которыхъ самъ бывалъ посредникомъ, или взвести на нихъ ложныя обвиненія и воспользоваться пенями, которыми онъ дѣлился съ казною. Посредствомъ взысканій и грабительства онъ очень-скоро увеличилъ свои богатства и накопилъ у себя въ домѣ много золота и сокровищъ¹⁵. Такое счастье и безнаказанность продолжались до кончины короля Гариберта, послѣдовавшей въ 567 году. Сигбертъ, на долю котораго достался городъ Туръ, не питалъ къ прежнему рабу такой благосклонности, какъ старшій братъ его. Напротивъ того, неблаговоленіе его было такъ сильно, что Левдасть для безопасности поспѣшно оставилъ городъ, бросивъ все имущество и большую часть своихъ сокровищъ, которыя были захвачены или разграблены людьми австразійскаго короля. Онъ искалъ пристанища въ королевствѣ Гильперика и присягнулъ на вѣрность этому королю, принявшему его въ число своихъ литовъ¹⁶. Въ-продолженіе этой невзгоды, бывшій турскій графъ жилъ въ Нейстріи гостемъ во дворцѣ, переѣзжая за дворомъ изъ одного помѣстья въ другое и занимая мѣсто за обширнымъ столомъ, за который садились, по старшинству лѣтъ и званія, королевскіе вассалы и застольники.

Черезъ пять лѣтъ послѣ этого побѣга графа Левдаста, король Сигбертъ возвелъ въ епископы города Тура, по просьбѣ гражданъ, Георгія Флоренція, принявшаго, при поставленіи своемъ, имя Григорія; уваженіе и любовь ихъ онъ приобрѣлъ въ то время, когда изъ Оверни, своей родины, приходилъ на поклоненіе ко гробу св. Мартина. Этотъ мужъ, котораго характеръ виденъ изъ предшествовавшихъ разсказовъ, былъ, по своему религіозному рвенію, любви къ священному писанію и строгой нравственности, однимъ изъ самыхъ совершенныхъ представителей высшей христіанской аристократіи Галловъ, среди которой нѣкогда блистали его предки. Съ самаго водворенія своего на турецкомъ епископскомъ престолѣ, Григорій, въ силу политическихъ преимуществъ, соединенныхъ въ то время съ званіемъ епископа, и по личному своему значенію, пользовался верховнымъ вліяніемъ на городскія дѣла и дѣйствія подчиненнаго ему сената. Но блескъ этого высокаго положенія долженъ былъ искупаться трудами, заботами и опасностями безъ счета. Григорій вскорѣ испыталъ ихъ. Въ первый годъ его управленія, городъ Туръ занятъ былъ ратниками короля Гильперика и точасъ же отнятъ войсками Сигберта. Въ слѣдующемъ году, Теодебертъ, старшій сынъ Гильперика, такъ опустошалъ берега Луары, что граждане Тура, пораженные ужасомъ, принуждены были вторично покориться нейстрійскому королю¹⁷. Кажется, что Левдасть, пытаясь поправить свое состояніе, участвовалъ въ этомъ походѣ или какъ начальникъ дружины, или въ числѣ отборныхъ вассаловъ, окружавшихъ юнаго королевскаго сына.

Теодебертъ, вступивъ въ городъ, который онъ привелъ къ покорности своему отцу, представилъ бывшаго графа епископу и муниципальному сенату, сказавъ, что было бы не худо, еслибъ городъ Туръ снова подчинился тому, кто съ благоразуміемъ и твердостію правилъ имъ при прежнемъ раздѣлѣ¹⁸. Независимо отъ памяти, оставленной Левдастомъ въ Турѣ, и притомъ такой, отъ которой возмущалась честная и благочестивая душа Григорія, этотъ потомокъ знаменитѣйшихъ сенаторскихъ фамилій въ Берри и Оверни, вполне раздѣлявшій взглядъ современнаго ему общества не могъ безъ отвращенія видѣть на мѣстѣ, столь близкомъ къ его собственному, ничтожнаго чловѣка, носившаго на тѣлѣ своемъ неизгладимый знакъ рабскаго происхожденія. Но предложеніе юнаго вождя нейстрійскаго войска, какъ ни казалось снисходительно, было приказаніемъ; для спасенія города, которому угрожаль грабежь и сожженіе, надлежало подчиниться прихоти побѣдителя, чтѣ и было исполнено турскимъ епископомъ съ тѣмъ благоразуміемъ, постоянный примѣръ котораго представляла вся его жизнь. Желанія важнѣйшихъ гражданъ, казалось, согласовались съ намѣреніемъ Теодеберта возстановить Левдаста въ его званіи и почестяхъ. Возстановленіе это не замедлилось, и чрезъ неѣсколько дней сынъ Леокадія получилъ изъ нейстрійскаго дворца граммату о своемъ назначеніи, содержаніе которой, какъ видно изъ официальныхъ документовъ того времени, странно противорѣчило его характеру и поведенію:

«Если есть случаи, въ которыхъ королевская благодать являетъ свое совершенство, то конечно болѣе всего дано ей выражаться въ умѣннѣ избирать въ цѣломъ народѣ мужей

бдительныхъ и честныхъ. И по истинѣ было бы несовмѣстно, чтобы званіе судіи довѣрено было тому, чье праводушіе и твердость не были заранѣе испытаны. А потому, хорошо зная твою вѣрность и достоинства, мы возложили на тебя должность графа въ округѣ турскомъ, дабы ты исполнялъ ее, и пользовался всѣми ея правами¹⁹, и сохранялъ полную и нерушимую преданность къ нашему правленію. Да пребудутъ подъ твоимъ началомъ и властію въ мирѣ и добромъ порядкѣ всѣ, живущіе въ прѣделахъ твоего вѣдѣнія, будь они Франки, Римляне, или другаго какого племени. Направляй ихъ на истинный путь по ихъ законамъ и обычаямъ, являй себя главнымъ заступникомъ вдовъ и сиротъ, искореняй строгостью преступленія воровъ и другихъ злостѣевъ; да возрадуется и успокоится народъ, во благѣ жизни подъ твоимъ управленіемъ; а что слѣдуетъ казнѣ изъ доходовъ по твоей части, то да будетъ попеченіемъ твоимъ ежегодно доставляемо въ исправности въ наше казначейство²⁰».

Новый турскій графъ, не чувствовавшій себя еще довольно твердымъ на своемъ мѣстѣ и притомъ боявшійся, чтобы военное счастье опять не возвратило города подъ власть австразійскаго короля, старался жить въ совершенномъ согласіи съ муниципальными сенаторами и особенно съ епископомъ, могущественное покровительство котораго могло быть для него полезно²¹. Въ присутствіи Григорія, онъ являлся скромнымъ и даже смиреннымъ въ обращеніи и на словахъ, наблюдая разстояніе, раздѣлявшее его отъ челоуѣка, столь знатнаго родомъ, и заботливо угождая аристократическому тщеславію, легкой остатокъ котораго проглядывалъ изъ-за положительныхъ достоинствъ этого ума твердаго и строгаго. Онъ увѣрялъ епископа, что

первымъ желаніемъ его было угодить ему и слѣдовать всѣмъ его мнѣніямъ. Онъ обѣщаль не присвоивать излишней власти и принять за правило справедливость и благоразуміе. Наконецъ, чтобъ придать болѣе вѣры своимъ обѣщаніямъ и обнадеживаніямъ, онъ много разъ призываль въ клятвахъ своихъ гробницу св. Мартина. Нерѣдко онъ клялся Григорію, какъ кліентъ своему патрону, пребыть ему вѣрнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ, никогда ни въ чемъ предъ нимъ не проступаться, ни въ дѣлахъ, которыя будутъ касаться его лично, ни въ томъ, гдѣ дѣло будетъ идти о церкви²².

Дѣла оставались въ такомъ положеніи и городъ Туръ наслаждался спокойствіемъ, котораго никто не ожидалъ въ началѣ, вдругъ войско Теодеберта было истреблено близъ Ангулема, и Гильперикъ, считая себя пропавшимъ, укрылся въ стѣнахъ Турнэ, — событія, подробно описанныя въ одномъ изъ предшествовавшихъ рассказовъ²³. Граждане Тура, лишь по неволѣ повиновавшіеся нейстрійскому королю, признали снова власть Сигберта, и Левдасть снова обратился въ бѣгство, какъ за семь лѣтъ назадъ; но, багодаря, можетъ-быть, заступничеству епископа Григорія, имущество его было на этотъ разъ пощажено и онъ вышелъ изъ города безъ всякаго ущерба. Онъ удалился въ Нижнюю-Бретань, страну совершенно независѣвшую въ то время отъ франкскихъ королевствъ и часто служившую пристанищемъ изгнанниковъ и недовольныхъ²⁴.

Убійство, такъ внезапно прекратившее, въ 575 году, дни Сигберта, повлекло за собою двойное возстановленіе, Гильперика королемъ нейстрійскимъ, и Левдаста графомъ Турскимъ. Онъ возвратился послѣ готоваго изгнанія и самовольно вступилъ въ свою должность²⁵. Съ этой поры

обезпеченный въ будущемъ онъ не старался болѣе притворяться: сбросилъ личину и снова пошелъ по слѣдамъ своего перваго управленія. Предавшись вдругъ всѣмъ дурнымъ наклонностямъ, какія только могутъ увлекать человѣка, облеченнаго властію, онъ явилъ зрѣлище величайшихъ козней и самыхъ возмутительныхъ жестокостей. Если въ то время, когда онъ держалъ публичный судъ въ присутствіи городскихъ старшинъ, вадѣльцевъ франкскаго племени, Римлянъ сенаторскаго происхожденія и сановниковъ епископской церкви, какой-либо истецъ, котораго онъ желалъ разорить, или какой-нибудь подсудимый, погибели котораго онъ добивался, являлся передъ нимъ съ смѣлою самоувѣренностью, поддерживая свои права и требуя правосудія, то графъ прерывалъ рѣчь его и метался какъ бѣшенный на своей судейской скамьѣ²⁶. Если толпа, окружавшая судилище, обнаруживала тогда тѣлодвиженіями или ропотомъ участіе свое къ угнетенному, то гнѣвъ Левдаста обращался на нее и онъ поносилъ гражданъ бранью и грубыми словами²⁷. Сохраняя въ насиліяхъ своихъ тотъ характеръ безпристрастія, который слѣдовало бы ему оказывать только въ правосудіи, онъ не обращалъ вниманія ни на чьи права, ни на чье званіе, ни на чье состояніе; приказывалъ приводить къ себѣ священниковъ съ веригами на рукахъ и бить палками воиновъ франкскаго происхожденія. Можно подумать, что этотъ сановникъ изъ рабовъ находилъ удовольствіе въ уничтоженіи всякихъ отличій, въ презрѣніи всѣхъ условій общественнаго порядка того времени, внѣ котораго сперва поставила его случайность рожденія, а потомъ другія случайности вознесли такъ высоко²⁸.

Но какъ не велики были деспотическія стремленія графа Левдаста и желаніе его все уравнивать по своему произволу для личныхъ выгодъ, однако въ городѣ существовала другая соперничающая власть, и былъ человекъ, противъ котораго онъ не дерзалъ на все рѣшиться, подь страхомъ самому погибнуть. Онъ это чувствовалъ, и потому коварствомъ, а не явнымъ насиліемъ хотѣлъ заставить епископа склониться или по-крайней-мѣрѣ молчать передъ собою. Имя Григорія, славное въ цѣлой Галліи, пользовалось уваженіемъ при дворѣ нейстрійскаго короля; но всѣмъ извѣстная преданность его къ семейству Сигберта тревожила иногда Гильперика, еще неувѣреннаго въ прочномъ обладаніи завоеваннымъ имъ городомъ Туромъ, служащимъ ключомъ всей страны, которую онъ хотѣлъ покорить къ югу от Луары. На этомъ недовѣрчивомъ расположеніи короля, Левдасть основалъ свои надежды уничтожить вліяніе епископа. Навлекая на него безпрестанныя подозрѣнія, онъ старался выставить самаго себя человекомъ необходимымъ для сохраненія города, передовымъ стражемъ, всегда неусыпнымъ и подверженнымъ за свою бдительность враждебнымъ нападкамъ и тайной или открытой неприязни. Это было для него лучшимъ средствомъ оградить себя полною безопасностью и между-тѣмъ, не выходя изъ своихъ правъ, выискивать случаи оскорблять, когда вздумается, епископа, самаго страшнаго его противника.

Въ этой борьбѣ ухищреній и мелкихъ козней, онъ прибѣгалъ иногда съ самымъ страннымъ средствамъ. Когда какое-либо дѣло требовало присутствія его въ епископскомъ домѣ, онъ являлся туда во всеоруженіи, съ шлемомъ на головѣ, въ панцырѣ, съ колчаномъ черезъ

плечо и длиннымъ копьемъ въ рукѣ, для того ли, чтобы придать себѣ страшную наружность, или чтобы заставить думать, будто въ этомъ домѣ мира и молитвы ему угрожала опасность отъ засады и тайныхъ замысловъ²⁹. Въ 576 году, когда Меровигъ, проѣздомъ чрезъ Туръ, похитилъ у него всѣ деньги и драгоценности, онъ утверждалъ, что молодой принцъ ограбилъ его по совѣту и наущенію Григорія³⁰. Послѣ того, по непостоянству ли характера, или отъ неудачи въ этомъ бездоказательномъ обвиненіи, онъ внезапно сталъ искать примиренія съ епископомъ, и увѣрялъ его, под самой священной клятвой, взявъ въ руку шелковый коверъ, покрывавшій гробницу св. Мартина, что въ жизнь свою враждовать съ нимъ болѣе не будетъ³¹. Но непомерная алчность, съ которою Левдасть желалъ какъ можно скорѣе вознаградить понесенные имъ убытки, побуждала его къ умноженію своихъ грабежей и лихоимствъ. Въ числѣ богатыхъ гражданъ, на которыхъ онъ нападалъ преимущественно, многіе были искренними друзьями Григорія, но и они не знали пощады. Такимъ образомъ, не смотря на свои недавнія обѣщанія и багоразумную рѣшимость, турскій графъ снова вовлекся въ тайную вражду съ своимъ соперникомъ по власти. Вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаемый корыстью, онъ началъ захватывать церковное имущество, и распря между двумя противниками сдѣлалась явною³². Въ этой борьбѣ, съ долготерпѣніемъ, присходившимъ частью отъ пастырской кротости, частью отъ осторожной политики аристократа, Григорій сначала отражалъ насильственные поступки Левдаста однимъ лишь нравственнымъ сопротивленіемъ. Онъ только принималъ удары, не нанося ихъ, пока не счелъ нужнымъ дѣйствовать, и тогда, послѣ двухъ-лѣтняго

спокойнаго, по видимому безропотнаго ожиданія, съ силою возсталъ на своего противника.

Въ концѣ 579 года, тайное посольство донесло королю Гильперикю, съ неопровержимыми доказательствами, о вѣроломствѣ графа Левдаста и неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя онъ причинялъ церквамъ и всѣмъ жителямъ Тура³³. Неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ посольство это явилось въ нейстрійскій дворець, и какія причины содѣйствовали удачѣ этого предпріятія; но оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и не смотря ни на долговременную милость короля къ графу Левдасту, ни на многочисленныхъ друзей, которыхъ онъ имѣлъ между вассалами и приближенными ко двору, низложеніе его было рѣшено. Отпуская пословъ, Гильперикъ отправилъ съ ними Ансовальда, самаго довѣреннаго своего совѣтника, для принятія надлежащихъ мѣръ и осуществленія перемѣны, о которой они просили. Ансовальдъ прибылъ въ Туръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и, не довольствуясь объявленіемъ, что Левдасть лишенъ своего званія, предоставилъ епископу и гражданамъ всѣхъ сословій право избрать новаго графа. Голоса соединились въ пользу мужа галльскаго происхожденія, по имени Евномія, который и былъ поставленъ графомъ, среди народныхъ кликовъ и упованій³⁴.

Пораженный этимъ неожиданнымъ ударомъ и въ кичливости своей никогда не помышлявшій о возможности такой превратности, Левдасть пришелъ въ неистовую ярость и упрекалъ придворныхъ друзей своихъ, которымъ, по его мнѣнію, слѣдовало поддержать его. Онъ съ особенною горечью укорялъ королеву Фредегонду, которой обязался служить добромъ и зломъ, въ томъ что,

будучи властна, какъ онъ думалъ, спасти его отъ погибели, она заплатила ему неблагодарностью, отказавшись защитить его³⁵. Эта обида, основательная или нѣтъ, такъ сильно овладѣла умомъ отставленнаго графа, что онъ съ того времени возимѣлъ къ своей бывшей покровительницѣ такую же ненависть, какую питалъ къ виновнику своего низложенія, турецкому епископу. Онъ не отдѣлялъ ихъ другъ отъ друга въ своихъ мстительныхъ видахъ и въ умѣ, разгоряченномъ досадою, началъ создавать самыя отважныя предположенія, обдумывать планы новыхъ успѣховъ и будущаго возвышенія, включая въ нихъ, какъ одно изъ первѣйшихъ своихъ желаній, погибель епископа, и, что всего удивительнѣе, даже погибель Фредегонды, разводъ ея съ мужемъ и лишеніе ея королевскаго сана.

Въ то время, въ Турѣ былъ священникъ, по имени Риккульфъ, родомъ — можетъ-быть — Галль, не смотря на германское имя, подобно Левдасту, на котораго впрочемъ Риккульфъ много походилъ характеромъ³⁶. Рожденный въ томъ же городѣ отъ бѣдныхъ родителей, онъ подвизался въ духовномъ званіи, подъ покровительствомъ епископа Евфронія, предмѣстника Григорія. Его тщеставліе и честолюбіе превосходили всякую мѣру; онъ считалъ себя не на своемъ мѣсте, пока не получитъ епископскаго званія³⁷. Чтобы со временемъ вѣрнѣе его достигнуть, онъ за нѣсколько лѣтъ добился покровительства Клодовига, послѣдняго сына короля Гильперика и Авдоверы³⁸. Эта королева, женщина свободнаго и вѣроятно знатнаго происхожденія, хотя и была заточена и отвержена, однако сохранила въ несчастіи своемъ много друзей, надѣявшихся на ея сыновей, уже взрослыхъ, нежели на малолѣтнихъ

дѣтей ея соперницы. Фредегонда, не смотря на блистательное соево могущество и успѣхи, не могла заставить окружавшихъ совершенно позабыть ея низкое происхожденіе и внушить имъ полную довѣренность на прочность счастья, которымъ наслаждалась. Были сомнѣнія на счетъ продолжительности очарованія, которымъ она ослѣпляла умъ короля; многіе неохотно ей воздавали королевскія почести; собственная дочь ея, Ригонта, старшая изъ четырехъ ея дѣтей, краснѣла за нее и вслѣдствіе рано пробудившагося женскаго тщеславія стыдилась имѣть матерью прежнюю дворцовую прислужницу³⁹. Такимъ образомъ возлюбленная супруга короля Гильперика имѣла также свои безпокойства, и главнѣйшимъ изъ всѣхъ, вмѣстѣ съ позоромъ происхожденія, котораго ничто не могло изгладить во мнѣніи людей того времени, было опасѣние совмѣстничества между ея дѣтьми и дѣтьми короля отъ перваго ложа на полученіе отцовскаго наслѣдія.

Освободясь насильственной смертію отъ двухъ старшихъ сыновей Авдоверы, Фредегонда еще имѣла передъ собою третьяго, Клодовига, могущаго оспаривать права сыновей ея, Клодоберта и Дагоберта, изъ которыхъ старшему не было еще пятнадцати лѣтъ⁴⁰. Мнѣнія, желанія, честолюбивыя надежды на счетъ участи одного и будущности другихъ были въ нейстрійскомъ дворцѣ различны; тамъ существовали двѣ противныя стороны, имѣвшія отрасли извнѣ и встрѣчавшіеся во всѣхъ частяхъ королевства. Въ обѣихъ были люди, искренно и давно преданные, и переходящіе новобранцы, пристававшіе или отстававшіе по влеченію минутнаго произвола. Такъ сошлись вдругъ, въ совершенномъ согласіи политическихъ

чувствованій, Рикульфъ и Левдасть, одинъ — старинный поклонникъ Клодовига, другой — еще недавній врагъ этого юнаго принца и брата его, Меровига. Они вскорѣ сдѣлались искренними друзьями, повѣрили другъ другу всѣ свои тайны и слили воедино свои планы и надежды. Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 579 года и въ первыхъ слѣдующаго, эти два человѣка, равно опытные въ козняхъ, имѣли между собою частыя совѣщанія, на которыя былъ допущенъ и третій, подь-діаконъ, по имени такъ же какъ и священникъ, Рикульфъ, тотъ самый, который уже служилъ посломъ у самага искуснаго каверзника того времени, австраійца Гонтрана Бозе⁴¹.

Первымъ условіемъ трехъ сообщниковъ было положено пустить въ ходъ общій слухъ о супружеской невѣрности и распутствѣ Фредегонды, доведя о томъ до сведенія короля Гильперика. Они полагали, что чѣмъ любовь короля была болѣе довѣрчива и слѣпа на указанія, для всѣхъ очевидныя, тѣмъ страшнѣе долженъ быть гнѣвъ его въ минуту разочарованія. Удаленіе Фредегонды изъ королевства, ненависть короля къ ея дѣтямъ, изгнаннымъ вмѣстѣ съ нею и лишеннымъ наслѣдства, вступленіе Клодовига на отцовскій престолъ безъ всякаго спора и раздѣла, — таковы были послѣдствія, какихъ ждали они отъ своихъ услужливыхъ донесеній. Чтобъ отклонить отъ себя отвѣтственность за явный доносъ на королеву и въ то же время запутать другаго своего непріятеля, турскаго епископа, они довольно ловко вздумали обвинить его въ произнесенныхъ будто-бы передъ свидѣтелями оскорбительныхъ словахъ, переходившихъ тогда изъ устъ въ уста, но которыхъ сами они не осмѣливались повторять отъ своего имени⁴².

Замысль этотъ представлялъ двоякую возможность низложенія епископа: или тотчасъ же, при гнѣвномъ взрывѣ короля Гильперика, или немного позже, когда Клодовигъ вступитъ въ обладаніе королевствомъ. Священникъ Риккульфъ заранѣе опредѣленъ былъ для замѣщенія Григорія на епископскомъ престолѣ. Левдасть, ручавшійся новому своему другу въ несомнѣнности такого повышенія, назначалъ себя при королѣ Клодовигѣ вторымъ лицомъ королевства, въ которомъ, съ титуломъ герцога, онъ долженъ принять верховное правленіе; а чтобы подь-діаконъ Риккульфъ также имель приличное мѣсто, то было положено впутать вмѣстѣ съ Григоріемъ и вовлечь въ ту же погибель и Платона, архидіакона турской церкви и задушевнаго друга епископа⁴³.

Условясь такимъ образомъ на своихъ сборищахъ, три заговорщика отправили пословъ къ Клодовигу, чтобы объявить ему о предпріятіи, задуманномъ въ его пользу сообщить во своихъ намѣреніяхъ и заключить съ нимъ уговоръ. Юный принцъ, вѣтренный характеромъ, честолюбивый и неосторожный, обѣщаль, въ случаѣ удачи, все, чего отъ него требовали, и даже съ избыткомъ. Когда наступило время дѣйствовать, то распредѣлили между собою роли. Священникъ Риккульфъ долженъ былъ подготовить будущее низложеніе Григорія, возбудивъ противъ него, въ городѣ, зачинщиковъ смуть и тѣхъ, которые, по чувству областного патріотизма, не любили его, какъ чужестранца, и желали видѣть на его мѣстѣ туземнаго епископа. Подь-діаконъ Риккульфъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ смиренныхъ притрапезниковъ епископскаго дома, съ намѣреніемъ поссорившійся съ своимъ главою, чтобы свободнѣе видѣться съ Левдастомъ,

опять начал показывать епископу покорность и притворное раскаяніе; онъ старался снова войти въ его довѣріе, вовлечь его въ какой-либо подозрительный поступокъ, который могъ бы служить уликой⁴⁴. Наконецъ, самъ бывший турскій графъ, не колеблясь, принялъ на себя самое опасное порученіе — отправиться въ суассонскій дворець и переговорить съ королемъ Гильперикомъ.

Онъ отправился изъ Тура около апрѣля мѣсяца 580 года и будучи допущень до короля, тотчасъ по прїѣздѣ, въ бѣседѣ съ-глаза-на-глазь, сказалъ ему голосомъ, которому старался придать въ одно и то же время важность и убѣдительность: «Доселѣ, благочестивѣйшій король, я охранялъ твой городъ Туръ; но теперь, когда я отрѣшенъ отъ должности, помысли, какъ-то сберегутъ его; ибо да будетъ тебѣ извѣстно, епископъ Григорій намѣренъ предать его сыну Сигберта⁴⁵». Какъ человѣкъ, раздосадованный непріятною вѣстью и прикрывающій испугъ своей недовѣрчивостью, Гильперикъ грубо отвѣчалъ: «Неправда». Потомъ, высматривая въ чертахъ Левдаста какой-либо признакъ смущенія и колебанія, онъ прибавилъ: «Ты пришелъ теперь съ такими доносами потому, что тебя отставили»⁴⁶. Но бывший графъ турскій, ни мало не теряя своей смѣлости, отвѣчалъ: Епископъ творить и другое; онъ разноситъ про тебя оскорбительные слухи; говорить, что королева твоя въ блудной связи съ епископомъ Бертраномъ»⁴⁷. Задѣтый за самую живую и раздражительную струну, Гильперикъ впалъ въ такую ярость, что, забывъ чувство королевскаго достоинства, бросился колотить, что было силы, кулаками и ногами, несчастнаго виновника такого неожиданнаго открытія⁴⁸.

Когда онъ излилъ такимъ образомъ гнѣвъ свой, не выговоривъ ни слова, то пришелъ нѣсколько въ себя и сказалъ Левдасту: «Какъ! Ты утверждаешь, что епископъ говорилъ такія вещи про королеву Фредегонду?» — «Утверждаю» отвѣчалъ Левдасть, нисколько не смутясь отъ грубаго приема, которымъ встрѣчено было его таинственное донесеніе: «и если ты рѣшился бы предать пытку Галліена, друга епископа и Платона, его архидіакона, то они уличили бы его передъ тобою въ этихъ разсказахъ»⁴⁹. — «Но, явишься ли ты самъ быть свидѣтелемъ?» — спросилъ король съ живѣйшимъ безпокойствомъ, Левдасть отвѣчалъ, что можетъ представить свидѣтеля, слышавшаго все собственными ушами, причетника турецкой церкви, на словахъ котораго онъ и основалъ доносъ свой, и назвалъ поддѣлака Рикюльфа, не говоря однако о преданіи его пытку, какъ за минуту предъ тѣмъ предлагалъ для обоихъ друзей епископа Григорія⁵⁰. Но различіе, которое онъ старался установить въ пользу своего соумышленника, не входило въ расчеты короля. Гильперикъ, разгнѣванный на всѣхъ, кто только участвовалъ въ оскорбленіи, нанесенномъ его чести, приказалъ наложить на Левдаста оковы и тотчасъ же послалъ въ Туръ повелѣніе задержать Рикюльфа⁵¹.

Этотъ отъявленный обманщикъ совершенно успѣлъ, въ теченіе одного мѣсяца, приобрести милость епископа Григорія и былъ по прежнему принятъ, какъ вѣрный кліентъ, въ его домѣ и за его трапезой⁵². Когда по отъѣздѣ Левдаста, онъ рассчиталъ, по числу протекшихъ дней, что доносъ уже сдѣланъ и имя его уже произнесено передъ королемъ, то началъ стараться вовлечь епископа въ какой-либо подозрительный поступокъ, дѣйствуя на доброту

души его и состраданіе къ несчастію. Онъ явился къ Григорію съ видомъ унынія и глубокаго безпокойства и на первый вопросъ о томъ, что съ нимъ случилось, бросился ему въ ноги, завопивъ: «Я пропадшій человекъ, если ты не поспѣшишь мнѣ на помощь. По наущенію Левдаста я говорилъ вещи, которыхъ не должно было рассказывать. Выдай мнѣ, немедля, позволеніе уѣхать въ другое королевство; ибо если останусь здѣсь, то королевскіе чиновники схватятъ меня и предадутъ казни⁵³». Церковный служитель дѣйствительно не могъ ни отлучиться отъ церкви, при которой состоялъ, безъ позволенія епископа, ни поступить безъ письма отъ него, которое служило пропускомъ, въ другую епархію. Выпрашивая себѣ увольненіе, ради спасенія жизни отъ мнимой опасности, подъ-діаконъ Риккульфъ дѣйствовалъ двулично: старался вызвать существенное обстоятельство, могущее служить подтвержденіемъ словъ Левдаста, и кромѣ того желалъ доставить себѣ возможность уклониться отъ дѣйствія и выждать въ безопасномъ мѣстѣ развязку этой обширной интриги.

Григорій ни мало не подозрѣвалъ причины отъѣзда Левдаста, ни того, что происходило въ то время въ Суассонѣ; но просьба подъ-діакона, его темныя рѣчи, сопровождаемыя какими-то трагическими тѣлодвиженіями, вмѣсто того, чтобы тронуть, удивили и раздражили епископа. Бурныя времена, внезапныя перемѣны, ежедневно прекращавшія, на его глазахъ, самыя блистательныя существованія, общее недовѣріе въ надежность положенія и жизни каждаго, пріучили епископа къ самой внимательной осмотрительности. Онъ остерегся, и къ великой досадѣ Риккульфа, который своимъ

притворнымъ отчаяніемъ надѣялся удовать его въ сѣти, отвѣтствовали: «Если ты держалъ рѣчи, противныя разуму и долгу, то да падуть онѣ на главу твою; я не отпущу тебя въ другое королевство, потому-что боюсь навлечь на себя подозрѣніе короля»⁵⁴.

Подъ-діаконъ всталъ, пристыженный неудачею этой первой попытки, и можетъ-быть готовился попробовать новую хитрость, какъ былъ схваченъ тайно по повѣленію короля и отправленъ въ Суассонъ. Лишь-только онъ туда прибылъ, какъ былъ призванъ, одинъ, къ допросу, на которомъ, не смотря на свое опасное положеніе, въ точности выполнилъ условія, заключенныя имъ съ обоими соумышленниками. Выдавая себя за свидѣтеля, онъ показалъ, что однажды, когда епископъ дурно относился о королевѣ, тут присутствовали архидіаконъ Платонъ и Галліенъ, и что оба они повторяли слова епископа. Это положительное свидѣтельство освободило Левдаста, правдивость котораго не казалась болѣе сомнительною и который, впрочемъ, не обѣщаль дальнѣйшихъ показаній⁵⁵. Выпущенный на волю, пока участникъ его во лжи заступалъ его мѣсто въ темницѣ, онъ имѣлъ право считать себя съ того времени въ нѣкоторой милости, ибо, по странному выбору, король именно на него возложилъ порученіе отправиться въ Туръ и схватить Галліена и архидіакона Платона. Порученіе это было ему дано вѣроятно потому что, по обыкновенному своему самохвальству, онъ выставлялъ себя единственнымъ человѣкомъ, способнымъ исполнить с успѣхомъ это дѣло, и приводилъ о состояніи города и расположеніи гражданъ рассказы, наиболее способные встревожить подозрительный умъ короля.

Левдасть, торжествуя возвращеніе значеніе довѣреннаго лица и счастья, которое, казалось, было уже въ его рукахъ, отправился въ путь на святой недѣлѣ. Въ пятницу на той же недѣлѣ въ покояхъ, принадлежавшихъ къ турецкой соборной церкви, произошло великое смятеніе, произведенное буйствомъ священника Рикульфа. Этотъ человѣкъ, увѣренный въ осуществленіи своихъ надеждъ, нисколько не пугаясь задержанія подь-діакона, своего тезки и соумышленника, видѣлъ въ томъ только шагъ къ окончательной развязкѣ, которая должна была привести его къ епископству⁵⁶. Въ ожиданіи успѣха, въ которомъ онъ болѣе не сомнѣвался, голова его разгорячилась до того, что онъ, словно опьянѣлый, сдѣлался неспособнымъ управлять ни своими дѣйствіями, ни словами. В одну изъ тѣхъ переминокъ церковной службы, когда священнодѣйствующіе отдыхали, онъ нѣсколько разъ прошелся съ надменнымъ видомъ передъ епископомъ и наконецъ громко сказалъ, что слѣдовало бы очистить городъ Туръ отъ Овернцевъ⁵⁷. Григорій не очень обидѣлся этой неприличной выходкой, не зная побудительнаго къ ней повода. Привыкнувъ слышать, особенно отъ простолудиновъ своей церкви, грубый тонъ и выраженія, которые все болѣе и болѣе распространялись въ Галліи изъ подражанія варварамъ, онъ отвѣчалъ безъ гнѣва и съ достоинствомъ, нѣсколько аристократически: «Несправедливо, что овернскіе уроженцы здѣсь чужіе; ибо кромѣ пяти, всѣ турецкіе епископы происходятъ изъ фамилій, связанныхъ родствомъ съ нашею; тебѣ бы слѣдовало знать это»⁵⁸. Ничто не могло раздражить въ такой мѣрѣ столько зависти честолюбиваго священника, какъ подобный ответъ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что, не владея болѣе собою, прямо приступилъ къ епископу съ

ругательствами и грозными тѣлодвиженіями. Отъ угрозъ онъ перешель бы къ побоямъ, если бы вступившіеся церковнослужители не предупредили крайнихъ проявленій его бѣшенства⁵⁹.

На другой день послѣ этихъ безпорядковъ, Левдасть пріѣхалъ въ Туръ; онъ вступилъ въ городъ тихо, безъ вооруженной свиты, какъ-будто прибылъ по собственнымъ дѣламъ⁶⁰. Такая скромность, вовсе не в его характерѣ, вѣроятно была ему указана именнымъ повелѣніемъ короля, какъ средство удачнѣе исполнить предстоявшее ему задержание двухъ друзей епископа. Остальную часть дня онъ притворился занятымъ постороннимъ дѣломъ; послѣ того напавъ внезапно на свою добычу, занялъ толпою ратниковъ жилища Галліена и архидіакона Платона. Оба они были схвачены самымъ насильственнымъ образомъ, разоблачены и скованы другъ съ другомъ желѣзными цѣпями⁶¹. Провожая ихъ такимъ образомъ черезъ городъ, Левдасть таинственно объявлялъ, что будетъ расправа со всѣми врагами королевы, и что вскорѣ схватятъ самаго главнаго преступника. Хотѣлъ ли онъ дать высокое понятіе о своемъ таинственномъ порученіи и важности плѣнниковъ, или дѣйствительно боялся какой-либо засады или бунта, но только при выходѣ изъ города принялъ необыкновенныя предосторожности. вмѣсто переправы черезъ Луару по турецкому мосту, онъ рѣшился переплыть ее съ обоими плѣнниками и ихъ стражей на паромѣ, оставленномъ изъ двухъ лодокъ, связанныхъ между собою помостомъ и движимыхъ другими лодками на буксирѣ⁶².

Слухъ объ этихъ событіяхъ дошелъ до Григорія въ то время, когда онъ занятъ былъ въ епископскомъ домѣ

многочисленными дѣлами, поглощавшими всѣ его досуги отъ пастырскихъ обязанностей. Слишкомъ достовѣрное несчастье обоихъ друзей его и начинавшіе распространяться неопредѣленные, но зловѣщіе слухи, грозившіе ему самому, все это, вмѣстѣ съ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ непріятнаго вчерашняго столкновѣнія, навело на него глубокое уныніе. Объятый сердечною тоской, волненіемъ и грустью, онъ прервалъ свои занятія и вошелъ одинъ въ молельню⁶³. Тамъ сталъ онъ молиться на колѣняхъ, но молитва, какъ ни была усердна, его не успокоила. Что случится? спрашивалъ онъ себя въ безпокойствѣ и повторялъ въ умѣ своемъ этотъ вопросъ, полный неразрѣшимыхъ сомнѣній, не находя ему отвѣта. Чтобъ избѣжать томленія неизвѣстности, онъ рѣшился на дѣло, которое самъ неоднократно осуждалъ, согласно съ постановленіями соборовъ и святыхъ отцевъ церкви. Онъ взялъ книгу псалмовъ давидовыхъ открылъ ее на удачу надѣясь, не встрѣтится ли, какъ онъ самъ говоритъ, какого-либо утѣшительнаго стиха⁶⁴? Мѣсто, на которое упали взоры его, заключало слѣдующее: «И настави на упованіе, и не убояшася, и враги ихъ покры море»⁶⁵. Случайна связь этихъ словъ съ мыслями, тяготившими Григорія, произвела то, чего ни разумъ, ни вѣра его не могли сдѣлать. Ему казалось, что свыше дарованъ отвѣтъ, дано обѣщаніе небеснаго покровительства обоимъ друзьямъ его и тому, кто вмѣстѣ съ ними, по народнымъ слухамъ, долженъ былъ впасть въ опалу, которой они подверглись первые⁶⁶.

Между-тѣмъ, бывшій турскій графъ, представляя изъ себя предусмотрительнаго вождя, знакомаго съ нечаянностями и военными хитростями, совершалъ переправу черезъ Луару какъ-бы въ боевомъ порядкѣ. Чтобы лучше

управлять движеніемъ и обзрѣвать окрестность, онъ сталъ на переднемъ концѣ плота. Плѣнники находились на заднемъ, и стража занимала остальную часть помоста, такъ что весь паромъ былъ тяжело нагруженъ народомъ. Они уже переплыли средину рѣки, гдѣ отъ быстроты теченія было не безопасно, какъ вдругъ по необдуманному приказанію Левдаста, большая часть людей перешла на передній конецъ парома. Лодка, поддерживавшая его, погрузясь отъ тяжести, наполнилась водою; плотъ сильно покосился и многіе изъ стоявшихъ на этомъ концѣ потеряли равновѣсіе и были сброшены въ рѣку. Левдасть упалъ въ нее первый и достигъ берега вплавъ, пока паромъ, частію потопленный, частію поддерживаемый другою лодкою, на которой оставались закованные плѣнники, съ трудомъ приближался къ пристани⁶⁷. Кромѣ этого случая, который едва не придалъ стихамъ Давида значенія буквальнаго пророчества, остальной путь отъ Тура до Суассона совершенъ былъ безпрепятственно и съ возможною поспѣшностью.

Лишь только оба плѣнника были представлены Гильперіку, проводникъ ихъ употребилъ всевозможныя старанія возбудить противъ нихъ гнѣвъ короля и вынудить у него, пока онъ не одумается, окончательный приговоръ и повеленіе предать ихъ казни⁶⁸. Онъ чувствовалъ, что такой немедленный ударъ поставилъ бы турскаго епископа въ чрезвычайно затруднительное положеніе и что король, попавъ однажды на путь насильственныхъ жестокостей, не могъ бы оставить его. Но расчеты и ожиданія Левдаста не состоялись. — Гильперикъ, снова ослѣпленный обаяніемъ, подъ вліяніемъ котораго протекла жизнь его, отступился отъ первыхъ сомнѣній своихъ въ вѣрности Фредегонды и

уже не обнаруживалъ прежней раздражительности. Онъ смотрѣлъ на это дѣло болѣе спокойными глазами; хотѣлъ вести его медленно и даже поступать въ изслѣдованіи фактовъ со всею точностію законника, на что имѣлъ особыя притязанія, наравнѣ съ желаніемъ прослыть искуснымъ стихотворцемъ, цѣнителемъ художествъ и глубокимъ богословомъ.

Сама Фредегонда вооружилась въ поступкахъ своихъ всею своею силою и благоразуміемъ. Она очень тонко разсудила, что лучшее средство для разсѣянія въ умѣ мужа всякой тѣни подозрѣнія это казаться веселою и спокойною; играть роль знатной дамы не удостоивающей ни малѣйшимъ вниманіемъ окончанія этаго судебного изслѣдованія. Это расположеніе духа, которое Левдасть не предвидѣлъ ни съ той, ни съ другой стороны, спасло плѣнникамъ жизнь. Имъ не только не причинили никакого зла, но даже, въ исключительномъ порывѣ снисходительности, король обращался съ ними гораздо лучше, нежели съ подьякономъ, ихъ обвинителемъ, и оставилъ ихъ почти на свободѣ, только подъ присмотромъ судейскихъ чиновниковъ⁶⁹.

Надлежало захватить главнаго отвѣтчика: но тут явились затрудненія и нерѣшительность короля Гильперика. Нѣкогда, въ гоненіяхъ своихъ противъ епископа Претекстата, онъ былъ исполненъ рѣшимости и даже ожесточенія⁷⁰; но Григорій не былъ обыкновенный епископъ. Его слава и вліяніе распространялись по всей Галліи; въ немъ, такъ сказать, сосредоточивалось и олицетворялось нравственное могущество епископскаго сана. Насиліе съ такимъ противникомъ было бы опасно и могло возбудить общее негодованіе, на которое

Гильперикъ, въ пылу гнѣва, можетъ-быть, и не обратилъ бы вниманія, но котораго не смѣлъ презирать въ хладнокровномъ расположеніи духа. И такъ, отказавшись отъ насилія, онъ помышлялъ только о томъ, какъ привести въ дѣйствіе одно изъ тѣхъ коварныхъ, хотя нѣсколько грубыхъ соображеній, которыя столько ему нравились. Разсуждая самъ съ собою, онъ рѣшилъ, что епископъ, утравшій его своею популярностію, могъ также съ своей стороны бояться королевскаго могущества и искать въ бѣгствѣ спасенія отъ страшныхъ послѣдствій обвиненія въ оскорбленіи величества. Эта мысль, казавшаяся ему блистательною, послужила основою плану его дѣйствій и содержаніемъ тайныхъ повелѣній, которыя онъ тотчасъ же отдалъ. Онъ отправилъ ихъ на имя герцога Берульфа, который, будучи облеченъ, по титулу своему, въ званіе намѣстика провинціи, воеводствовалъ въ Турѣ, въ Пуатье и во многихъ другихъ городахъ на югъ отъ Лауры, завоеванныхъ въ послѣднее время нейстрійскими вождами⁷¹. По этимъ приказаніямъ Берульфъ долженъ былъ ѣхать въ Туръ, подъ предлогомъ осмотра оборонительныхъ средствъ города. Ему было предписано выжидать, въ полной готовности и въ совершенной тайнѣ, той минуты, когда Григорій открыто обличить себя какой либо попыткой къ побѣгу и тѣмъ попадетъ въ руки.

Извѣстіе о предстоявшемъ судѣ дошло до Тура съ достовѣрнымъ подтвержденіемъ но украшенное, какъ всегда бываетъ, множествомъ народныхъ преувеличеній. На вѣроятномъ дѣйствиі этихъ грозныхъ слуховъ, повѣренный короля Гильперика рассчитывалъ главный успѣхъ своего порученія. Онъ ласкалъ себя мыслию, что съ помощью этого призрака ему удастся вовлечь епископа въ

ошибку и загнать его, какъ звѣря на охотѣ прямо въ разставленныя сѣти. Берульфъ прибылъ въ городъ Туръ и осмотрѣлъ стѣны его, какъ обыкновенно въ свои очередные объѣзды. Новый графъ, Евномій, сопровождалъ его для выслушанія замѣчаній и полученія приказовъ. Открылъ-ли франкскій герцогъ этому Римлянину свою тайну, или хотѣлъ обмануть его самого, только онъ объявилъ ему, что король Гонтранъ намѣренъ овладѣть городомъ нечаянно или открытою силой, и прибавилъ: «Теперь надлежитъ бодрствовать безъ отдыха; а чтобъ оградиться отъ оплошности, то въ крѣпость нужно ввести гарнизонъ⁷²». При содѣйствіи этой сказки и быстро распространившагося страха передъ вымышленною опасностью, дружины ратниковъ введены были въ город не возбуждая подозрѣній; размѣщены были караулы и часовые поставлены у всѣхъ городскихъ воротъ. Имъ отданъ былъ приказъ не стеречь, приближеніе съ поля непріятеля, но наблюдать за епископомъ и остановить его, если онъ вознамѣрится оставить городъ, переодѣтый какимъ либо образомъ, или въ дорожномъ экипажѣ⁷³.

Эти стратегическія распоряженія были бесполезны, цѣлые дни прошли въ напрасномъ ожиданіи. Турскій епископъ, казалось, вовсе не помышлялъ о побѣгѣ, и Берульфъ принужденъ былъ дѣйствовать подъ рукою, чтобы побудить его къ бѣгству, или внушить ему эту мысль. Онъ подкупилъ нѣсколько человекъ изъ приближенныхъ къ Григорію, которые одинъ за другимъ стали говорить ему объ опасности и опасеніяхъ друзей его. Вѣроятно, въ этихъ коварныхъ наущеніяхъ не было пощады и королю Гильперіку, и названія новаго Ирода и Нерона, какъ многіе его тогда честили въ тихомолку, были на этотъ разъ

безнаказанно произнесены измѣнниками⁷⁴. Напоминая епископу слова Священнаго Писанія: *Бѣгите изъ града въ градъ отъ вашихъ гонителей*, они совѣтовали ему вынести тайно самыя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія церкви, и удалиться въ одинъ изъ овернскихъ городовъ, въ ожиданіи лучшаго времени. Но подозрѣвалъ ли Григорій настоящія причины этого страннаго предложенія, или ему казалось недостойнымъ выслушивать такіе совѣты, даже искренніе, — только онъ остался непреклоненъ и объявилъ, что не выѣдетъ⁷⁵.

Такимъ-образомъ не было никакого средства схватить этого человѣка, до котораго не смѣли коснуться, пока онъ самъ себя не выдастъ. Король долженъ былъ ждать добровольнаго явленія отвѣтчика, котораго хотѣлъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ. Для веденія этого важнаго дѣла, разосланы были призывныя повѣстки, подобно тому, какъ при сужденіи Претекстата, ко всѣмъ нейстрійскимъ епископамъ; имъ было предписано явиться въ Суассонъ въ началѣ августа мѣсяца 580 года. Повидимому этотъ соборъ былъ еще многочисленнѣе, нежели созванный в 577 году въ Парижѣ, потому-что приглашены были епископы многихъ южныхъ городовъ, недавно отнятыхъ отъ Австразійскаго Королевства, и между прочими епископъ альбійскій⁷⁶. Турскій епископъ получилъ это приглашеніе въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ его собраты; по какому-то чувству чести онъ поспѣшилъ отвѣтить на него готовностью и прибылъ въ Суассонъ однимъ изъ первыхъ.

Жители города были сильно взволнованы ожиданіемъ: отвѣтчикъ такого высокаго сана, столь добродѣтельный и знаменитый, возбуждалъ всеобщее участіе. Его обращеніе,

благородное и кроткое безъ принужденности, совершенное спокойствіе, какъ-будто онъ призванъ былъ засѣдать въ чужомъ дѣлѣ, его усердныя бдѣнія въ суассонскихъ церквахъ, у гробницъ мучениковъ и исповѣдниковъ, превратили народныя чувства и любопытство въ совершенный восторгъ. Все, что только принадлежало галло-римскому правленію, то-есть большинство жителей, пристало, прежде всякаго судебного розыска, къ сторонѣ турскаго епископа противъ его обвинителей, кто бы они ни были. Въ особенности простой народъ, менѣе осторожный и робкій передъ властями, давалъ полную свободу своимъ чувствамъ и всенародно выражалъ ихъ съ смѣлою горячностью. Между-тѣмъ, въ ожиданіи прибытія членовъ собора и открытія преній, судебное изслѣдованіе, основанное на свидѣтельствѣ одного только лица, все еще продолжалось. Подъ-діаконъ Риккульфъ, не переставалъ дѣлать новыя показанія въ подтвержденіе первыхъ и умножалъ клеветы на Григорія и его друзей, его часто водили изъ темницы въ королевскій дворецъ, гдѣ снимался допросъ съ таинственностью, наблюдаемою въ дѣлахъ самыхъ важныхъ⁷⁷. Въпродолженіе этого перехода и на возвратномъ пути, толпа ремесленниковъ, бросивъ свои мастерскія, собиралась на дорогѣ и преслѣдовала Риккульфа ропотомъ, который едва сдерживался грознымъ видомъ франкскихъ вассаловъ, его провожавшихъ.

Однажды, когда онъ возвращался, съ торжественнымъ и самодовольнымъ видомъ, одинъ плотникъ, по имени Модестъ, сказалъ ему: — «Несчастный! что замышляешь ты съ такою злобой противъ своего епископа? лучше бы просиль у него прощенія и старался заслужить его

помилованіе⁷⁸». При этихъ словахъ, Риккульфъ, указавъ рукою на произнесшаго ихъ человекъ, сказалъ на германскомъ языкѣ своей стражѣ, не вполнѣ понявшей восклицанія Римлянина или не обратившей на него вниманія: «Вотъ одинъ изъ тѣхъ, которые совѣтуютъ мнѣ молчать, чтобы я не помогъ открыть истину; вотъ врагъ королевы, который хочетъ помѣшать допросу тѣхъ, кто ее обвиняетъ⁷⁹». Римскій ремесленникъ былъ схваченъ въ толпѣ и уведенъ воинами, которые тотчасъ донесли королевѣ Фредегондѣ о происшедшемъ и спрашивали, какъ поступить съ этимъ человекомъ.

Фредегонда, можетъ-быть раздосадованная ежедневно доходившими до нея извѣстіями обо всемъ, что говорилось въ городѣ, обнаружила нетерпѣніе, заставившее ее выказать свой характеръ и уклониться отъ умѣренности, которую она до того времени соблюдала. По ея повелѣнію, несчастный мастеровой наказанъ былъ плетьюми, потомъ подвергнутъ другимъ истязаніямъ и наконецъ посаженъ въ темницу, закованный по ногамъ и рукамъ⁸⁰. Модестъ былъ изъ числа людей, въ то время не рѣдкихъ, которые съ безграничною вѣрой соединяли восторженное воображеніе; убѣжденный въ томъ, что страдаетъ за правое дѣло, онъ ни минуты ни сомнѣвался, что небесное всемогущество освободитъ его. Около полуночи, два воина, стерегшіе его, уснули, и онъ тотчасъ же съ величайшимъ усердіемъ началъ молить Бога о ниспосланіи къ нему, въ его несчастіи, святыхъ епископовъ Мартина и Медара⁸¹. За молитвою его послѣдовало одно изъ тѣхъ странныхъ, но дѣйствительныхъ явленій, которая наука нашихъ дней тщетно пыталась истолковать, приписывая ихъ дѣйствию восторженнаго состоянія. Можетъ-быть,

полное убѣжденіе въ томъ, что молитва его услышана, доставила плѣннику необыкновенное приращеніе силы и ловкости и какъ-бы новое чувство, болѣе тонкое и могущественное, нежели другія; можетъ-быть, освобожденіе его было слѣдствіемъ только счастливаго случая; но, по сказанію очевидца, онъ успѣлъ разорвать оковы, отворить двери и скрыться. — Епископъ Григорій, проводившій эту ночь въ бдѣніи въ базиликѣ св. Медара, увидѣлъ, къ великому своему удивленію, Модеста, вошедшаго и просившаго со слезами его благословенія⁸².

Слухъ объ этомъ происшествіи, переходя изъ устъ въ уста, еще болѣе усилилъ волненіе умовъ въ Суассонѣ. Какъ ни было унижено, въ общественномъ порядкѣ того времени, сословіе людей римскаго происхожденія, однако въ негодованіи цѣлаго города, громко выражавшемся противъ гоненія, замышленнаго на турскаго епископа, заключалось нѣчто такое, что должно было въ высшей степени досаждать его противникамъ и даже дѣйствовать въ его пользу на умы судей. Для отклоненія членовъ собора отъ этого вліянія, а можетъ-быть и для того, чтобы самому удалиться отъ зрѣлища непріятной для него популярности Григорія Гильперикъ рѣшилъ, что соборъ епископовъ и судъ будутъ переведены въ бренское королевское помѣстье. Онъ отправился туда съ своимъ семействомъ, въ сопровожденіи всѣхъ епископовъ, уже съѣхавшихся въ Суассонъ. Такъ какъ тамъ не имѣлось церкви, а были только домашнія молельни, то члены собора получили приказаніе засѣдать въ одномъ изъ домовъ, можетъ-быть, въ большомъ деревянномъ строеніи, которое дважды въ году, когда король находился въ Брени, служило мѣстомъ

народнаго собранія вождей, и свободныхъ людей франкскаго племени⁸³.

Первое событіе, ознаменовавшее открытіе собора, было литературное, а именно присылка длиннаго стихотворенія, написаннаго Венанціемъ Фортунатомъ и посвященнаго въ одно и то же время королю Гильперіку и всѣмъ епископамъ, собраннымъ въ Брени⁸⁴. Необыкновенное положеніе, которое умомъ своимъ и умѣньемъ уживаться создалъ себѣ этотъ Итальянецъ, послѣдній стихотворецъ высшаго галло-римскаго общества, требуетъ отступленія отъ разсказа⁸⁵. Родясь въ окрестностяхъ Тревизы, воспитанный въ Равеннѣ, Фортунатъ прибылъ въ Галлію на поклоненіе гробницѣ св. Мартина; но какъ это странствованіе доставляло ему разнаго рода удовольствія, то онъ и не торопился его окончить⁸⁶. Сходивъ на богомольевъ Туръ, онъ продолжалъ странствовать изъ города въ городъ, встрѣчая всюду радушный и почетный пріемъ со стороны богатыхъ и знатныхъ людей которые любили еще блеснуть вѣжливостью и изяществомъ въ обхожденіи⁸⁷. Онъ обходилъ Галлію отъ Майнца до Бордо, и отъ Тулузы до Кельна, посѣщая на пути своемъ епископовъ, графовъ, герцоговъ, то галльскаго, то римскаго происхожденія, и находилъ въ нихъ, побольшей-части, заботливыхъ хозяевъ, а иногда и настоящихъ друзей.

Тѣ, кого онъ оставлялъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ ихъ епископскомъ дворцѣ, загородномъ домѣ или укрѣпленномъ замкѣ, вели съ нимъ съ-тѣхъ-поръ постоянную переписку, и онъ отвѣчалъ на письма ихъ элегическими стихотвореніями или описывалъ воспоминанія и приключенія своего странствованія. Онъ разсказывалъ каждому о красотахъ

природы или памятникахъ своей родины; описывалъ живописныя мѣстности, рѣки, лѣса, воздѣланныя поля, богатство церквей, пріятность увеселительныхъ дворцовъ⁸⁸. Эти описанія иногда довольно-вѣрные, иногда неопредѣленные и напыщенные, были перемѣшаны съ привѣтствіями и лестью. Остроумный стихотворецъ славилъ въ франкскихъ владѣльцахъ ихъ добродушный видъ, гостепрѣимство, свободу изъясняться на латинскомъ языкѣ, а въ галло-римскихъ дворянахъ ихъ политическое искусство, тонкость ума, познанія въ дѣлахъ и въ правовѣдѣніи⁸⁹. Къ похваламъ благочестію епископовъ и усердію ихъ сооружать и освящать новые храмы, присоединялъ онъ похвалы правительственнымъ трудамъ ихъ на благоденствіе, украшеніе или безопасность городовъ. Одного превозносилъ за возстановленіе древнихъ зданій, преторіи, портика, баней; другаго — за отводъ теченія рѣки и прорытія оросительныхъ каналовъ; третьяго — за возведеніе цитадели, снабженной башнями и военными снарядами⁹⁰. Надо признаться, что все это было отмѣчено признаками чрезвычайнаго упадка литературы, написано слогомъ небрежнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изысканнымъ, наполнено неправильностями, ошибками и пустою игрою словъ; но, за исключеніемъ всего этого, любопытно слѣдить, какъ появленіе Фортуната въ Галліи пробуждало въ ней послѣдній лучъ умственной жизни и какъ этотъ чужестранецъ дѣлался общою связью между тѣми, которые въ мірѣ, склонявшемся къ варварству, одиноко сохраняли любовь къ словесности и умственнымъ наслажденіямъ⁹¹. Изъ всѣхъ дружественныхъ связей Фортуната, самую пылкою и продолжительною была дружба его съ женщиной, Радегондой, одною изъ супругъ короля Клотера I-го, заключившеюся тогда въ монастырь,

который она сама основала въ городѣ Пуатье и гдѣ постриглась какъ простая инокиня.

Въ 529 году Клотерь, нейстрійскій король, соединился съ братомъ своимъ Теодерикомъ, шедшимъ войною на Торинговъ или Тюринговъ, народъ, бывший въ саксонскомъ союзѣ, — сосѣдній и враждебный австразійскимъ Франкамъ⁹². Тюринги были разбиты въ нѣсколькихъ битвахъ, храбрѣйшіе изъ воиновъ ихъ пали на берегахъ Унструдта⁹³; страна ихъ, опустошенная огнемъ и мечомъ, сдѣлалась данницею Франковъ, и побѣдоносные короли по-ровну раздѣлили между собой добычу и плѣнниковъ⁹⁴. На долю нейстрійскаго короля достались двое дѣтей королевскаго рода, сынъ и дочь Бертера, предпоследняго короля Тюринговъ. Дѣвочкѣ (это и была Радегонда) едва было восемь лѣтъ отъ роду; но ранняя красота ея и пріятность сдѣлали такое впечатлѣніе на чувственную душу франкскаго владыки, что онъ рѣшился воспитывать ее по своему и взять со временемъ себѣ въ супруги⁹⁵.

Радегонду тщательно берегли въ одномъ изъ королевскихъ теремовъ, въ помѣстьѣ Атьѣ, на рѣкѣ Соммѣ. Тамъ, по похвальной причудѣ своего властелина и будущаго супруга, она получила не простое воспитаніе дѣвушекъ германскаго племени, умѣвшихъ только прясть, да скакать верхомъ на охотѣ, но утонченное образованіе богатыхъ женщинъ Галліи. Къ изящнымъ рукодѣліямъ образованной женщины присоединено было изученіе римской словесности, чтеніе свѣтскихъ поэтовъ и духовныхъ писателей⁹⁶. Былъ ли умъ ея отъ природы доступенъ всѣмъ нѣжнымъ впѣчатленіямъ, или раззореніе ея родины, гибель семейства и зрѣлище варваской жизни, которой она была свидѣтельницею, поселили въ ней грусть и

отвращеніе, только она полюбила книги, какъ-будто онѣ открывали передъ нею духовный міръ лучше того, который окружалъ ее⁹⁷. Читая Писаніе и житія святыхъ, она плакала и желала быть мученицей; вѣроятно, другія чтенія ея сопровождались иными, не столь мрачными мечтами о спокойствіи и свободѣ. Но вскорѣ въ ней восторжествовалъ набожный энтузіазмъ, поглощавшій тогда все, что только было благороднаго и возвышеннаго между человѣческими дарованіями; и эта юная варварка, пристрастясь къ понятіямъ и нравамъ образованности, усвоила ихъ въ самомъ чистѣйшемъ ихъ проявленіи — въ жизни христіанской⁹⁸.

Отвращая все болѣе и болѣе мысли свои отъ людей и дѣлъ того жестокаго и грубаго вѣка, она съ ужасомъ видѣла приближеніе своего совершеннѣтія и минуты, когда должна была сдѣлаться супругою короля, у котораго находилась въ плѣну. Наконецъ, дано было приказаніе отвезть ее въ королевское мѣстопробываніе для совершенія брака; но увлеченная чувствомъ непреодолимаго отвращенія, она убѣжала; ее настигли, вернули, и обвѣнчанная противъ воли въ Суассонѣ, она сдѣлалась королевою, или лучше сказать, одною изъ королевъ нейстрійскихъ Франковъ; ибо Клотерь, вѣрный обычаямъ древней Германіи, не довольствовался одною супругой, хотя имѣлъ также и наложницъ⁹⁹. Невыразимое отвращеніе, котораго въ такой душѣ, какую имѣла Радегонда, не могла ослабить прелесть богатства и власти, было послѣдствіемъ этого насильственнаго союза короля варваровъ съ женщиной, невозвратно удаленной отъ него нравственнымъ превосходствомъ, сообщеннымъ ей тѣмъ

воспитаніємъ которое самъ же онъ велѣлъ дать ей и желалъ въ ней найти.

Чтобъ уклониться, хотя отчасти, отъ обязанностей своего сана, тяготѣвшаго надъ нею словно цѣпи, Радегонда возлагала на себя другія оковы, повидимому, еще болѣе тяжкія. Она посвящала всѣ досуги свои благотворенію или христіанскимъ добродѣтелямъ; лично обрекла себя хожденію за больными. Королевскій домъ въ Атье, гдѣ она была воспитана и который получила въ брачный подарокъ, обращенъ былъ въ богадѣльню для убогихъ женщинъ. Однимъ изъ увеселеній ея было пріѣзжать туда не для простаго посѣщенія, но для исполненія, въ самыхъ тягостныхъ подробностяхъ, обязанности больничной сидѣлки¹⁰⁰. Праздники нейстрійскаго двора, шумные пиры, опасныя охоты, воинскія смотры и игры, общество грубыхъ и невѣжественныхъ вассаловъ, утомляли ее и наводили на нее скуку. Но если являлся какой либо епископъ или клеркъ, вѣжливый и начитанный, человѣкъ миролюбивый и кроткій въ бесѣдѣ, то она тотчасъ оставляла для него всякое другое общество, проводила съ нимъ долгіе часы и когда наставало время отъѣзда, щедро одаряла его въ знакъ воспоминанія, много разъ съ нимъ прощалась и потомъ снова предавалась скукѣ¹⁰¹.

Она всегда медлила явиться къ обѣду, за который должна была садиться вмѣстѣ съ мужемъ, то по забывчивости, то съ намѣреніемъ предаваясь между-темъ поучительному чтенію или благочестивымъ занятіямъ. Ее надо было звать по нѣскольку разъ и король, наскучивъ ожиданіемъ, часто съ нею ссорился, не успѣвая однако сдѣлать ее ни торопливѣе, ни исправнѣе¹⁰². Ночью она вставала отъ него подъ какимъ либо предлогомъ, уходила спать на землѣ, на

простой рогожѣ или власяницѣ, и возвращалась на супружеское ложе, окоченѣвъ отъ холода, соединяя страннымъ образомъ христіанскія истязанія плоти въ неодолимымъ отвращеніемъ, которое чувствовала къ мужу¹⁰³. Однако такіе знаки отвращенія не охлаждали любви нейстрійскаго короля: Клотерь былъ человекъ не очень щекотливый въ этомъ отношеніи; онъ желалъ только обладать женщиной, которой красота нравилась ему, и нисколько не заботился о ея душевныхъ страданіяхъ. Отвращеніе Радегонды ему досаждало, не причиняя истинной скорби, а въ домашнихъ ссорахъ онъ только говаривалъ съ сердцемъ: «Это монахиня у меня, а не королева¹⁰⁴».

И дѣйствительно, этой душѣ, для которой были порваны всѣ узы, связывавшія ее съ міромъ, оставалось только одно прибѣжище — жизнь монастырская. Радегонда стремилась къ ней всѣми мыслями, но препятствія были велики, и протекло шесть лѣтъ, пока она рѣшилась побороть ихъ. Новое семейное несчастье придало ей на то силы. Братъ ея, выросшій при нейстрійскомъ дворѣ заложникомъ тюрингскаго народа, былъ умерщвленъ по повелѣнію короля, можетъ-быть за какія нибудь патріотическія жалобы или легкомысленныя угрозы¹⁰⁵. Лишь-только эта страшная вѣсть дошла до королевы, какъ рѣшеніе было принято, но она тщательно скрывала его. Стараясь отыскать человекъ, способнаго освободить ее, она отправилась въ Нойонъ, подъ предлогомъ искать духовнаго утѣшенія, къ епископу Медару, сыну Франка и Римлянки, лицу, знаменитому тогда во всей Галліи по своей святости¹⁰⁶. Клотерь, ровно ничего не подозрѣвалъ въ этомъ благочестивомъ поступкѣ и не только не

противился, но даже самъ приказалъ королевѣ уѣхать, потому-что слезы ея ему надоѣли и онъ желалъ скорѣе видѣть ее болѣе спокойною и менѣе мрачною¹⁰⁷.

Радегонда нашла нойонскаго епископа въ церкви; онъ священнодѣйствовалъ у алтаря. Когда она подошла къ нему, то волновавшія ея чувства, которыя она до того времени удерживала, внезапно излились, и первыми словами ея былъ вопль отчаянія: «Пресвятой пастырѣ, я хоу покинуть міръ и надѣть монашеское платье! молю тебя, пресвятой пастырѣ, посвяти меня Господу¹⁰⁸». Не смотря на свое религіозное безстрашіе и ревность къ обращенію, епископъ, удивленный такою неожиданной просьбой, колебался и просилъ срока на размышленіе. Ему, дѣйствительно, предстояло опасное дѣло — расторгнуть королевскій бракъ, заключенный по салійскому закону и германскимъ обычаямъ, которыхъ хотя и гнушалась церковь, однако терпѣла еще изъ боязни вовсе отчудить отъ себя умы варваровъ¹⁰⁹.

Сверхъ того, къ этой внутренней борьбѣ святаго Медара бежду благоразуміемъ и усердіемъ присоединилась борьба другаго рода. Франкскіе владѣтели и воины, сопровождавшіе королеву, окруживъ его, закричали ему съ грозными движеніями: «Не смѣй постригать женщину, соединенную съ королемъ! берегись похищать у государя королеву, торжественно съ нимъ сочетавшуюся». Самые свирѣпые, наложивъ на него руки, насильно совлекли его со ступеней престола на средину церкви, между-тѣмъ какъ королева, испуганная смятеніемъ, укрылась съ своими женщинами въ ризницѣ¹¹⁰! Тамъ, собравшись съ духомъ и не предаваясь отчаянію, она придумала средство, въ которомъ столько же видна женская хитрость, сколько и

твердость воли. Дабы сильнѣе искутить и подвергнуть болѣе трудному испытанію религіозную ревность епископа, она накинула на свою королевскую одежду платье затворницы и, переодѣтая такимъ образомъ, пошла въ алтарь, гдѣ сидѣлъ святой Медарь, печальный, задумчивый и въ нерѣшимости¹¹¹. — «Если ты медлишь постричь меня» — сказала она ему твердымъ голосомъ: «и болѣе боишься людей, нежели Бога, то отвѣтишь за то, и Пастырь спроситъ у тебя душу овцы своей¹¹²». Это неожиданное зрѣлище и таинственныя слова поразили воображеніе престарѣлаго епископа и внезапно оживили въ немъ ослабѣвшую волю. Ставя свою пастырскую совѣсть выше человѣческихъ страховъ и политической осторожности, онъ пересталъ колебаться, и собственною властію расторгъ супружество Радегонды, посвятивъ ее, возлаженіемъ рукъ, въ діакониссы¹¹³. Франкскіе владѣтели и вассалы также были увлечены и не смѣли силою вернуть въ королевское мѣстопробываніе ту, которая отнынѣ имѣла въ глазахъ ихъ двойную святость, какъ королева, и какъ женщина, посвятившая себя Богу.

Первою мыслию вновь обращенной (такъ называли тогда тѣхъ, кто отрекался отъ міра) было сложеніе съ себя всего, что на ней было дорогого. Она сложила на престоль свой головной уборъ, запястья, застежки изъ драгоцѣнныхъ камней, бахраму одежды, вытканную изъ золотыхъ нитей съ пурпуромъ; собственноручно сломала богатый поясъ изъ цѣльнаго золота, говоря: «Отдаю его на бѣдныхъ¹¹⁴»; послѣ того рѣшилась укрыться отъ опасности поспѣшнымъ бѣгствомъ. Свободная въ выборѣ пути, она направилась на югъ, удаляясь для болѣе безопасности отъ средоточія франкскихъ владѣній, или, можетъ-быть, побуждаемая

влеченіемъ къ тѣмъ странамъ Галліи, гдѣ варварство произвело менѣе опустошеній; она достигла Орлеана и спустилась внизъ по Луарѣ до Тура. Тамъ, подъ защитою многочисленныхъ убѣжищъ, устроенныхъ при гробѣ св. Мартина, она остановилась въ ожиданіи, на что рѣшится супругъ ея, котораго она покинула¹¹⁵. Она вела такимъ образомъ нѣсколько времени безпокойную и тревожную жизнь изгнанниковъ, скрывающихся подъ сѣнію базиликъ, опасаясь быть схваченною при малѣйшемъ шагѣ внѣ спасительной ограды, посылая къ королю письма, то гордя, то смиренныя, уговаривая его, черезъ посредство епископовъ, отказаться отъ желанія снова ее видѣть и позволить ей исполнить ея монашескія обѣты.

Сначала Клотерь не слушалъ ни просьбъ, ни требованій, предъявлялъ свои супружескія права, ссылаясь на законы предковъ, и грозился лично пойдти схватить и возвратить бѣглицу. Когда народные слухи или письма друзей сообщали Радегондѣ подобныя извѣстія, тогда, объята страхомъ, она подвергала себя усиленнымъ строгостямъ, посту, бдѣніямъ, носила власяницу, въ надеждѣ сподобиться небеснаго заступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить прелесть свою въ глазахъ человѣка, преслѣдовавшаго ее любовью¹¹⁶. Чтобъ увеличить разлѣявшее ихъ разстояніе, она переѣхала изъ Тура въ Пуатье, изъ пріюта св. Мартина подъ покровительство не менѣе чтимаго св. Иларія. Однако король не терялъ бодрости и однажды прибылъ уже въ Туръ, подъ ложнымъ предлогомъ богомолья; но сильныя представленія святаго Жерменя, знаменитаго парижскаго епископа, остановили дальнѣйшій путь его¹¹⁷. Опутанный, если можно такъ выразиться, этимъ нравственнымъ могуществомъ, передъ

которымъ склонялась бурная воля варварскихъ королевъ, онъ согласился, утомленный борьбою, на то, чтобы дочь королевъ тюрингскихъ основала въ Пуатье женскій монастырь по примѣру, поданному въ Арлѣ знатною галло-римскою матроной, по имени Цезаріею, сестрою епископа Цезарія или святаго Кесарія¹¹⁸.

Все, что Радегонда получила отъ своего мужа, по германскому обычаю, въ приданое и утренній даръ, все посвятила она на учрежденіе духовнаго общества, которое должно было заменить для нея семейство, истребленное побѣдами и подозрительнымъ тиранствомъ завоевателей ея родины. На принадлежавшей ей землѣ у воротъ города Пуатье она повелѣла заложить основаніе новаго монастыря, убѣжища, отверзтаго для тѣхъ, которыя желали укрыться въ уединеніи отъ обольщеній міра или насильствій варварства. Не смотря на старанія королевы и содѣйствіе пуатьескаго епископа Піенція (Pientius), прошло много лѣтъ, пока не были окончены зданія¹¹⁹. То была римская вилла со всѣми угодыями, садами, портиками, банями и церковью. Для символическаго ли значенія, или на случай вещественной безопасности отъ насилій того времени, строитель придалъ воинственный видъ наружной оградѣ этой мирной женской обители. Стѣны ея, подобно крѣпостнымъ, были высоки и толсты, а на главномъ фасадѣ возвышалось нѣсколько башень¹²⁰. Эти приготовленія, немного странныя, дѣйствовали на воображеніе, и слухи объ успѣхахъ постройки далеко разносились въ народѣ, какъ великая новость. — «Смотрите», — говорили таинственнымъ языкомъ того времени: «вотъ создается у насъ ковчегъ противъ потопа страстей и мірскихъ волненій¹²¹».

День, когда все было готово и королева вступила въ это убѣжище, откуда, по данному ею обѣту, не должна была выходить во всю жизнь, былъ днемъ народнаго празнества. Городскія площади и улицы, по которымъ ей слѣдовало проходить, были наполнены несмѣтными толпами; кровли домовъ покрыты были зрителями, жажавшими увидѣть ее на пути или посмотрѣть какъ запрутся за нею монастырскія ворота¹²². Она шла пѣшкомъ, сопровождаемая множествомъ молодыхъ дѣвицъ, готовившихся раздѣлить ея заключеніе и привлеченныхъ къ ней славою ея христіанскихъ добродѣтелей, а можетъ-быть также и блескомъ ея сана. Онѣ были большею частію галльскаго происхожденія, дочери сенаторовъ¹²³, воспитанныя въ скромности и спокойствіи домашняго быта тѣмъ самымъ, лучше соотвѣтствовали требованіямъ материнской заботливости и благочестивымъ намѣреніямъ ихъ начальницы, чѣмъ бо женщины франкскаго племени вносившія даже въ монастырь нѣкоторыя изъ природныхъ пороковъ варварства. Усердіе послѣднихъ было пламенно, но кратковременно; не способныя соблюдать ни правилъ, ни умѣренности, онѣ мгновенно переходили отъ суровой строгости къ совершенному забвенію всякаго долга и подчиненности¹²⁴.

Эта уединенная и мирная жизнь, которой Радегонда такъ давно жаждала, наступила для нея въ концѣ 550 года. Согласно съ мечтами ея, жизнь эта была какимъ-то соединеніемъ монастырской строгости и изнѣженной утонченности образованнаго общества. Словесность занимала первое мѣсто между упражненіями, возложенными на братство; ей должно было посвятить по два часа ежедневно, а остальное время предоставлялось

набожнымъ занятіямъ, чтенію священныхъ книгъ и женскимъ рукодѣльямъ. Одна изъ сестеръ читала вслухъ, пока остальные работали, а самыя свѣдуція, вмѣсто того, чтобы прѣсть, шить или вышивать узоры, занимались въ другомъ покоѣ переписываніемъ книгъ для умноженія ихъ копій¹²⁵. Строгія во многихъ отношеніяхъ правила, какъ на примѣръ — воздержаніе отъ вина и мяса, допускали однако нѣкоторыя удобства и даже удовольствія свѣтской жизни; были дозволены частыя омовенія теплой водою въ просторныхъ купальняхъ, разнаго рода забавы и между прочимъ игра въ кости¹²⁶. Основательница и главнѣйшія изъ монахинь принимали у себя не только епископовъ и духовныхъ, но даже и знатныхъ свѣтскихъ особъ. Нерѣдко устраивался роскошный столъ для гостей и посѣтителей; ихъ угощали вкусными закусками, а иногда и настоящимъ пиромъ, за которымъ, изъ вѣжливости, подчивала сама королева, не принимая однако въ немъ участія¹²⁷. Эта потребность общежитія влекла за собою въ монастырѣ собранія инаго рода: въ немъ, въ разныя времена, разыгрывались драматическія сцены, въ которыхъ принимали участіе, въ блестящихъ одеждахъ, постороннія дѣвицы и, безъ сомненія, также и монастырскія послушницы¹²⁸.

Таковъ былъ порядокъ, который учредила Радегонда въ своей пуатьской обители, соединяя личныя свои склонности съ преданіями, сохранившимися болѣе полувѣка въ знаменитомъ монастырѣ арльскомъ. Устроивши все такимъ образомъ и давъ первое движеніе, она отказалась, по христіанскому ли смиренію, или изъ политическихъ видовъ, отъ всякой оффиціальной власти, приказала избрать цѣлымъ обществомъ игуменью, на

которую однако же сама указала, и подчинилась, вмѣстѣ съ другими сестрами, ея безусловной волѣ. Она возвела въ этотъ санъ преданную себѣ женщину, гораздо моложе себя лѣтами, по имени Агнесу, дѣвицу галльскаго происхожденія, которую полюбила еще ребенкомъ¹²⁹. Добровольно снизойдя въ званіе простой инокини, Радегонда стряпала въ свою очередную недѣлю на кухнѣ, мела домъ, носила дрова и воду наравнѣ съ другими; но, не смотря на это наружное равенство, она оставалась въ монастырѣ царицею, по обоянію своего королевскаго происхожденія, по титулу основательницы, превосходству ума, свѣдѣній и доброты сердца¹³⁰. Она поддерживала монастырскій уставъ или измѣняла его по своему усмотрѣнію; она укрѣпляла колебавшіяся души ежедневными увѣщаніями, изъясняла и толковала юнымъ подругамъ своимъ текстъ Священнаго Писанія, соединяя эти важныя поученія съ ласковыми рѣчами, исполненными сердечной кротости и нѣжности, совершенно женственной: «Вы избранныя мною дочери мои; вы, юныя растенія, предметъ заботъ моихъ, вы очи мои, вы жизнь моя, спокойствіе мое и все мое благополучіе¹³¹».

Уже болѣе пятнадцати лѣтъ пуатьскій монастырь привлекалъ на себя вниманіе христіанскаго міра, когда Венанцій Фортунатъ, въ своемъ богомольномъ и пріятномъ странствованіи по Галліи, посѣтилъ эту обитель, какъ самый примѣчательный предметъ, встрѣтившійся ему въ путешествіи. Онъ былъ принятъ съ лестнымъ отличіемъ; вниманіе, которое королева привыкла оказывать умнымъ и образованнымъ людямъ, было ему расточаемо, какъ самому знаменитому и любезному гостю. Она и игуменья осыпали его ласками, учтивостями и особенно похвалами.

Такое поклоненіе, повторяемое всякій день въ различныхъ видахъ и, такъ сказать, вливаемое въ уши стихотворца двумя женщинами, изъ которыхъ одна была старше, а другая моложе его, новизной своего обаянія, удержало его въ монастырѣ гораздо долѣе, нежели онъ предполагалъ¹³². Шли недѣли, мѣсяцы; минули всѣ отстрочки, и когда путникъ напоминалъ объ отправленіи своемъ въ дорогу, Радегонда говорила ему: «Къ чему уѣзжать? Зачѣмъ не остаться съ нами»? Это дружеское желаніе было для Фортуната какъ-бы приговоромъ судьбы; онъ пересталъ думать о возвращеніи за Альпы, поселился въ Пуатье, поступилъ тамъ въ духовное званіе и сдѣлался священникомъ архіепископской церкви¹³³.

Облегченныя этою перемѣной состоянія, сношенія его съ обѣими подругами, которыхъ онъ называлъ матерью и сестрою, сдѣлались чаще и короче¹³⁴. — Къ необходимости подчиниться мужчинѣ, которую обыкновенно чувствуютъ женщины, присоединились для основательницы и игуменьи пуатьескаго монастыря трудныя обстоятельства, требовашія содѣйствія мужскаго вниманія и твердости. Монастырю принадлежали большія имѣнія, которыми не только надо было управлять, но и охранять съ постоянною бдительностію отъ тайныхъ козней или явныхъ разбоевъ и вооруженныхъ вторженій. Этого можно было достигнуть только съ помощію королевскихъ грамматъ, епископскихъ угрозъ отлучить отъ церкви и, безпрестанныхъ переговоровъ съ герцогами, графами и судьями, не очень расположенными поступать по долгу, но дѣйствовавшими болѣе изъ собственныхъ выгодъ или частной пріязни. Заботы эти требовали искусства и дѣятельности, частыхъ поѣздокъ, представленій къ королевскимъ дворамъ,

умѣнья польстить сильнымъ и обходиться съ людьми всякаго рода. Fortunatъ съ полнымъ успѣхомъ и крайнимъ усердіемъ употреблялъ на это все свое знаніе свѣта и всѣ средства своего ума; онъ сдѣлался совѣтникомъ, повѣреннымъ, посломъ, управителемъ, письмоводцемъ королевы и игуменья¹³⁵. Его вліяніе, неограниченное въ дѣлахъ внѣшнихъ, не менѣе важно было во внутреннемъ порядкѣ и въ домашнемъ благоустройствѣ; онъ былъ посредникомъ въ маленькихъ ссорахъ, смирителемъ соперническихъ страстей и женской вспыльчивости. Смягченія уставовъ, милости, увольненія, особенныя яства выпрашивались чрезъ его посредство и по его ходатайству¹³⁶. Онъ даже, до нѣкоторой степени, руководилъ совѣстью, и его мнѣнія, иногда изложенныя стихами, всегда клонились къ послабленію строгостей¹³⁷.

Впрочемъ Fortunatъ съ большою гибкостью ума соединялъ также и не малую легкость нравовъ. Христіанинъ болѣе по воображенію, какими нерѣдко считали Итальянцевъ, онъ былъ безукоризненно православенъ, но въ житейскихъ дѣлахъ имѣлъ изнѣженныя и чувственныя привычки. Онъ неумѣренно предавался обѣденнымъ наслажденіямъ и на пирахъ своихъ богатыхъ покровителей, Римлянъ и варваровъ, не только бывалъ всегда веселымъ собесѣдникомъ, охотникомъ выпить и вдохновеннымъ пѣвцомъ, но, въ подражаніе временамъ римской имперіи, ему случалось даже и одному обѣдывать въ нѣсколько перемѣнъ¹³⁸. Радегонда и Агнеса, искусныя, какъ и всѣ женщины, въ умѣньи удержать и привязать къ себѣ друга слабостями его характера, соперничали между собою въ угожденіи этой грубой наклонности стихотворца такъ же точно, какъ льстили болѣе благородной его слабости —

тщеславію литератора. Онъ ежедневно посылали въ жилище Фортуната наилучшія блюда своего стола¹³⁹ и, не довольствуясь этимъ, готовили для него, со всевозможною изысканностію, такія кушанья, употребленіе которыхъ воспрещалось имъ по уставу. То были разнаго рода мяса, съ различными приправами, и овощи, облитыя сокомъ или медомъ, приносимыя въ серебряныхъ, яшмовыхъ или хрустальныхъ сосудахъ¹⁴⁰. Иногда приглашали его обѣдать въ монастырѣ и тогда не только подавали вкусныя яства, но и самое убранство столовой дышало чувственнымъ изяществомъ. Вазы душистыхъ цвѣтовъ развѣшены были по стѣнамъ и слой розовыхъ листочковъ покрывалъ столъ въ видѣ скатерти¹⁴¹. Для собесѣдника, не стѣсненнаго никакимъ обѣтомъ, лилось вино въ красивые кубки. Такія угощенія христіанскаго стихотворца двумя затворницами, умершими для міра, казалось, были подобіемъ вечернихъ пировъ Горація или Тибулла.

Три дѣйствующія лица этихъ странныхъ сценъ говорили другъ другу нѣжности, въ значеніи которыхъ, безъ сомнѣнія, обманулъ бы язычникъ. Имена матери и сестры соединялись, въ устахъ Итальянца, съ словами: «жизнь моя, свѣтъ мой, утѣха души моей», и все это въ сущности было только восторженною, но цѣломудренною дружбой, чѣмъ-то въ родѣ духовной любви¹⁴². Дружба съ игуменьею, имѣвшею при началѣ этого знакомства не болѣе тридцати лѣтъ, казалась подозрительною, и сдѣлалась предметомъ лукавыхъ намековъ. Честь отца Фортуната этимъ оскорблялась; онъ принужденъ былъ защищаться и объявлять, что питалъ къ Агнесѣ только братскія чувства, любовь чисто разумную, привязанность совершенно небесную. Онъ исполнилъ это съ достоинствомъ, въ

стихахъ въ которыхъ призываетъ Христа и Пречистую Дѣву въ свидѣтели невинности своего сердца¹⁴³.

Этотъ веселый и вѣтреный челоуѣкъ, принявшій за правило наслаждаться настоящимъ и смотрѣвшій на жизнь только съ пріятной стороны, въ бесѣдахъ своихъ съ дочерью тюрингскихъ королей былъ повѣреннымъ ея душевныхъ страданій, грустныхъ воспоминаній, къ которымъ самъ не чувствовалъ себя способнымъ¹⁴⁴. Радегонда дожила до сѣдыхъ волосъ, не забывая впечатлѣній своего перваго дѣтства, и воспоминанія о прошлыхъ дняхъ, проведенныхъ на родинѣ, между своими, приходили ей на память въ пятьдесятъ лѣтъ съ тою живостью и горечью, какъ и во время ея плѣна. Она часто говаривала: «Я бѣдная похищенная женщина», описывала до малѣйшихъ подробностей сцены отчаянія, убійства и насилія, которыхъ была свидѣтельницею, а отчасти и жертвою¹⁴⁵. Послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія и не смотря на совершенную перемѣну вкусовъ и привычекъ, воспоминанія домашняго очага и прежнія семейныя привязанности были для нея предметомъ почитанія и страсти; это была единственная сохранившаяся въ ней черта германскихъ нравовъ и характера. Образъ ея родителей, убитыхъ или изгнанныхъ, постоянно былъ передъ нею, несмотря ни на новыя ея привязанности, ни на спокойную обстановку. Было нѣчто бѣшеное, пылкое, почти дикое въ душевныхъ ея порывахъ къ послѣднимъ отраслямъ ея рода, къ сыну ея дяди, спасшемуся въ Константинополь, къ родственникамъ, рожденнымъ въ изгнаніи, которыхъ она знала только по имени¹⁴⁶. Эта женщина, любившая на чужбинѣ только то, на чемъ лежалъ отпечатокъ христіанства и образованности, вносила въ

свои патріотическія сѣтованія оттѣнокъ дикой поэзіи, воспоминаніе народныхъ пѣсней, слышанныхъ ею въ деревянныхъ хоромахъ своихъ предковъ или въ родимыхъ лѣсахъ. Видимые, хотя конечно ослабленные, слѣды этого встѣчаются, мѣстами, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, гдѣ итальянскій поэтъ, говоря отъ имени королевы варваровъ, старается передать грустныя думы ея въ томъ видѣ, какъ самъ ихъ слышалъ:

«Я видѣла женщинъ, влекомыхъ на рабство, съ связанными руками и распущенными косами; одна шла босикомъ по крови своего мужа, другая наступала на тѣло своего брата¹⁴⁷. — У всякаго было о чемъ лить слезы; а я плакала за всѣхъ. — Я оплакивала моихъ покойныхъ родителей и должна оплакивать также и тѣхъ, что остались живы. — Когда слезы мои изсякаютъ, тоска не молчитъ во мнѣ; — шумитъ ли вѣтеръ, я прислушиваюсь, не приноситъ ли мнѣ онъ вѣсти, но тѣмъ ближнихъ моихъ не является мнѣ¹⁴⁸. — Цѣлая бездна отдѣляетъ меня отъ тѣхъ, кого люблю больше всего на свѣтѣ. — Гдѣ находятся они? Спрашиваю о томъ у вѣтра свистящаго, спрашивая у облака проходящаго: хоть бы какая пташка подала мнѣ о нихъ вѣсточку¹⁴⁹. — Ахъ! еслибъ меня не держала святая монастырская ограда, поспѣшила-бъ я къ нимъ, когда бы они и не ждали меня. Сѣла-бы на корабль въ непогоду; съ весельемъ поплыла бы въ бурю. Корабельщики дрожали бы, а я не знала бы страха. Еслибъ корабль разбился, подвязала бы я подъ себя доску и пустилась бы дальше; еслибъ не могла уловить никакого обломка, то устремилась бы къ нимъ вплавь¹⁵⁰».

Такова была жизнь Фортуната съ 567 года, — жизнь, въ которой не очень суровое благочестіе соединилось съ невозмущаемою дружбою, важными трудами и досугами,

полными пріятныхъ мелочей. Этотъ послѣдній и любопытный примѣръ попытки къ соединенію христіанской нравственности съ общественною утонченностью старой цивилизаціи, прошелъ бы незамѣченнымъ, если бы другъ Агнесы и Радегонды самъ не изобразилъ, въ своихъ стихотвореніяхъ, малѣйшихъ перемѣнъ быта, избраннаго имъ по глубокому влеченію къ благамъ жизни. Въ нихъ описана, почти со дня на день, исторія этого общества трехъ лицъ, связанныхъ между собою пламенною дружбой, вкусомъ къ изящному и потребностью умной и занимательной бесѣды. Тамъ есть стихи на всѣ маленькія событія, изъ которыхъ сплеталась эта жизнь тихая и однообразная: на горестъ разлуки, на скуку отсутствія и радость свиданія, на небольшіе подарки, полученные другъ отъ друга, на цвѣты, на плоды, на разныя лакомства, на ивовыя корзинки, которыя стихотворецъ плелъ собственноручно въ подарокъ обѣимъ своимъ подругамъ¹⁵¹. Есть стихи въ честь ужиновъ, дававшихся въ монастырѣ на три прибора и одушевленныхъ сладостною бесѣдой¹⁵²; и въ честь одинокихъ обѣдовъ, на которыхъ, наѣдаясь въ волю, Фортунатъ жаловался, что имѣлъ только одно удовольствіе и былъ лишень наслажденія зрѣніемъ и слухомъ¹⁵³. Наконецъ, есть стихи и на счастливые или печальные дни, приходившіе ежегодно, какъ на примѣръ: на день рожденія Агнесы и на первый день поста, въ который Радегонда, повинувшись вѣчному обѣту, затворялась въ свою келью и проводила тамъ великопостное время¹⁵⁴. «Гдѣ скрывается свѣтъ мой? Зачѣмъ таится онъ отъ моихъ взоровъ»? восклицалъ тогда стихотворецъ съ страстнымъ выраженіемъ, которое можно было бы почесть не совѣмъ благочестивымъ. Но когда наступалъ день Пасхи и конецъ этому продолжительному отсутствію, тогда, соединяя

нѣчто въ родѣ мадригала съ важными христіанскими размышленіями, онъ говорилъ Радегондѣ: «Ты уносила мою радость; нынѣ она возвратилась ко мнѣ съ тобою; ты заставляешь меня вдвойнѣ праздновать этотъ торжественный день¹⁵⁵».

Съ блаженствомъ спокойствія, исключительнаго въ то время, итальянскій выходецъ пользовался не меньшею знаменитостію и даже могъ ласкать себя вѣрою въ продолжительность этой умиравшей литературы, которой онъ былъ послѣднимъ и самымъ ничтожнымъ представителемъ. Варвары удивлялись ему и старались, какъ только умѣли, восхищаться его островами¹⁵⁶; самыя мелкія его сочиненія, записочки, написанныя безъ присѣста, пока дожидался ихъ податель, простыя двустишія, импровизированныя за обѣдомъ, переходили изъ рукъ въ руки, читались, переписывались, выучивались наизусть; его религіозныя поэмы и посланія въ стихахъ къ королямъ были предметомъ всеобщаго ожиданія¹⁵⁷. По прибытіи своемъ въ Галлію, онъ славилъ, языческимъ слогомъ бракъ Сигберта и Брунегильды, и въ христіанскомъ духѣ обращеніе Брунегильды изъ аріанской ереси въ православіе¹⁵⁸. Военственный характеръ Сигберта, побѣдителя зарейнскихъ народовъ, послужилъ первою темою его стихотворной лести; потомъ, поселясь въ Пуатье, въ королевствѣ Гариберта, онъ пѣлъ, въ честь этого государя, хвалы королю миролюбивому¹⁵⁹. По смерти Гариберта въ 567 году, ненадежное состояніе города Пуатье, безпрестанно переходившаго то въ руки австразійскаго короля, то въ руки нейстрійскаго, заставило стихотворца хранить долгое время благоразумное молчаніе; языкъ его развязался только тогда, когда, по

мнѣнію его, городъ этотъ окончательно покорился власти короля Гильперика. Тогда онъ посвятилъ этому королю, въ элегическихъ стихахъ, свой первый панегирикъ, то самое сочиненіе, о которомъ говорено было выше и присылка котораго на бренскій соборъ послужила поводомъ къ этому длинному эпизоду.

Фортунатъ довольно ловко воспользовался случаемъ соборнаго съѣзда для своихъ литературныхъ успѣховъ, ибо собравшіеся въ Брени епископы составляли цвѣтъ тогдашнихъ ученыхъ и мыслителей Галліи: настоящую академію. Впрочемъ, посвящая имъ свое стихотвореніе, онъ остерегся отъ малѣйшаго намека на щекотливый вопросъ, предстоявшій ихъ обсужденію. Ни слова о тяжкомъ испытаніи, которому долженъ былъ подвергнуться Григорій Турскій, первый, кому онъ довѣрялъ свои литературныя произведенія, другъ его и покровитель¹⁶⁰. Въ этомъ стихотвореніи, состоящемъ изъ ста-пяти-десяти стихомъ, ничто не напоминаетъ этого обстоятельства; въ немъ нѣтъ и тѣни мѣстнаго колорита или мѣткой характеристики личностей. Въ немъ встрѣчаются только красивыя выраженія, общія всѣмъ мѣстамъ и временамъ: собраніе почтенныхъ прелатовъ; король — образецъ правосудія, просвѣщенія и мужества; королева, чудная своими добродѣтелями, красотой и благостію; вымышленные образы, чистыя отвлеченности, столь же далекія отъ настоящей дѣйствительности, какъ и политическое положеніе Галліи отъ мирной обители пуатьескаго монастыря¹⁶¹.

Когда епископы, с ложнымъ возрѣніемъ и снисходительнымъ вкусомъ временъ литературнаго упадка, надивились стихотворнымъ трудностямъ,

преувеличеніямъ и тонкостямъ панегириста, то должны были возвратиться отъ вымысловъ искусственнаго идеала къ впечатлѣніямъ дѣйствительной жизни. Послѣдовало открытіе собора и всѣ судьи възсѣли на скамьяхъ, поставленныхъ кругомъ присутственной залы. Какъ при сужденіи Претекстата, вассалы и франкскіе воины толпою тѣснились у дверей, но совершенно съ другимъ расположеніемъ къ обвиняемому¹⁶². Вмѣсто того, чтобы при видѣ его дрожать отъ нетерпѣнія и гнѣва, они обнаруживали къ нему только почтеніе и даже раздѣляли восторженное къ нему участіе галло-римскаго населенія. — Король Гильперикъ держалъ себя съ натянутою важностью, не совсѣмъ въ немъ обыкновенною. Казалось, что онъ или боялся встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ противникомъ, котораго самъ вызвалъ, или чувствовалъ смущеніе при мысли о соблазнѣ всенароднаго слѣдствія надъ поведеніемъ королевы.

Войдя въ залу, онъ привѣтствовалъ членовъ собора и, принявъ отъ нихъ благословеніе, сѣлъ¹⁶³. Тогда Бертранъ, епископъ бордосскій, слывшій за участника въ прелюбодѣніяхъ Фредегонды, началъ говорить, какъ истецъ; онъ изложилъ обвинительные факты и, обратившись къ Григорію, требовалъ объясненія, справедливо ли, что онъ взводилъ такіе поклепы на него и на королеву¹⁶⁴. — «По истинѣ, я ничего этого не говорилъ», — отвѣчалъ турскій епископъ. — «Но», немедленно возразилъ Бертранъ съ живостію, которая могла показаться подозрительною: «эти дурные слухи ходили; ты сколько нибудь долженъ о томъ знать?» Обвиняемый отвѣчалъ спокойно: «Другіе говорили это; я могъ слышать, но самъ никогда тому не вѣрилъ¹⁶⁵.»

Легкій шепоть одобренія, разнесшійся при этихъ словахъ по собранію, выразился за дверями топотомъ и кликами. Не смотря на присутствіе короля, франкскіе вассалы, чуждые понятія, которое составили Римляне о величіи особы государя и священной важности судебного засѣданія, внезапно вмѣшались въ пренія съ восклицаніями, отличавшимися рѣзкой свободой выраженія. «Зачѣмъ возводитъ такія вещи на служителя Божія? — Съ чего король занимается этимъ дѣломъ? — Развѣ епископъ способенъ говорить такія слова хоть бы на счетъ раба? — Ахъ, Господи Боже! помоги служителю Своему¹⁶⁶». При этихъ крикахъ неудовольствія, король всталъ, но безъ гнѣва, какъ-бы искони привычный къ грубой откровенности своихъ литовъ. Вызвысивъ голосъ такъ, чтобы толпа находившаяся снаружи слушала его оправданіе, онъ сказалъ собранію: «Клевета, направленная на мою жену, — личное мнѣ оскорбленіе; я долженъ былъ вступиться. Если вы считаете нужнымъ имѣть свидѣтелей вины епископа, — они здѣсь; но если думаете, что этому быть не слѣдуетъ, то говорите, я охотно исполню то, что вы положите¹⁶⁷».

Епископы, обрадованные и нѣсколько удивленные такой умѣренностью и покорностью короля Гильперика, тотчасъ же дозволили ему ввести свидѣтелей, о присутствіи которыхъ онъ объявилъ; но онъ могъ предъявить только одного подъ-діакона Рикульфа¹⁶⁸. Платонъ и Галліенъ предложили утверждать, что имъ объявлять нечего. Что касается до Левдаста, то, пользуясь своей свободой и безпорядкомъ, господствовавшимъ при веденіи этого судебного дѣла, онъ не только не явился въ засѣданіе, но даже имѣлъ предосторожность удалиться отъ мѣста

прений. Рикульфъ, дерзкій до конца, счель обязанностью говорить; но члены собора остановили его, закричавъ съ разныхъ сторонъ: «Церковнику нисшаго чина нельзя вѣрить въ показанія на епископа¹⁶⁹». Такимъ образомъ, за недостаткомъ засвидѣтельствованныхъ показаній, оставалось только вѣрить слову и клятвѣ обвиняемаго; король, вѣрный своему обѣщанію, не противился, но придрался къ формѣ. По причудѣ ли воображенія, или по неяснымъ воспоминаніямъ какихъ-либо старыхъ германскихъ порядковъ, пришедшихъ ему на память съ примѣсю христіанскихъ обрядовъ, онъ пожелалъ, чтобъ оправданіе епископа Григорія сопровождалось странными формальностями, похожими на заклинаніе колдуновъ. Онъ требовалъ, чтобъ епископъ отслужилъ три обѣдни сряду на трехъ различныхъ престолахъ, и по окончаніи каждой обѣдни, стоя на ступеняхъ престола, клялся, что не произносилъ рѣчей, ему приписываемых¹⁷⁰.

Уже церковная служба присоединенная къ присягѣ для того, чтобы усилить значеніе послѣдней, заключала въ себѣ нѣчто несовершенно-согласное съ православными понятіями и обрядами; но совокупленіе нѣсколькихъ клятвъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ было совершенно противно церковнымъ уставамъ. Хотя члены собора это знали, тѣмъ не менѣе они согласились уступить странной прихоти короля. Самъ Григорій изъявилъ согласіе нарушить правило, которое провозглашалось такъ часто. Можетъ-быть, какъ лично обвиненный, онъ считалъ безчестнымъ уклониться оъ какого бы то ни было испытанія; можетъ-быть и то, что въ этомъ жилищѣ, гдѣ все носило на себѣ германскій отпечатокъ, гдѣ самый видъ людей былъ варварскій, а нравы полуязыческіе, онъ не

чувствовали въ себѣ уже той силы и той свободы совѣсти, какъ въ стѣнахъ галльскихъ городовъ или подъ кровлей базиликъ¹⁷¹.

Пока все это происходило, Фредегонда, держась въ сторонѣ, ждала рѣшенія судей, притворяясь спокойною до безстрастія и замышляя въ глубинѣ души своей жестокое возмездіе обвиненнымъ, кто бы они ни были. Дочь ея Ригонта, болѣе изъ отвращенія къ ней, нежели по чувству искренней пріязни къ турецкому епископу, казалась глубоко-тронутою несчастіями этого человѣка, извѣстнаго ей только по имени; достоинствъ его оцѣнить она не была въ состояніи. Запершись въ этотъ день въ своей комнатѣ, она наложила постъ на себя и на всѣхъ своихъ прислужницъ, пока слуга, нарочно посланный, не извѣстилъ ее, что епископъ объявленъ невиннымъ¹⁷². Кажется, что король, въ знакъ полной и совершенной довѣренности къ членамъ собора, удержался отъ присутствованія при наложенныхъ имъ испытаніяхъ и предоставилъ только епископамъ сопутствовать обвиняемому въ молельню бренскаго дворца, въ которой совершены были три обѣдни и произнесены три клятвы на трѣхъ престолахъ. Вслѣдъ за тѣмъ снова открылось засѣданіе собора; Гильперикъ занялъ уже свое мѣсто; предсѣдатель собранія не сажился и произнесъ съ величественною важностью: «О, король! епископъ исполнилъ все, тчо было ему предписано: невинность его доказана; что же теперь остается намъ дѣлать? Намъ остается лишить тебя христіанскаго причащенія, тебя и Бертрана, обвинившаго одного изъ своихъ собратьевъ¹⁷³». Пораженный этимъ неожиданнымъ приговоромъ, король измѣнился въ лицѣ и съ смущеннымъ видомъ школьника,

слагающего вину свою на сообщниковъ, отвѣчалъ: «Но я говорилъ только то, что самъ слышалъ». — «Кто же говорилъ первый?» — спросилъ глава собора голосомъ болѣе повелительнымъ¹⁷⁴. — «Я все это слышалъ отъ Левдаста», — сказалъ король, еще взволнованный отъ поразившаго слухъ его страшнаго слова отлученія.

Немедленно отдано было приказаніе представить Левдаста въ судъ; но его не нашли ни во дворцѣ, ни въ окрестностяхъ: онъ благоразумно ускользнулъ. Епископы рѣшились судить его заочно и объявить отлученнымъ отъ церкви¹⁷⁵. Когда совѣщаніе кончилось, то предсѣдатель собора всталъ и произнесъ проклятіе по установленнымъ правиламъ:

«По суду Отца и Сына и Святаго Духа, и въ силу власти, данной апостоламъ и ихъ преемникамъ, связывать и разрѣшать на небеси и на земли, — мы всѣмъ соборомъ опредѣляемъ, что Левдастъ, сѣятель соблазна, обвинитель королевы, ложный доносчикъ на епископа, какъ уклонившійся отъ суда для избѣжанія его приговора, будетъ отнынѣ отчужденъ отъ нѣдръ святой матери-церкви и лишенъ христіанскаго причащенія въ настоящей и будущей жизни¹⁷⁶. Да никто изъ христіанъ не скажетъ ему здравствуй и не дастъ ему лобзанія. Да никто изъ священниковъ не послужитъ для него обѣдни и не сподобитъ его святаго приобщенія тѣла и крови Христовой. Да никто не приметъ его въ свое сообщество, не укроетъ въ домѣ своемъ, не поведетъ съ нимъ никакого дѣла, ни испіетъ, не насытитъ, не бесѣдуетъ съ нимъ, развѣ только для обращенія его къ покаянію¹⁷⁷. Да будетъ онъ проклятъ Богомъ Отцемъ, сотворившимъ человѣка; да будетъ проклятъ Сыномъ Божиимъ, страдавшимъ за человѣка; да

будеть проклять Духомъ Святымъ, осѣняющимъ насъ при крещеніи; да будетъ проклять онъ всѣми святыми, которые отъ созданія міра сего взысканы благодатію Божіею. Да будетъ онъ проклять повсюду, гдѣ ни будетъ, въ домѣ или въ полѣ, на торной дорогѣ или на малой тропѣ. Да будетъ онъ проклять въ жизни своей и при смерти, въ бдѣніи и во снѣ, въ трудѣ и въ покоѣ. Да будетъ онъ проклять въ цѣломъ строеніи своихъ членовъ и да не будетъ въ немъ ни частицы здоровой отъ темени головы до подошвы ногъ его¹⁷⁸. Да будетъ преданъ онъ на вѣчныя муки, вмѣстѣ съ Даѳаномъ и Авирономъ и тѣми, кто рекъ Господу: Удались отъ насъ. И какъ огонь потушается водою, такъ да потухнетъ навсегда свѣтъ его, развѣ только покается онъ и добровольно явится на судъ». При этихъ послѣднихъ словахъ, всѣ члены собора, слушавшіе до того времени съ молчаливымъ вниманіемъ, возвысили голосъ и нѣсколько разъ воскликнули: «Аминь, да будетъ такъ, да будетъ такъ, да будетъ онъ анаѳема! Аминь, Аминь¹⁷⁹».

Этотъ приговоръ, религіозныя угрозы котораго дѣйствительно были страшны, а гражданская сила соотвѣтствовала объявленію осужденнаго внѣ законовъ королевства, былъ сообщенъ циркулярнымъ письмомъ всѣмъ епископамъ Нейстріи, неприсутствовавшимъ на соборѣ¹⁸⁰. Потомъ перешли къ суду надъ подъ-діакономъ Риккульфомъ, обвиненнымъ въ лжесвидѣтельствѣ вслѣдствіе оправданія турецкаго епископа. По римскому закону, которымъ руководствовались всѣ духовные безъ различія племени, за клевету въ уголовномъ преступленіи, какимъ считалось оскорбленіе королевскаго сана, назначалась смертная казнь¹⁸¹; законъ этотъ былъ примѣненъ въ полной его силѣ къ настоящему дѣлу, и

соборъ произнесъ надъ подь-діакономъ Рикульфомъ приговоръ, передававшій его въ распоряженіе свѣтской власти. Это было послѣднимъ дѣломъ собранія; оно вслѣдъ за тѣмъ разошлось, и всѣ епископы, простившись съ королемъ, стали готовиться къ возвращенію въ свои епархіи¹⁸². Прежде отъѣзда, Григорій просилъ помилованія человѣку, который съ такою злобой и безстыдствомъ преслѣдовалъ его своими клеветами. Гильперикъ былъ тогда въ милостивомъ расположеніи духа, отъ радости ли, что кончились затрудненія, къ которыя онъ былъ вовлеченъ заботами о чистотѣ своей супружеской чести, или ему желательно было смягчить снисходительностью обиды турскаго епископа. По его ходатайству, король отмѣнилъ смертную казнь и оставилъ только пытку, которая, по римскимъ законамъ, налагалась не въ видѣ наказанія, но какъ дополненіе допроса¹⁸³.

Фредегонда тоже разочла, что утвердить это милосердное дѣло и оставить жизнь тому, кого предавало ей торжественное осужденіе, было согласно съ ея видами. Но, пощадивъ его, она, кажется, хотѣла испытать надъ нимъ, какія мученія человѣкъ можетъ перенести оставаясь въ живыхъ. Въ этой жестокой забавѣ ей слишкомъ-усердно содѣйствовало услужливое рвеніе вассаловъ и королевскихъ слугъ, которые наперерывъ старались явиться палачами преступника. «Я не думаю», говоритъ современный повѣствователь, никто другой, какъ самъ турскій епископъ: «я не думаю, чтобы какая-либо неодоушевленная вещь, любой металлъ могли выдержать всѣ удары, которыми осыпанъ былъ этотъ несчастный. Съ третьяго до девятаго часа утра онъ висѣлъ на деревѣ, повѣшенный за руки, связанныя на спинѣ. Въ девятомъ

часу его сняли и растянули на колодѣ, на которой били палками, розгами и двойными ремнями, и не одинъ или два человѣка, а всѣ, кто только могъ протѣсниться къ его бѣднымъ членамъ, всѣ принимались колотить и били его¹⁸⁴».

Его страданія и злоба на Левдаста, обманувшаго его, заставили раскрыть еще никому неизвѣстную глубину этой темной интриги. Онъ показаль, что, обвиняя королеву въ прелюбодѣянїи, оба сообщника его и онъ самъ имѣли цѣлю изгнать ее изъ королевства съ обоими сыновьями, дабы сынъ Авдоверы, Клодовигъ, одинъ остался наслѣдникомъ своего отца. Онъ прибавиль, что, въ случаѣ успѣха, Левдасть надѣялся быть герцогомъ, священникъ Рикульфъ епископомъ, а самъ онъ турскимъ архидіакономъ¹⁸⁵. Эти показанія не уличали прямо молодаго Клодовига въ участїи въ заговорѣ, но выгоды его были связаны съ выгодами трехъ заговорщиковъ; Фредегонда этого не забыла, и съ той минуты онъ былъ уже отмѣченъ въ умѣ ея, какъ она обыкновенно отмѣчала, до удобнаго случая, смертельныхъ враговъ своихъ.

Вѣсти медленно разносились въ томъ вѣкѣ, если только не были разсылаемы съ нарочными. Такъ протекло нѣсколько недѣль, пока въ Турѣ могли узнать какую развязку имѣло дѣло, возникшее въ Суассонѣ и оконченное въ Брени. Во время этой неизвѣстности, граждане, безпокоясь объ участи своего епископа, терпѣли также и отъ безпорядковъ, причиняемыхъ буйствомъ и самохвальствомъ враговъ Григорїя. Предводитель ихъ, священникъ Рикульфъ, собственною своею властію водворился въ епископскомъ домѣ и оттуда, какъ-будто носиль уже званіе епископа, предметъ своего

безразсуднаго честолюбія, изошрялся въ употребленіи неограниченной власти, соединенной тогда съ этимъ титуломъ¹⁸⁶. Располагая полнымъ хозяиномъ собственностью епархіальной церкви, онъ сдѣлалъ опись всему серебру и, съ цѣлю пріобрѣсть себѣ приверженцевъ, началъ осыпать богатыми дарами главнѣйшихъ членовъ духовенства, раздавая однимъ дорогія движимости, а другимъ луга или виноградники. Напротивъ того, съ церковниками нисшаго званія, въ которыхъ не предполагалъ имѣть нужды, онъ обращался совершенно инымъ образомъ и только суровостью и жестокостью давалъ имъ знать о присвоенной себѣ власти. За малѣйшій проступокъ онъ приказывалъ бить ихъ палками или билъ собственноручно, приговаривая: «Знайте вашего господина¹⁸⁷». Онъ за всякимъ словомъ повторялъ съ надутымъ тщеславіемъ: «Это я, умомъ своимъ, очистилъ городъ Туръ отъ этого исчадія, пришедшаго изъ Оверни¹⁸⁸». Если приближенные къ нему друзья обнаруживали иногда какія-либо сомнѣнія въ успѣхѣ такого самоуправства и въ искренности тѣхъ, кого привлекалъ онъ къ себѣ безумною расточительностью, то онъ отвѣчалъ имъ съ усмѣшкою превосходства: «Это мое дѣло: умный человѣкъ въ просакъ не попадаетъ; его можно обмануть только вѣроломствомъ¹⁸⁹».

Этотъ самохваль, вполне довольный собою, былъ внезапно выведенъ изъ своихъ честолюбивыхъ мечтаній прибытіемъ Григорія, вступившаго въ Туръ среди всеобщей радости. Принужденный передать епископскій дворецъ законному его владѣтелю, Риккульфъ не явился на поклонъ къ епископу, какъ сдѣлали въ этотъ день не только члены духовенства, но и всѣ другіе граждане. Сперва онъ

показывалъ видъ пренебреженія и нѣчто въ родѣ безмолвнаго вызова, но потомъ безсильная злоба его превратилась въ ярость, въ словахъ его выражалось бѣшенство, а на устахъ были только угрозы убійства¹⁹⁰. Григорій, всегда тщательно слѣдовавшій законному порядку, не торопился употреблять силу противъ такого опаснаго непріятели, но, дѣйствуя спокойно и не произвольно, созвалъ частный соборъ изъ викаріевъ турецкой епархіи.

Его призывныя повѣстки разсланы были къ епископамъ всѣхъ городовъ третьей ліонской провинціи¹⁹¹, кромѣ принадлежавшихъ Бретонамъ, народу, столь же дорожившему религіозною, какъ и политическою своею свободою, церковь котораго не имѣла съ церковью Галловъ постоянныхъ и правильныхъ сношеній¹⁹². Епископы анжерскій, манскій и рейнскій приняли живѣйшее участіе въ спокойствіи турецкой церкви и въ дѣлѣ своего архіепископа; но Феликсъ, епископъ нантскій, тѣмъ ли, что не явился на соборъ, или противорѣчіями въ совѣщаніяхъ, обнаружилъ явные признаки своего нерасположенія къ Григорію и пристрастія къ его врагамъ. Онъ былъ галльскаго племени и знатнаго рода, происходившаго, по его увѣренію, отъ древнихъ владѣтелей Аквитаніи и считавшаго въ числѣ своихъ предковъ преторіанскихъ префектовъ, патриціевъ и консуловъ¹⁹³. Съ такимъ высокимъ родомъ, которымъ очень тщеславился, онъ соединялъ рѣдкія въ то время качества, быстрый и предприимчивый умъ, краснорѣчивый даръ слова, способность легко писать и проблески того административнаго генія, который блисталъ въ Галліи подъ римскимъ владычествомъ¹⁹⁴.

Будучи епископомъ пограничной страны, безпрестанно угрожаемой враждебными набѣгами Бретоновъ и которую меровингскіе короли не имели возможности охранять постоянно, Феликсъ принялъ на себя попеченіе обо всемъ и наблюденіе какъ за безопасностью, такъ и благоденствіемъ своей епархіи¹⁹⁵. За неименіемъ войскъ, онъ противодѣйствовалъ вторженіямъ Бретоновъ бдительною политикой и искусными переговорами, а когда водворялась безопасность, то собственными средствами возводилъ огромныя общественныя сооруженія¹⁹⁶. Въ этой дѣятельной жизни, среди матеріальныхъ работъ, характеръ его пріобрѣлъ нѣкоторую жестокость и повелительность, весьма далекія отъ идеала духовнаго пастыря апостольскихъ преданій. Ему случилось однажды объявить притязаніе на земли, по близости Нанта, принадлежавшія къ турской церкви, которыя, можетъ-быть, были ему нужны для исполненія великаго предпріятія, а именно для отвода теченія Луары и прорытія ей новаго русла съ цѣлю доставить двоякую пользу земледѣлію и торговлѣ¹⁹⁷. Григорій, съ его строгою и нѣсколько крутою точностью, отказалъ въ уступкѣ малѣшей частицы достоянія своей церкви, и эта распря, постепенно разгараясь, произвела между обоими епископами чернильную войну, причинившую великій соблазнъ. Въ видѣ писемъ они пересылались колкостями, которыя заботливо ообщали своимъ друзьямъ, и которыя ходили въ народѣ, какъ настоящія памфлеты.

Въ этомъ столкновеніи ѣдкихъ словъ и оскорбительныхъ доводовъ, турскій епископъ, болѣе чистый сердцемъ, не столь желчный характеромъ и менѣе остроумный, нежели его противникъ, далеко не оказывался побѣдителемъ. На

колкіе и гнѣвные упреки, которыми, за отказъ уступить спорное владѣніе, осыпаль его Феликсъ, онъ отвѣчалъ съ учительскимъ добродушіемъ: «Вспомни слова пророка: горе совокупляющему домъ къ дому и село къ селу приближающимъ, да ближнему отымутъ что, едва вселится едины на земли^{198!}» И когда раздражительный нантскій епископъ, оставляя въ сторонѣ предметъ спора, издѣвался надъ личностью и происхожденіемъ своего противника, тогда Григорій не находилъ, въ отпоръ ему, другихъ выходокъ, какъ только въ родѣ слѣдующихъ: «О! еслибъ ты былъ епископомъ въ Марсели, то привозили бы туда на корабляхъ не масло или другія подобныя снѣди, а только грузы папируса, чтобъ тебѣ вдосталь было на чемъ писать, для поношенія добрыхъ людей. Но недостатокъ бумаги кладетъ конецъ твоему пустословію¹⁹⁹».

Можетъ-быть, несогласіе, возникшее между турскимъ и нантскимъ епископами, имѣло болѣе сокровенныя причины, нежели случайный поводъ, о которомъ говорится. Непомѣрная гордость, въ которой Григорій обвинялъ Феликса, даетъ поводъ думать, что между ними существовалъ какое нибудь родовое соперничество²⁰⁰. Кажется, что потомокъ прежнихъ аквитанскихъ властителей или досадовалъ на свою іерархіальную подчиненность челоуѣку, бывшему ниже его породой, или по преувеличенному чувству мѣстнаго патріотизма желалъ, чтобы въ западныхъ областяхъ духовныя должности были исключительнымъ достояніемъ тамошнихъ знатныхъ домовъ. Отъ этого, вѣроятно, произошли его расположеніе и присоединеніе къ партіи, которая въ Турѣ ненавидѣла Григорія, какъ чужестранца.

Онъ давно зналъ и отчасти поощрять происки священника Рикульфа²⁰¹.

Такое недоброжелательство одного изъ самыхъ сильныхъ и искусныхъ викаріевъ турской епархіи не воспрепятствовало составиться областному собору и произвести слѣдствие. Рикульфъ, обвиненный въ возбужденіи смуть и мятежа противъ своего епископа, былъ заточенъ въ одинъ изъ монастырей, мѣстность котораго не извѣстна²⁰². Едва прошелъ мѣсяць, съ того времени, когда онъ былъ заключенъ подъ строгій надзоръ, какъ довѣренные люди нантскаго епископа искусно втерлись къ игумену, правившему монастыремъ. Они употребили всевозможныя хитрости, чтобъ обмануть его, и, при помощи лживыхъ клятвъ, успѣли выманить у него дозволеніе выпустить плѣнника, подъ обѣщаніемъ возвратить его. Но лишь только Рикульфъ увидѣлъ себя на свободѣ, какъ поспѣшилъ спастись бѣгствомъ и тотчасъ отправился къ Феликсу, который принялъ его радушно, выказывая презрѣніе самымъ обиднымъ образомъ къ власти своего архіепископа²⁰³. То было послѣднее огорченіе, причиненное турскому епископу этимъ неблаговиднымъ дѣломъ, огорченіе, можетъ-быть, самое чувствительное, потому-что оно происходило отъ человѣка, равнаго съ нимъ породой, одного званія и одинаковаго образованія; отъ человѣка, о которомъ онъ не могъ сказать, какъ о другихъ врагахъ своихъ, или варварскаго племени, или ограниченныхъ умомъ и преданныхъ страстямъ наравнѣ съ варварами: «Господи, не вѣдаютъ что творять».

Между-тѣмъ, Левдасть, объявленный внѣ законовъ отлучительнымъ приговоромъ и королевскимъ указомъ, не

дозволявшимъ доставлять ему ни ночлега, ни хлѣба, ни убѣжища, вель бродяжническую жизнь, исполненную опасностей и неудобствъ. Онъ пришелъ изъ Брени въ Парижъ съ намѣреніемъ укрыться въ базиликѣ св. Петра; но проклятiе, исключавшее его изъ убѣжища, открытаго для всѣхъ изгнанниковъ, заставило его отказаться отъ этого намѣренія и положиться на вѣрность и мужество какого-либо друга²⁰⁴. Среди колебаній въ выборѣ пути, по которому безопаснѣе слѣдовать, онъ узналъ о смерти единственнаго своего сына; это извѣстіе, кажется, возбудило въ немъ семейныя привязанности и внушило неодолимое желаніе увидѣть свой домъ. Скрывая имя и странствуя одиноко, въ самомъ смиренномъ видѣ, онъ пошелъ въ домъ, гдѣ жила жена его²⁰⁵. Посвятивъ отцовскимъ ощущеніямъ нѣсколько мгновеній, которыя подвижность его характера и настоящія безпокойства должны были значительно сократить, онъ поспѣшилъ скрыть въ безопасное мѣсто свои деньги и драгоценности, награбленныя во время управленія.

Онъ былъ связанъ съ нѣкоторыми лицами германскаго происхожденія въ окрестностяхъ Буржа узами взаимнаго гостепрiимства, налажавшими, по обычаю варваровъ, такія священныя обязательства, которыхъ не могли поколебать ни запрещенія законовъ, ни даже религіозныя угрозы. Этимъ-то прежнимъ друзьямъ своимъ онъ рѣшилъ ввѣрить на сохраненіе, до лучшаго времени, всѣ свои богатства, и успѣлъ отправить большую ихъ часть прежде, нежели указъ о его изгнаніи дошелъ до Тура²⁰⁶. Но замедленіе это было непродолжительно; королевскіе вѣстники привезли роковое повелѣніе, въ сопровожденіи вооруженной дружины, которая, по указаніямъ,

собираемымъ отъ привала до привала, слѣдила за изнанникомъ. Домъ Левдаста былъ ею занятъ; ему самому удалось спастись, но жена его, менѣе счастливая, была взята и остведена въ Суассонъ, откуда, по повелѣнію короля, ее сослали въ окрестности Турнэ²⁰⁷.

Бѣглець, избравъ ту же дорогу, по которой поѣхали повозки съ его сокровищами, отправился къ городу Буржъ и вступилъ въ земли короля Гонтрана, гдѣ ратники Гильперика не посмѣли его преслѣдовать. Онъ прибылъ къ своимъ знакомымъ въ одно время съ своими пожитками, которыхъ видъ и количество соблазнили, на его бѣду, туземныхъ жителей²⁰⁸. Найдя, что добро чужестранца хорошая пожива, они поднялись на грабежъ, и самъ волостной судья принялъ надъ ними начальство, желая получить свою долю добычи. Левдасть не имѣлъ при себѣ достаточной силы для отраженія этого нападенія, и хотя знакомые его пытались помочь ему, однако сопротивление ихъ оказалось безуспѣшно. Все было расхищено грабителями, захватившими мѣшки съ деньгами, золотую и серебряную посуду, мебель и подежды, оставивъ ограбленному только то, что на немъ было, и угрожая ему смертію, если онхъ немедленно не удалится²⁰⁹. Принужденный снова бѣжать, Левдасть вернулся и смѣло пошелъ по дорогѣ въ Туръ; нищета, въ которую онъ былъ приведенъ, внушила ему отчаянное предпріятіе.

Лишь только достигнулъ онъ предѣловъ королевства Гильперика и области, которую прежде правилъ, какъ объявилъ въ первой деревнѣ, что есть случай сдѣлать лихой наѣздъ, въ разстояніи одного дня пути, на земли короля Гонтрана, и что всякій предприимчивый человекъ, кто пожелаетъ отважиться на это дѣло, будетъ вознагражденъ

щедро. При этомъ извѣстїи собрались молодые крестьяне и разнаго званїя бродяги, которыхъ въ то время не мало было по дорогамъ, и послѣдовали за бывшимъ турскимъ графомъ, не заботясь о томъ, куда онъ ведетъ ихъ. Левдасть распорядился какъ можно поспѣшнѣе достигнуть мѣста, гдѣ жили его грабители, и напасть врасплохъ на домъ, куда, какъ онъ видѣлъ, сложена была добыча. Это смелое движеніе имѣло полный успѣхъ; Туряне храбро напали, одного убили, многихъ ранили и возвратили значительную часть добычи, которую Беррійцы не успели еще раздѣлить между собою²¹⁰.

Гордый своимъ успѣхомъ и изъявленїями преданности, которыя онъ снискалъ за свои щедрыя награды, Левдасть счелъ себя довольно сильнымъ противъ всякаго врага, кто бы онъ ни былъ, и, снова обратясь къ своимъ кичливымъ привычкамъ, жилъ въ сосѣдствѣ отъ Тура, ни мало не стараясь скрывать своего пребыванїя. По распространившимся о томъ слухамъ, герцогъ Берульфъ послалъ дружину хорошо вооруженныхъ ратниковъ схватить изгнанника²¹¹. Левдасть едва не попался въ ихъ руки: ему еще разъ удалось убѣжать, но съ потерей послѣднихъ своихъ денегъ и пожитковъ. Пока остатки его имущества, какъ принадлежность казны, описывались и отправлялись въ Суассонъ, самъ онъ, по противоположной дорогѣ, старался достигнуть Пуатье и укрыться, съ отчаянїя, въ базиликѣ святаго Иларїя²¹².

Близость монастыря Радегонды и самый характеръ этой женщины, столь кроткой и почтенной, кажется, распространили тогда на пуатьескую церковь духъ снисхожденїя, отличавшїй ее отъ прочихъ. По-крайней-мѣрѣ, это единственное возможное истолкованіе того

милостиваго приѣма, какой нашель въ нѣдрахъ этой церкви челоуѣкъ, въ одно и то же время изгнанный и отлученный, предъ которымъ затворились убѣжище св. Мартина турскаго и парижскія базилики. Велика была для Левдаста радость, когда онъ увидѣлъ себя въ совершенной безопасности, но она быстро миновала; онъ вскорѣ ощутилъ лишь одно неприятное для своего самолюбія чувство: униженіе быть самымъ бѣднымъ изъ числа тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ кровь св. Иларія. Желая избавить себя отъ этого и удовлетворить закоснѣлымъ наклонностямъ къ чувственности и распутству, онъ составилъ шайку воровъ изъ самыхъ нечестивыхъ и отчаянныхъ своихъ товарищей по заключенію. Когда городская полиція слабѣла или засыпала, бывшій графъ турскій, предъувѣдомленный лазутчиками, выходилъ изъ базилики св. Иларія во главѣ своей шайки и, вламываясь въ дома, на которые ему указывали, какъ на богатые, похищаль изъ нихъ деньги и дорогую посуду, или бралъ произвольный выкупъ съ уstraшеннаго владѣльца²¹³. Обремененные добычей разбойники немедленно возвращались въ базилику и дѣлились тамъ между собою; потомъ вмѣстѣ пили и ѣли, ссорились или играли въ кости.

Священная обитель часто была свидѣтельницаю еще постыднѣйшихъ безпорядковъ: Левдастъ приводилъ туда распутныхъ женщинъ, изъ которыхъ инья, замужныя, были пойманы съ нимъ въ прелюбодѣянніи подъ самымъ портикомъ паперти²¹⁴. Пришло ли, въ-слѣдствіе слуховъ о такихъ соблазнахъ, повелѣніе суассонскаго двора исполнить въ строгости приговоръ, произнесенный въ Брени, или оскорбленная подобными поступками сама Радегонда просила удалить Левдаста, только онъ былъ

изгнанъ изъ обители св. Иларія, какъ недостойный никакой жалости²¹⁵. Не зная, куда преклонить голову, онъ еще разъ обратился къ своимъ беррійскимъ знакомцамъ. Не смотря на препятствія, поставленныя послѣдними происшествіями, дружба ихъ была такъ изобрѣтательна, что доставила ему убѣжище; но черезъ нѣсколько времени онъ самъ его оставилъ, увлекаемый своимъ дерзкимъ характеромъ и беспорядочными причудами²¹⁶. Онъ снова началъ вести кочевую и бродяжническую жизнь, которая должна была привести его къ гибели; и какъ онъ ни былъ одаренъ благоразуміемъ и умѣньемъ вести свои дѣла, для него уже не было болѣе спасенія: надъ главой его тяготѣло ничѣмъ неотвратимое мщеніе Фредегонды, которое могло иногда, выжидать, но никогда не прощало.

¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261. — Adriani Valesii Not. gall., стр. 469.

² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

³ Ibid., стр. 289.

⁴ Ibid., стр. 261.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. — Lex. Aleman. tit. LXXIX, § IV. — Lex. salica, tit. II, § VI.

¹⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261. — Дюканжъ, Gloss. ad script. med. et infim. latin. подъ словомъ comes.

¹¹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261. — См. рассказъ второй.

-
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Charta de ducati vel comitatu; Marculfi form., lib. I, apud script. rer. gal. et. franc., т. IV, стр. 472.
- ²⁰ Marculfi form., стр. 472.
- ²¹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.
- ²² Ibid.
- ²³ См. рассказ второй.
- ²⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 261.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. — См. рассказ третий.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid., стр. 262.
- ³³ Ibid., стр. 260. — Adriani Valesii, Rer. franc., кн. X, стр. 118.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ См. рассказ третий.
- ³⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 352.
- ⁴⁰ Самсонъ, родившійся въ Турнэ, во время осады этого города, умеръ въ 577 году.
- ⁴¹ См. рассказ третий.
- ⁴² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 262.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid., стр. 261.
- ⁴⁹ Ibid., стр. 262.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Ibid.

-
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid., стр. 262 и 264.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid., стр. 262.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Псаломъ 77, стихъ 53.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Fredegarii Hist. Franc., стр. 262.
- ⁷⁰ См. рассказъ четвертый.
- ⁷¹ Adriani Valesii Rer. franc., стр. 119.
- ⁷² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 262.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 290.
- ⁷⁵ Ibid., стр. 263.
- ⁷⁶ Ibid., стр. 263 и 264.
- ⁷⁷ Ibid., стр. 264.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid., стр. 263.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Fortunati Pictav. episc. lib. IX carm. I; apud ejus opera. Romae, 1786. In — 4°.
- ⁸⁵ См. выше, рассказъ первый.
- ⁸⁶ Vita Fortunati, praefixa ejus oper., auctore Michaele Angelo Luchi.
- ⁸⁷ Hincmarus de Egidio Rem. episc., in vita S. Remigii, apud. Fortinati vitam, стр. 61.
- ⁸⁸ Fortunati, lib. I, carm. 19, 20, 21; lib. III, carm. 6, 8, и слѣд.

-
- ⁸⁹ Fortun. Opera, lib. VII, carm. 1, 2, 3, 4, 5, 15, 16; lib. IX, carm. 16 и слѣд.; lib. VII, carm. 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14; lib. X., carm. 23 и слѣд.
- ⁹⁰ Ibid., — lib. I, carm., 18; lib. III, carm. 10, 12.
- ⁹¹ Vita Fortun., стр. 47, 48, 49. — Flodoard, Hist. Rer. eccl., ibid., стр. 61.
- ⁹² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190.
- ⁹³ Притокъ Саалы, впадающій въ нее близъ Наумбурга. *Прим. пер.*
- ⁹⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190.
- ⁹⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190. — Vita sanctae Radegundis, auctoraе Fortun., apud script. rer. gall. et franc., т. III, стр. 456.
- ⁹⁶ Vita S. Radegundis., т. III, стр. 456.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ Vita S. Radegundis, auctore Hildeberto, Genoman., episc., appud Bolland., Acta sanctorum Augusti, т. III, стр. 84. — Vita S. Radegundis, auctore Fortunato, стр. 68.
- ⁹⁹ Script rer. gall. et franc., т. III, стр. 456. — Annales Benedictini, т. I, стр. 124.
- ¹⁰⁰ Vita S. Radegundis, auctore Fortunato, стр. 68.
- ¹⁰¹ Ibid.
- ¹⁰² Bolland., Acta sanct. Augusti, т. III, стр. 69.
- ¹⁰³ Ibid., стр. 68.
- ¹⁰⁴ Ibid., стр. 69.
- ¹⁰⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 190. — Vita S. Radegundis, auctore Fortun., стр. 456.
- ¹⁰⁶ Vita S. Megardi, стр. 451 и 452.
- ¹⁰⁷ Ibid., стр. 456.
- ¹⁰⁸ Ibid.
- ¹⁰⁹ Ibid.
- ¹¹⁰ Vita S. Radegundis, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 456.
- ¹¹¹ Ibid.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ Ibid.
- ¹¹⁴ Ibid., стр. 456 и 457.
- ¹¹⁵ Acta S. Augusti, т. III, стр. 70.
- ¹¹⁶ Ibid.
- ¹¹⁷ Acta S. Augusti, т. III, стр. 76. — Vita S. Radegundis, auctore Baudonivia.
- ¹¹⁸ Ibid. — Script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 356, 357 и 359.
- ¹¹⁹ Vita S. Radegundis, apud script. rer. gal. стр. 457.

- ¹²⁰ Greg. Turon., lib. de Gloria confes, гл. CVI. — Acta S. Augusti, т. III, стр. 82.
- ¹²¹ Vita S. Caesarii, Arelat. episc., apud Annal. franc. ecclesiast., т. I, стр. 471.
- ¹²² Acta S. Augusti, стр. 72.
- ¹²³ Greg. Turon., lib. de Gloria confes, гл. CVI.
- ¹²⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., кн. IV. стр. 216; кн. IX, стр. 351, 354 и 359.
- ¹²⁵ Regula S. Caesariae, apud Annal. Franc. eccles., стр. 477. — Acta S. Augusti, стр. 61.
- ¹²⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 374.
- ¹²⁷ Ibid., стр. 374 и 375.
- ¹²⁸ Ibid. — Mabillon, Annal. Benedict., т. I, стр. 199.
- ¹²⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., ed. Ruinart, стр. 472.
- ¹³⁰ Vita S. Radegundis, auctore Baudovinia, apud Act. S. Augusti, стр. 81. — О познаніяхъ и чтеніяхъ святой Радегонды, см. стихотвореніе Фортуната, кн. V, ст. 1; она прилежно читала Григорія Назіанзина, святаго Василя, святаго Аѳанасія, святаго Амвросія, святаго Іеронима, святаго Августина, Седулія и Павла Ороза.
- ¹³¹ Vita S. Radegundis, apud Act. S. Augusti, т. III, стр. 77.
- ¹³² Fortunati epist., ad Felicem, episc. Namnet., кн. III, стр. 78.
- ¹³³ Mabillon, Ann. Benedict., т. I, стр. 155. — Fortunati, кн. VIII, стих. 1.
- ¹³⁴ Fortunati opera, lib. VII, carm. 2 и слѣд.
- ¹³⁵ Vita Fortun., praefixa ejus operibus, стр. XLIII, XLIX.
- ¹³⁶ Fortun., lib. IX, carm. 8, ad Abbatisam.
- ¹³⁷ Fortun. opera lib. III, carm. 15, 16, 17, 18, и 19; lib. VII, carm. 25, 26, 29, 30; lib. IX, carm. 22; carm 12; lib. XI, carm. 16, 22, 23, 24 и слѣд.
- ¹³⁸ Ibid.
- ¹³⁹ Fortun. lib XI, carm. 12, 13, 14, 15, 18, 19, 10 и 23.
- ¹⁴⁰ Ibid. lib. XI, carm. 9.
- ¹⁴¹ Ibid., carm. 10.
- ¹⁴² Fortun. opera, lib. XI и слѣд.
- ¹⁴³ Fortun. lib. XI, carm. 6.
- ¹⁴⁴ Ibid., lib. VII, carm. 26 и 28.
- ¹⁴⁵ Fortun. libellus ad Artarchin. ex persona Radegundis, т. I, стр. 482.
- ¹⁴⁶ Ibid., et libell. de Excidio Thuringae, стр. 474.
- ¹⁴⁷ Fortunati opera, т. I, стр. 475.
- ¹⁴⁸ Ibid.
- ¹⁴⁹ Ibid., стр. 477.
- ¹⁵⁰ Ibid.

-
- ¹⁵¹ Fortunati, lib. VIII, carm. 28. — См. Cours d'Histoire moderne, de M. Guizot, 18-me leçon.
- ¹⁵² Fortunati, lib. XI, carm. 25.
- ¹⁵³ Ibid., carm. 16.
- ¹⁵⁴ Ibid., carm. 3, 5; lib. VIII, carm. 13, 14; lib. XI, carm. 2.
- ¹⁵⁵ Ibid., lib. XI, carm. 2.
- ¹⁵⁶ Fortunati lib. I, Provemium ad Greg. episc. Turon., стр. 2.
- ¹⁵⁷ Paulus diaconus, apud Fortunati vitam, LXI.
- ¹⁵⁸ Fortunati, lib. VI, carm. 2, 3. — См. рассказ первый.
- ¹⁵⁹ Fortun., lib. VI, carm. 4.
- ¹⁶⁰ Fortun. opera, lib. V, carm. 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 19, 20; lib. VIII, carm. 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.
- ¹⁶¹ Fortun., lib. IX, carm. I.
- ¹⁶² См. выше рассказ четвертый.
- ¹⁶³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.
- ¹⁶⁴ Ibid.
- ¹⁶⁵ Ibid.
- ¹⁶⁶ Ibid.
- ¹⁶⁷ Ibid.
- ¹⁶⁸ Ibid.
- ¹⁶⁹ Ibid.
- ¹⁷⁰ Ibid.
- ¹⁷¹ Ibid.
- ¹⁷² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.
- ¹⁷³ Ibid.
- ¹⁷⁴ Ibid.
- ¹⁷⁵ Ibid.
- ¹⁷⁶ Formulae excommunic., apud script. rer. gall. et franc., т. IV, стр. 611 и 612. — Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.
- ¹⁷⁷ Form. excom., стр. 611 и 612.
- ¹⁷⁸ Ibid., стр. 613.
- ¹⁷⁹ Ibid. Form. excom., т. IV, стр. 611 и 612.
- ¹⁸⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.
- ¹⁸¹ God. Theod. constit. anni 319 et 323.
- ¹⁸² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263.
- ¹⁸³ Ibid. — Cod. lib. IX, tit. XII, et Digest., lib. XLVIII, tit. XVIII.
- ¹⁸⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 263 и 264.
- ¹⁸⁵ Ibid., стр. 264. — См. выше, стр. 108.

¹⁸⁶ Ibid.

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264.

¹⁹¹ Къ 3-й лионской провинции принадлежали нынѣшніе департаменты Франціи: Финистеръ, Котъ-дю-Норъ, Илль-и-Вилленъ, Морбиганъ, Нижней-Луары, Майенны, Сарты, Менъ-и-Луары и Эндры-и-Луары.

Прим. перев.

¹⁹² Adriani Valesii rer. franc., lib. VI, стр. 281.

¹⁹³ Fortunati opera, lib. III, carm. 8.

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Fortunati opera, lib. III, carm. 3.

¹⁹⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 251. — Fortun. opera, lib. III, carm. 5 и 12.

¹⁹⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 261.

¹⁹⁸ Ibid., стр. 235. — Пророка Исаи, гл. V, стр. 8.

¹⁹⁹ Ibid.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid., стр. 264.

²⁰² Ibid., стр. 235.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Ibid., стр. 263.

²⁰⁵ Ibid.

²⁰⁶ Ibid.

²⁰⁷ Ibid.

²⁰⁸ Ibid., стр. 264.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Ibid.

²¹² Ibid.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 264. — Chron. Turon., apud Edmundi Martene collect. т. V, стр. 940.

²¹⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 264.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

Гильперикъ-богослов. — Еврей Прискъ. — ПРОДОЛЖЕНИЕ
И КОНЕЦЪ ИСТОРИИ ЛЕВДАСТА.

(580 — 583).

Турскій епископъ, по окончательномъ оправданіи отъ клеветы, на него взведенной, снова обратился къ своимъ религіознымъ и политическимъ занятіямъ, прерваннымъ на время. Его ежедневной бдительности требовали не одни дѣла по епархіи и заботы по городскому управленію; кромѣ ихъ много озабочивали его болѣе общіе интересы галликанской церкви и народнаго мира, безпрестанно нарушаемого франкскими королями. Одинъ, или вмѣстѣ съ другими епископами, онъ предпринималъ частыя поѣздки въ разныя мѣстопробыванія нейстрійскаго двора, и въ томъ самомъ бренскомъ дворцѣ, куда являлся прежде, какъ обвиняемый въ оскорбленіи королевскаго величества, онъ находилъ нынѣ почетъ и предупредительность¹. Чествуя достойнымъ образомъ такого гостя, король Гильперикъ старался выказать передъ нимъ наружный блескъ римской образованности и представить доказательства своихъ свѣдѣній и изящнаго вкуса. Онъ втайнѣ читалъ епископу

отрывки своихъ сочиненій, требуя его совѣтовъ и показывая ему, съ какимъ-то простодушнымъ тщеславіемъ, даже самыя незначительныя свои упражненія въ словесности.

Эти грубые опыты, плоды вполнѣ похвального стремленія къ подражанію, не приносили однакоже никакой пользы, потому-что были безъ всякой послѣдовательности, слегка касаясь всѣхъ предметовъ: грамматики, стихотворства, художествъ, правовѣдѣнія, богословія. Въ этихъ проявленіяхъ любви къ просвѣщенію варварскій король переходилъ отъ одного предмета къ другому съ живостью неопытнаго школьника. Послѣдній изъ латинскихъ стихотворцевъ, Фортунатъ, славилъ эту королевскую прихоть, какъ залогъ, подававшій великія надежды все болѣе и болѣе унывавшимъ поборникамъ прежней умственной образованности²; но епископъ Григорій, болѣе суровый характеромъ и не столь ослѣпленный обаяніемъ власти, не раздѣлялъ этихъ упованій. Съ какимъ бы видомъ онъ ни выслушивалъ авторскія тайны внука Клодовига, что бы ни говорилъ при этомъ, всегда въ глубинѣ души своей онъ ощущалъ одно лишь горькое презрѣніе къ писателю, которому долженъ былъ льстить, какъ королю. Въ христіанскихъ поэмахъ, сочиняемыхъ Гильперикомъ по образцу поэмъ священника Седулія³, онъ видѣлъ только наборъ нескладныхъ стиховъ безъ всякой мѣры, въ которыхъ, по незнанію начальныхъ основаній просодіи, долгіе слоги стояли на мѣстѣ краткихъ, а краткіе на мѣстѣ долгихъ. Что касается до мелкихъ сочиненій, не столь высокопарныхъ, какъ напримѣръ — гимны, вставляемые въ литургію, то Григорій признавалъ ихъ негодными, и вообще въ неловкихъ попыткахъ этого невѣжественнаго

ума, оцупью старавшагося просвѣтитъся, онъ не умѣлъ отличить ни дѣльныхъ намѣреній, ни дѣствительно хорошей стороны⁴.

Руководимый проблескомъ здраваго смысла, Гильперикъ пожелалъ выразить латинскими буквами звуки германскаго языка; съ этою цѣлю онъ придумалъ ввести въ азбуку четыре буквы своего изобрѣтенія, между которыми была одна, присвоенная выговору, выраженному въ послѣдствіи чрезъ w⁵. Такимъ образомъ собственныя имена германскаго происхожденія, въ текстахъ, написанныхъ по-латыни, должны были получить правильную и постоянную орѳографію. Но ни этотъ результатъ, котораго въ-послѣдствіи съ такимъ трудомъ добивались, ни мѣры, принятыя въ то время для его достиженія, повидимому, не были одобряемы епископомъ, слишкомъ упрямымъ, или слишкомъ предубѣжденнымъ. Онъ только улыбался съ сожалѣніемъ, видя, что властитель варварскаго племени обнаруживаетъ притязаніе исправить римскую азбуку, и письмами, разсланными къ графамъ городовъ и городскимъ сенатамъ, приказываетъ, чтобы во всѣхъ общественныхъ школахъ учебныя книги были выскоблены пемзой и переписаны по новому способу⁶.

Однажды король Гильперикъ, отведя турскаго епископа въ сторону, какъ-бы по дѣлу чрезвычайно важному, приказалъ одному изъ своихъ письмоводителей прочесть только-что написанное имъ небольшое разсужденіе, касавшееся высшихъ богословскихъ вопросовъ. Главное положеніе, доказываемое въ этой книгѣ, необыкновенно дерзкой, заключалось в томъ, что Святая Троица не должна быть выражаема различіемъ лицъ, но что ее слѣдуетъ

называть однимъ только именемъ — именемъ Бога; что недостойно придавать Богу значеніе лица, какъ будто человѣку, сотворенному изъ костей и плоти; что Тотъ, Кто есть Богъ Отець, есть Тотъ же, Кто и Сынъ Божій, Тотъ же, Кто и Духъ Святой; и что Тотъ, Кто есть Духъ Святой, есть Тотъ же, Кто и Богъ Отець, и Тотъ же, Кто и Сынъ Божій; что въ этомъ видѣ являлся Онъ патріархамъ и пророкамъ и былъ возвѣщенъ Писаніемъ⁷. При первыхъ словахъ этого новаго символа вѣры Григорій объятъ былъ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ, ибо съ ужасомъ узналъ ересь Савеллія, самую опасную изъ всѣхъ, послѣ аріанской, потому-что, подобно аріанской, она опиралась, повидимому, на здравый смыслъ⁸. Неизвѣстно, въ книгахъ ли почерпнулъ король это ученіе, которое думалъ возобновить, или самъ собою дошелъ до него ложнымъ умствованіемъ, но онъ столько же былъ тогда убѣжденъ въ истинѣ своего догмата, сколько доволенъ искуснымъ его изложеніемъ. Обнаруженные епископомъ знаки неодобренія, все болѣе и болѣе ясные, удивили и до крайности разгнѣвили Гильперика. Соединяя требовательность философа, признающаго себя совершенно правымъ, съ самовластіемъ владыки, не терпящего противорѣчій, онъ заговорилъ первый и сказалъ грубо: «Я хочу, чтобы вы этому вѣрили, ты и другіе церковноучители⁹».

Призвавъ на помощь свое спокойствіе и свою обычную твердость, Григорій отвѣтствовалъ на это повелительное объявленіе: «Преблагочестивый король, подобаетъ тебѣ оставить это заблужденіе и послѣдовать ученію, завѣщанному намъ апостолами, а по нихъ и отцами церкви, которому поучали Иларій, епископъ пуатьескій, и

Евсевій, епископъ верейльскій, и которое ты исповѣдалъ при крещеніи¹⁰. — «Но», отвѣчалъ Гильперикъ съ возраставшею досадою: «извѣстно, что въ этомъ пунктѣ Иларій и Евсевій сильно противорѣчатъ другъ другу». Возражать было трудно, и Григорій чувствовалъ, что самъ себя поставилъ въ невыгодное положеніе. Избѣгая затрудненій прямого отвѣта, онъ началъ говорить такъ: «Ты долженъ остерегаться произносить слова, оскорбительныя для Бога и Святыхъ Его¹¹»; и потомъ, перейдя къ изложенію православной вѣры, такъ, какъ-бы изъяснялъ ее съ каеэды, прибавилъ: «Знай, что рассмотренные отдѣльно, Богъ-Отець, Богъ-Сынъ, Богъ Духъ Святой различны другъ отъ друга. Не Отець воплотился и не Духъ Святой, а Сынъ, ради искупленія рода человѣческаго, Тотъ, Кто былъ Сынъ Божій, сдѣлался также Сыномъ Дѣвы. Не Отець страдалъ и не Духъ Святой, но Сынъ, дабы Тотъ, Кто пріялъ плоть въ семь мірѣ, былъ принесенъ и въ жертву за міръ. Ты говоришь о лицахъ, но ихъ разумѣть должно не тѣлесно, а духовно, и хотя въ сущности ихъ три, но въ нихъ единая вѣчность, единая слава, единое всемогущество¹²».

Это подобіе пастырскаго увѣщанія было прервано королемъ, который, не желая болѣе слушать, вскричалъ сердито: «Я прочту это тѣмъ, кто болѣе тебя смыслить, и они согласятся со мною¹³». Слова эти укололи Григорія, который, самъ воспламенясь и забывъ осторожность, возразилъ: «Никто знающій и сыслящій и развѣ только безумный прійметъ когда-нибудь то, что ты предлагаешь¹⁴». Нельзя выразить, что произошло тогда въ душѣ Гильперика, онъ оставилъ епископа, не сказавъ ни слова, но яростный трепеть показалъ, что король,

богословъ и словесникъ, нисколько не утратилъ свирѣпаго характера своихъ предковъ. Черезъ нѣсколько дней, онъ вздумалъ испытать впечатлѣніе своей книги надъ Сальвиемъ, епископомъ альбійскимъ, и когда эта вторая попытка удалась не лучше первой, онъ вдругъ потерялъ бодрость и съ такою же легкостью отказался отъ мнѣній своихъ о существѣ Божіемъ, съ какимъ упрямствомъ прежде ихъ поддерживалъ¹⁵.

Не оставалась уже никакого признака этой важной распри, когда въ 581 году король Гильперикъ переѣхалъ на лѣто въ помѣстье Ножанъ, на берега Марны, близъ сліянія ея съ Сеною. Турскій епископъ, совершенно примиренный съ королемъ, явился къ нему на поклонъ въ новое его жилище, и въ то время, когда онъ тамъ находился, великое событіе нарушило обычное однообразіе придворной жизни¹⁶. То было возвращеніе пословъ, отправленныхъ въ Константинополь для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Тиверія, преемника Юстина-Младшаго. Послы возвратились въ Галлію моремъ, съ дарами отъ новаго императора королю Гильперикю: но вмѣсто того, чтобы высадиться въ Марсели, за обладаніе которой спорили въ то время король Гонтранъ и опекуны юнаго короля Гильдеберта, они почли болѣе для себя безопасною иноземную пристань, а именно городъ Агдъ, принадлежавшій королевству Готовъ¹⁷. Корабль ихъ, застигнутый бурей у береговъ Септиманіи, разбился о подводные камни, и пока сами послы спасались вплавь, весь грузъ былъ расхищенъ прибрежными жителями. По счастію сановникъ, правившій Агдомъ, отъ имени короля Готовъ, счелъ обязанностью вступиться, и приказалъ возвратить Франкамъ, если не всѣ ихъ пожитки, то по-

крайней-мѣрѣ большую часть богатыхъ даровъ, предназначенныхъ королю¹⁸. Они прибыли такимъ образомъ въ Ножанъ, къ великой радости Гильперика, поспѣшившаго выставить на показъ своимъ гостямъ и литамъ все, что было вручено ему отъ имени императора, драгоценныя ткани, золотую посуду и разнаго рода украшенія¹⁹.

Изъ множества любопытныхъ и великолѣпныхъ вещей, особенное вниманіе турскаго епископа привлекли большіе золотые медальоны, можетъ-быть потому, что ему пріятно было смотрѣть на символъ образованной монархіи; на лицевой сторонѣ ихъ изображена была голова императора, съ надписью: Тиверій Константинъ на вѣкѣ августѣшій, а на оборотѣ запряженная четырьмя конями колесница, на которой стояла крылатая женщина, съ слѣдующей надписью: Слава Римлянъ. Каждая медаль имѣла около фунта вѣсу и всѣ онѣ были выбиты въ память начала новаго царствованія²⁰. При видѣ этихъ великолѣпныхъ произведеній искусствъ имперіи и знаковъ императорскаго величія, король Гильперикъ, какъ-будто опасаясь какого-либо невыгоднаго для себя сравненія, вздумалъ представить образцы собственной роскоши. Онъ приказалъ принести и поставить рядомъ съ дарами, на которые любовались его придворные, одни съ простодушнымъ удивленіемъ, другіе завистливыми глазами, изготовленное по его повелѣнію огромное золотое блюдо, усыпанное драгоценными камнями. Это блюдо предназначенное для украшенія королевскаго стола въ торжественные празднества, было не менѣе пятидесяти фунтовъ вѣсомъ²¹. Увидѣвъ его, всѣ присутствовавшіе вскричали отъ удивленія предъ цѣнностью матеріала и

красотою отдѣлки. Король, молча, наслаждался нѣскольکو времени удовольствіемъ, которое доставляли ему эти похвалы, и потомъ сказалъ съ гордымъ и самодовольнымъ выраженіемъ: «Я это сдѣлалъ для увеличенія славы и блеска франкскаго народа, и Если Богъ продлитъ жизнь мою, то многое еще сдѣлаю²²».

Совѣтникомъ и повѣреннымъ Гильперика въ его предпріятіяхъ, по части роскоши или покупокъ дорогихъ вещей, былъ парижскій Еврей, по имени Прискъ. Онъ также находился тогда въ Ножанѣ; король очень любилъ его, частопризывалъ къ себѣ и даже снисходилъ въ обращеніи съ нимъ до нѣкоторой короткости²³. Посвятивъ нѣскольکو времени надзору за работами и осмотру сельскихъ произведеній въ своемъ обширномъ помѣстьѣ на Марнѣ, Гильперикъ вздумалъ переѣхать въ Парижъ и поселиться въ древнемъ императорскомъ дворцѣ, остатки котораго существуютъ донынѣ на лѣвомъ берегу Сены. Въ день отъѣзда, когда король отдавалъ уже приказаніе запрягать повозки съ поклажей, за которыми намѣренъ былъ слѣдовать самъ верхомъ съ своими людьми, епископъ Григорій явился къ нему откланиваться, и пока онъ прощался, прибылъ на поклонъ также и Еврей Прискъ²⁴. Гильперикъ, бывшій въ тотъ день въ веселомъ расположеніи духа, взялъ, шутя, Еврея за волосы и, слегка наклоня ему голову, сказалъ Григорію: «Прійди, пастырь Божій, и возложи на него руки²⁵».

Такъ-какъ Прискъ оборонялся и съ ужасомъ отступалъ отъ благословенія, которое, по его вѣрѣ слѣдало бы его виновнымъ въ святотатствѣ, то король сказалъ ему: «О! тупой разумъ, невѣрное племя, не постигающее Сына Божія, обѣтованнаго ему устами его же пророковъ, не

постигающее таинствъ церкви, изображаемыхъ собственными его обрядами²⁶». Сказавъ это, онъ выпустилъ изъ рукъ волосы Еврея, который тотчасъ же, оправился отъ испуга и отвѣчая не менѣе рѣзко возразилъ: «Богъ не вступаетъ въ бракъ, не имѣетъ въ томъ нужды, отъ Него не родится потомство, Онъ не терпитъ раздѣленія власти, Онъ, рекшій устами Моисея: Виждь, виждь. Я Господь, и нѣтъ другаго Богакромѣ Меня! Я навожу смерть и даю жизнь, Я погубляю и исцѣляю²⁷».

Ни мало не оскорбляясь такую смѣлостью рѣчей, король Гильперикъ былъ восхищенъ тѣмъ, что шутка дала ему поводъ блеснуть въ правильномъ спорѣ своими богословскими познаніями, чистыми на этотъ разъ отъ всякой ереси. Принявъ важный видъ и спокойный тонъ духовнаго наставника, поучающаго оглашенныхъ, онъ отвѣчалъ: «Богъ отъ вѣка духовно родилъ Сына, Который ни юнѣ его временемъ, ни слабѣе мощью, о Которомъ Самъ Онъ глаголетъ: *Изъ чрева прежде денницы родихъ тя*²⁸. Сына сего, прежде вѣкъ рожденнаго, послалъ Онъ, въ послѣдніе вѣки, въ міръ, для исцѣленія его, какъ говоритъ пророкъ твой: *Посла слово свое и исцѣли я*²⁹. Если ты утверждаешь, что Онъ не рождаетъ, то послушай, что сказуетъ пророкъ твой, говоря о Господѣ: *Не се ли азъ родящую сотворихъ*³⁰. Но подъ этимъ разумѣетъ Онъ народъ, который долженъ возродиться въ Немъ вѣрою³¹.» Еврей, все болѣе и болѣе ободряемый споромъ, возразилъ: «Возможно ли, чтобъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, чтобы родился отъ женщины, претерпѣлъ біеніе лозами и былъ приговоренъ къ смерти³²»?

Это возраженіе коснулось одной изъ слабѣйшихъ сторонъ разума короля; онъ казался удивленнымъ, и, незная, что

отвѣчать, храниль молчаніе. Пришло время вступиться турскому епископу³⁵: — «Если Сынъ Божій» — сказалъ онъ Приску: — «если Самъ Богъ пріялъ плоть человѣческую, то ради лишь насъ, а отюдъ не ради Своей нужды; ибо Онъ могъ искупить человѣка отъ цѣпей грѣховныхъ и рабства діавольскаго только облекшись въ человѣчество. Не изберу свидѣтельствъ моихъ изъ Евангелія и апостоловъ, которымъ ты не вѣришь, но изъ твоихъ же книгъ, дабы поразить тебя собственнымъ мечемъ твоимъ, какъ древле, глаголять, убилъ Давидъ Голіаѳа³⁴. Познай же отъ одного изъ твоихъ пророковъ, что Господь долженъ былъ явиться въ человѣческомъ образѣ: «Богъ есть человѣкъ, говоритъ онъ, и кто сего не знаетъ? А въ другомъ мѣстѣ: *Сей богъ нашъ не вмѣнится инѣ къ нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову, отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ него. Посемъ на земли явися и съ челоѣвки поживе*³⁵. О томъ, что Онъ родился отъ Дѣвы, слушай также пророка своего, глаголящаго: *Се дѣва во чревь зачнетъ и родитъ сына, и наречеши имя ему Еммануиль, что значитъ Господь съ нами*³⁶. А что онъ долженъ быть избіенъ лозами, истерзанъ гвоздьми и подвергнуть инымъ позорнымъ истязаніямъ, другой пророкъ сказалъ: *Ископаша руцъ мои и нозъ мои, раздѣлиши ризы моя себѣ*³⁷. И ещѣ: *И даша въ снѣдь мою жельчи и въ жажду мою напоиша мя оцта*³⁸».

«Однакоже, что могло заставить Бога подвергнуться такимъ страстямъ?» спросилъ Еврей. Епископъ могъ видѣть изъ этого вопроса, что его не поняли, или можетъ-быть худо слушали; однако онъ продолжалъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго нетерпѣнія³⁹: «Я уже сказалъ тебѣ, что Богъ сотворилъ человѣка невиннымъ, но, опутанный хитростью змія, человѣкъ нарушилъ завѣтъ

Господа и за эту вину свою, изгнанный изъ райскаго жилища, подвергся трудамъ міра сего. Смертію Христа, Единороднаго Сына Божія, примирень былъ онъ съ Богомъ-Отцомъ⁴⁰».

«Но развѣ Богъ не могъ послать пророковъ и апостоловъ для возвращенія человѣка на путь спасенія, не унижая Себя воплощеніемъ⁴¹»? Снова возразилъ Еврей. — Епископъ, сохраняя свое спокойствіе и важность, отвѣтствовалъ: «Родъ человѣческой не переставалъ грѣшить съ самаго начала: ни воды потопа, ни огонь содомскій, ни язвы египетскія, ни чудо, разверзшее хляби Чермнаго Моря и Иордана, ничто не могло утратить его. Онъ вѣчно противился закону Господа, не вѣрилъ пророкамъ, и мало того, что не вѣрилъ, но даже предаль смерти тѣхъ, кто проповѣдовалъ ему о покаяніи. И такъ, если бы Самъ Богъ не снизошелъ искупить его, никто другой не могъ бы совершить подвигъ спасенія⁴². Мы возродились Его рожденіемъ, омылись его крещеніемъ, исцѣлились Его ранами, возстановились Его воскресеніемъ, прославились Его вознесеніемъ, и дабы разумѣли мы, что Онъ явится для уврачеванія нашихъ недуговъ, одинъ изъ твоихъ пророковъ сказалъ: *Язвою его мы исцѣльхомъ*⁴³. А въ другомъ мѣстѣ: *Сей грѣхъ наша носить и о насъ бользнуеть; той же язвень бысть за грѣхи наша и мучень бысть за беззаконія наша*⁴⁴. И еще: *Яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласень, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Яко вземлется отъ земли животъ его, во смиреніи его судъ его взятыя. Родъ же его кто исповѣсть? Господь Саваоѳъ имя ему*⁴⁵. Самъ Іаковъ, отъ котораго ты хвалишься происхожденіемъ, благословляя сына своего Іуду, сказалъ ему, какъ будто говорилъ Христу, Сыну

Божію: *Поклонятыя тебѣ сынове отца твоего. Скимень львовъ Иуда; отъ льторосли сыне мой возшелъ еси, возлезь уснулъ еси яко левъ и яко скимень: кто возбудитъ его⁴⁶»?*

Эта рѣчь, запечатлѣнная величіемъ, не произвела никакого дѣствія на умъ Еврея Приска; онъ пересталъ поддерживать споръ, но нисколько не казался поколебленнымъ⁴⁷. Когда король замѣтилъ, что онъ молчалъ съ видомъ чловѣка, не желающаго ни въ чемъ уступить, то обратился къ турецкому епископу и сказалъ: «Святой пастырь, пусть минуетъ несчастнаго твое благословеніе; я же скажу тебѣ, какъ Іаковъ сказалъ ангелу, бесѣдовавшему съ нимъ: *не пуцу тебѣ, аще не благословиши, мене⁴⁸*». Послѣ этихъ словъ, не лишенныхъ пріятности и достоинства, Гильперикъ спросилъ воды для омовенія рукъ себѣ и епископу, и когда они оба омылись, то Григорій, возложивъ правую руку на главу короля, благословилъ его во имя Отца и Сына и Святаго Духа⁴⁹.

Тутъ же стояли на столѣ хлѣбъ, вино, а вѣроятно и разныя другія яства, назначенныя для угощенія знатныхъ особъ, приходившихъ откланиваться къ отъѣзжавшему королю. По обычаю франкской вѣжливости, Гильперикъ пригласилъ турецкаго епископа не оставлять его, не отвѣдавъ чегонибудь отъ стола его. Епископъ взялъ хлѣбъ, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и, переломивъ на двѣ части, одну оставилъ себѣ, а другую подалъ королю, который вкусилъ стоя. Потомъ оба налили себѣ вина и отпили вмѣстѣ на прощанье⁵⁰. Епископъ распорядился объ отъѣздѣ въ свою епархію; король сѣлъ на лошадь, окруженный своими людьми и слугами, и проважалъ вмѣстѣ съ ними крытую повозку, въ которой ѣхали королева и дочь ея, Ригонта. Семейство нейстрійскаго

короля, нѣкогда многочисленное, состояло тогда только изъ этихъ двухъ женщинъ. Оба сына Гильперика и Фредегонды умерли въ предшествовавшемъ году, похищенные заразою; послѣдній изъ сыновей Авдоверы погибъ почти въ то же время кровавою смертью, мрачныя подробности которой будутъ предметомъ послѣдующаго разсказа⁵¹.

Религіозное преніе, такъ странно вызванное шуткой, оставило, повидимому, сильное впечатлѣніе въ умѣ короля Гильперика. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, онъ не переставалъ предаваться глубокимъ размышленіямъ о невозможности убѣдить Евреевъ и привлечь ихъ, словопреніемъ, въ лоно церкви. Эти размышленія занимали его даже среди великихъ политическихъ распрей и заботъ завоевательной войны, которую велъ онъ на югѣ⁵²; послѣдствіемъ того былъ королевскій указъ 582 года, повелѣвавшій креститься всѣмъ Евреямъ, жившимъ въ Парижѣ. Это приказаніе, данное на имя графа или судьи города и написанное по обыкновенной формѣ, оканчивалось изреченіемъ, придуманнымъ королемъ, — изреченіемъ по-истинѣ варварскимъ, которое онъ привыкъ употреблять, иногда въ видѣ угрозы, иногда съ твердымъ намѣреніемъ исполнить его буквально: «Если кто ослушается нашихъ повелѣній, то наказать его, выколовъ ему глаза⁵³».

Объятые ужасомъ, Евреи повиновались и шли въ церковь внимать христіанскому поученію. Король, изъ пустаго тщеславія, не только самъ присутствовалъ, съ великою пышностью, при торжествѣ ихъ крещенія⁵⁴, но былъ даже воспріемникомъ многихъ изъ числа этихъ насильно обращенныхъ. Одинъ человекъ однако дерзнулъ ему

воспротивиться и отказаться отъ отступничества; это былъ тотъ самый Прискъ, который такъ упорно спорилъ. Гильперикъ явилъ терпѣливость; онъ снова пытался убѣдить мудрствующій умъ Еврея, его оспоривавшаго⁵⁵; но послѣ бесполезнаго увѣщанія, увидѣвъ безсиліе своего краснорѣчія, вскричалъ съ гнѣвомъ: «Если онъ не хочетъ вѣровать по доброй волѣ, то я силой заставлю его увѣровать⁵⁶». Еврей Прискъ, вверженный въ темницу, не терялъ бодрости; искусно воспользовавшись тонкимъ знаніемъ королевскаго характера, онъ затронулъ его слабую сторону и предложилъ ему богатые дары, съ условіемъ получить въ замѣнъ того кратковременную отсрочку. «Сынъ мой» говорилъ онъ: «долженъ въ скоромъ времени вступить въ супружество съ Еврейкою изъ Марсели; мнѣ нужно совершить только этотъ бракъ, послѣ чего я покорюсь, какъ и другіе, и перемѣню вѣру⁵⁷». Справедливъ ли былъ предлогъ и искренно ли обѣщаніе, Гильперикъ о томъ не заботился; прелесть золота въ мигъ укротила въ немъ ревность къ обращенію въ православіе, и онъ приказалъ освободить своего повѣреннаго. Такимъ образомъ одинъ Прискъ остался твердымъ и чистымъ совѣстью въ кругу своихъ единовѣрцевъ, которые, колеблясь между угрызеніями совѣсти и страхомъ, собирались втайнѣ праздновать субботу, а на другой день присутствовали при христіанскомъ церковнослуженіи⁵⁸.

Въ числѣ тѣхъ новообращенныхъ, которыхъ король Гильперикъ удостоилъ чести быть духовнымъ отцемъ, былъ нѣкто Фатиръ, родомъ изъ Бургундскаго Королевства, въ недавнее время поселившійся въ Парижѣ. Мрачный характером, едва отступилъ онъ отъ вѣры своихъ предковъ, какъ почувствовалъ глубокое раскаяніе; позоръ, въ

который, какъ ему казалось, онъ себя повергнулъ, вскорѣ сдѣлался для него невыносимымъ. Вся горечь размышленій его превратилась въ жестокую зависть къ Приску, болѣе его счастливому, который могъ величаться, что остался чистъ отъ стыда и мученій, терзающихъ сердце отступника⁵⁹. Эта ненависть, питаемая въ тиши, возрасла до изступленія, и Фатиръ рѣшился умертвить того, чьему счастью завидовалъ. Всякій субботний день Прискъ отправлялся тайно исполнять обряды іудейскаго богослуженія въ одинъ отдаленный домъ, находившійся къ югу отъ города, на одной изъ двухъ римскихъ дорогъ, сходящихся по близости небольшого моста. Фатиръ вознамѣрился ждать его на пути, и взявъ съ собою рабовъ, вооруженныхъ кинжалами и мечами, расположился въ засадѣ на паперти базилики святаго Юліана. Несчастный Прискъ, ничего не подозрѣвая, шель своей дорогой; по обычаю Евреевъ, отправлявшихся въ храмъ, онъ не имѣлъ на себѣ никакого оружія и подпоясался покрываломъ, которымъ долженъ былъ накрыть голову во время молитвы и пѣнія псалмовъ⁶⁰. Его сопровождали нѣкоторые изъ друзей, но также, какъ и онъ, безоружные. Лишь только Фатиръ увидѣлъ ихъ въ близкомъ отъ себя разстояніи, какъ напалъ на нихъ съ мечемъ въ рукахъ, предводительствуя своими рабами, которые, одушевляясь яростью своего господина, рубили безъ разбора и подвергли одинаковой участи Приска и друзей его. Послѣ того, бросясь въ самое близкое и надежное убѣжище, убійцы укрылись всѣ вмѣстѣ въ базиликѣ св. Юліана⁶¹.

Оттого ли, что Прискъ пользовался у жителей Парижа большимъ уваженіемъ, или одного вида труповъ, разбросанныхъ на мостовой, достаточно было для

возбужденія общаго негодованія, только народъ сбѣжался на мѣсто преступленія и значительная толпа, требуя смерти убійць, окружила со всѣхъ сторонъ базилику. Причетники, составлявшіе церковную стражу, такъ перепугались, что точтася же послали въ королевскій дворець, прося помощи и наставленія, какъ дѣйствовать. Гильперикъ велѣлъ отвѣчать, что желаетъ, чтобы жизнь крестнаго его сына Фатира была спасена, но что рабы должны быть изгнаны изъ обители и казнены смертію. Рабы эти, вѣрные до конца господину, которому служили въ добрѣ и злѣ, безъ ропота видѣли, какъ онъ убѣжалъ одинъ, при пособіи церковниковъ, и приготовились къ смерти⁶². Во избежаніе истязаній, которыми грозилъ имъ народный гневъ, и пытки, которая, по судебному порядку, должна была предшествовать казни, они единогласно положили, что одинъ изъ нихъ умертвить всѣхъ другихъ и потомъ поразить самага себя, и избрали того, кто долженъ былъ исполнить обязанность палача. Рабъ, которому поручалось привести въ исполненіе это единодушное рѣшеніе, пронзилъ своихъ товарищей, одного за другимъ; но когда остался одинъ, то поколебался направить желѣзо на собственную свою грудь⁶³. Неясная надежда на спасеніе, или мысль продать свою жизнь по-крайней-мѣрѣ за дорогую цѣну, побудила его выбѣжать изъ базилики въ средину собравшагося народа. Размахивая мечемъ, еще покрытымъ кровью, онъ пытался пробиться сквозь толпу; но послѣ кратковременной борьбы былъ подавленъ числомъ и погибъ, тяжело изувѣченный⁶⁴. Фатиръ, для собственной безопасности, выпросилъ у короля дозволеніе возвратиться въ страну, изъ которой прибылъ; онъ отправился въ королевство Гонтрана, но родные Приска

пустились по его слѣдамъ, настигли и смертію его отмстили убійство своего родственника⁶⁵.

Пока это происходило в Парижѣ, неожиданное происшествіе взволновало, въ концѣ 582 года, городъ Туръ, уже три года наслаждавшійся миромъ подъ управленіемъ новаго своего графа, Евномія. Тамъ снова явился Левдасть, бывшій графъ, и не таинственно, а явно, съ обычною своею самоувѣренностью и кичливостью. Онъ имѣлъ при себѣ королевскій указъ, которымъ дано было ему право возвратитъ изъ ссылки жену, вступить въ обладаніе недвижимымъ имуществомъ и жить въ прежнемъ своемъ домѣ⁶⁶. Этою милостью, казавшуюся ему первымъ шагомъ къ новому возвышенію, онъ обязанъ былъ ходатайству многочисленныхъ друзей своихъ при дворѣ, изъ числа вождей франкскаго племени, сочувствовавшихъ ему по буйству характера. Въ-продолженіи почти двухъ лѣтъ они не переставали докучать настояніями своими, то королю Гильперіку, то членамъ бренскаго собора, то самой Фредегондѣ, сдѣлавшейся доступнѣе по смерти обоихъ сыновей, обезпечивавшихъ ея участь въ будущемъ. Уступая необходимости пріобрѣсть любовь народа, и заглушая, ради предусмотрительности, свою ненависть и жажду мщенія, она съ своей стороны согласилась на снятіе съ челоука, обвинявшаго ее въ прелюбодѣянніи, отлученія, надъ нимъ тяготѣвшаго. Пользуясь этимъ обѣщаніемъ забвенія и помилованія, друзья Левдаста стали еще усильнѣе ходатайствовать у епископовъ. Они ходили отъ одного къ другому, прося скрѣпить бумагу, въ которой, въ видѣ пастырскаго посланія, было написано, что осужденный по бренскому приговору можетъ быть снова принятъ въ лоно церкви и допущенъ къ христіанскому

причащенію. Имъ удалось такимъ образомъ получить согласіе и собрать подписи довольно большаго числа епископовъ; но, или по какой-то осторожности, или изъ опасенія неудачи, не было сдѣлано никакого сношенія съ тѣмъ, кого Левдасть хотѣлъ погубить своимъ лживымъ обвиненіемъ.

Потому-то Григорій и былъ крайне удивленъ, узнавъ, что злѣйшій врагъ его, отлученный соборомъ и изгнанный королемъ, возвратился, съ милостивымъ указомъ, на жительство въ турецкую землю. Онъ былъ изумленъ еще болѣе, когда посланный отъ Левдаста представилъ ему бумагу, скрѣпленную епископами и просилъ его согласиться съ ними на снятіе съ негоотлученія⁶⁷. Подозрѣвая какой-нибудь новый замыселъ, изобретѣнный съ цѣлю опутать его, Григорій сказалъ посланному: «Можешь ли показать мнѣ также письмо королевы, за которую преимущественно онъ былъ лишенъ христіанскаго причащенія»? Отвѣтъ былъ отрицательный, и Григорій продолжалъ: «Когда я увижу повелѣніе королевы, тогда немедленно допущу его къ причащенію⁶⁸». Благоразумный епископъ не довольствовался этими словами; онъ отправилъ нарочнаго освѣдомиться, отъ своего имени, на счетъ подлинности представленной ему бумаги и намѣреній королевы Фредегонды. Она отвѣчала на его вопросы письменно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Понуждаемая множествомъ лицъ, я не могла не дозволить ему отправиться въ Туръ; нынѣ прошу тебя не соглашаться на примиреніе съ нимъ и не давать ему изъ рукъ твоихъ евлогій, пока мы окончательно не придумаемъ, какъ поступить лучше⁶⁹».

Епископъ Григорій зналъ языкъ Фредегонды; онъ ясно видѣлъ, что она помышляла не о прощеніи, но о мести и убійствѣ⁷⁰. Забывая личныя свои оскорбленія, онъ сжалился надъ человѣкомъ, который нѣкогда замышлялъ его погибель, а нынѣ самъ себя предавалъ, по недостатку разсудительности и благоразумія. Онъ призвалъ къ себѣ тестя Левдаста и, показавъ ему записку зловѣщей краткости, убѣждалъ употребить осторожность и присовѣтовать зятю снова укрыться, пока онъ вполнѣ не увѣрится въ смяченіи королевы⁷¹. Но этотъ совѣтъ, внушенный евангельскою любовью, былъ и не понятъ и дурно принятъ. Левдастъ, судя о другихъ по самому себѣ, вообразилъ, что человѣкъ, которому онъ былъ врагомъ, могъ только думать о томъ, какъ бы разставить ему сѣти или обмануть его. вмѣсто того, чтобы явиться болѣе осмотрительнымъ, онъ какъ-будто принялъ совѣтъ въ обратномъ смыслѣ и, перейдя отъ безпечности къ самой дерзкой отвагѣ, рѣшился представиться лично королю Гильперіку. Онъ выѣхалъ изъ Тура въ половинѣ 583 года и отправился по дорогѣ къ городу Мелёну, который въ то время король лично держалъ въ осадѣ⁷².

Эта осада была только введеніемъ къ полному вторженію во владѣнія короля Гонтрана, задуманному Гильперікомъ съ тѣхъ поръ, когда прежнія честолюбивыя желанія его осуществились завоеваніемъ почти всѣхъ аквитанскихъ городовъ. Сдѣлавшись, менѣе нежели въ шесть лѣтъ, при помощи воинскихъ дарованій Галло-Римлянина Дезидерія⁷³, единственнымъ обладателемъ обширнаго пространства земель, лежавшихъ между южными предѣлами Берри, Луарою, Океаномъ, Пиренеями, Одою и Севеннами, онъ задумалъ, можетъ быть, по внушенію того

же отважнаго воина. Еще болѣе смѣлое предпріятіе присоединить къ нейстрѣскимъ провинціямъ цѣлое королевство Бургундовъ. Для обезпеченія успѣха въ этомъ трудномъ дѣлѣ, онъ завелъ интриги съ главнѣйшими вельможами Австразіи, многихъ подкупилъ и принялъ посольство, отправленное ими для заключенія съ нимъ, отъ имени юнаго короля Гильдеберта, наступательнаго союза противъ Гонтрана⁷⁴. Договоръ былъ составленъ и подтвержденъ взаимными клятвами въ первыхъ мѣсяцахъ 583 года; вслѣдъ за тѣмъ король Гильперикъ собралъ войско и началъ съ своей стороны войну, не дожидаясь дѣйствительнаго содѣйствія австразійскихъ силъ⁷⁵.

Планъ его дѣйствій, въ которомъ легко увидать вліяніе посторонняго болѣе высокаго ума, былъ новымъ плодомъ совѣтовъ искуснаго галлоримскаго вождя, онъ состоялъ въ предварительномъ покореніи, внезапнымъ нападеніемъ, двухъ главнѣйшихъ пунктовъ восточной границы королевства Бургундовъ, города Буржа и замка Мелёна. Король самъ хотѣлъ предводительствовать арміею, назначенною на этотъ второй пунктъ, а дѣйствія противъ Буржа, съ многочисленнымъ войскомъ, набраннымъ на югѣ отъ Луары, предоставилъ Дезидерію, котораго сдѣлалъ тулузскимъ герцогомъ. Повелѣніе, разосланное нейстрѣйскимъ приказомъ герцогамъ тулузскому, пуатьескому и бордоскому, вооружить поголовно земство ихъ провинцій, отличалось необыкновенно-выразительною краткостію: «Вступите въ буржскую землю и, достигнувъ города, заставьте его присягнуть намъ въ вѣрности⁷⁶.

Пуатьескій герцогъ Берульфъ призвалъ къ войнѣ Пуату, Турень, Анжу и нантскій округъ; Бладасть, герцогъ

бордоскій, вооружилъ жителей обоихъ береговъ Гаронны, а герцогъ тулузскій Дезидерій собралъ подъ своими знаменами вольныхъ людей изъ окрестностей Тулузы, Альби, Кагора и Лиможа. Эти послѣдніе два вождя, соединивъ свои силы, вступили въ Берри съ юга, а герцогъ Берульфъ съ запада⁷⁷. Обѣ наступательныя арміи состояли почти исключительно изъ людей галло-римскаго племени; одна изъ южныхъ, бывшая подъ начальствомъ Дезидерія, лучшаго изъ нейстрійскихъ вождей, опередила другую, и не смотря на огромное разстояніе, которое ей слѣдовало пройти, первая достигла буржскихъ предѣловъ. Узнавъ о приближеніи непріятеля, жители Буржа и его округа не уstraшились грозившей имъ опасности. Буржь, когда-то одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и воинственныхъ городовъ въ Галліи, сохранялъ древнія преданія о своей славѣ и силѣ; въ немъ чувство народной гордости было связано съ воспоминаніями о прежнемъ значеніи своемъ подъ римскимъ управленіемъ, которыми онъ пользовался тогда какъ главный городъ провинціи, замѣчательный великолѣпіемъ своихъ общественныхъ зданій и знатностью туземныхъ сенаторскихъ фамилій.

Такой городъ, хотя и былъ въ упадкѣ со времени владычества варваровъ, однако могъ представить доказательства своей силы, и не легко было принудить его къ тому, чего онъ не желалъ самъ. Потому ли, что о правленіи Гильперика шла дурная слава, или потому, что буржскіе граждане не хотѣли переходить изъ одной власти подъ другую, только они твердо стояли за ту, которой были подчинены со времени сліянія прежняго Орлеанскаго Королевства съ королевствомъ Бургондовъ. Рѣшась не только выдержать осаду, но даже идти на встрѣчу

непріятеля, они выслали изъ города пятнадцать тысячъ ратниковъ въ полномъ боевомъ вооруженіи⁷⁸.

Это войско встрѣтило, въ нѣсколькихъ лье къ югу отъ Буржа, армію Дезидерія и Бладаста, несравненно сильнѣйшую и сверхъ того имѣвшую преимущество находится подъ предводительствомъ искуснаго полководца. Не смотря на такія невыгоды, Беррійцы не поколебались начать битву; они стояли твредо и бой былъ такъ кровопролитенъ, что погибло, по слухамъ, до семи тысячъ человѣкъ съ той и другой стороны⁷⁹. Сначала оттѣсненные назадъ, южане одолѣли подъ конецъ численнымъ превосходствомъ. Гоня передъ собою остатки побѣжденнаго войска, они продолжали идти на Буржъ и, словно варварскія орды, предавали разоренію все встрѣчавшееся на дорогѣ: они жгли дома, грабили церкви, вырывали виноградныя лозы и срубали на корню деревья. Такимъ образомъ дошли они до стѣнъ Буржа, подъ которыми присоединилась къ нимъ армія Берульфа.⁸⁰ Городъ заперъ ворота и пораженіе гражданъ его въ открытомъ полѣ не сдѣлало его ни менѣ гордымъ, ни болѣ расположеннымъ къ сдачѣ на предложенія нестрійскихъ вождей. Дезидерій и оба его сподвижника обложили городъ со всѣхъ сторонъ и, по забытымъ преданіямъ римскаго военнаго искусства, начали проводить свои линіи и строить осадныя машины⁸¹.

Сборнымъ мѣстомъ для войска, которое должно было дѣствовать противъ Мелёна, назначенъ былъ городъ Парижъ; въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оно стекалось туда со всѣхъ сторонъ и причиняло жителямъ всякаго рода убытки и притѣсненія⁸². Въ этой арміи, набранной на сѣверѣ и въ срединѣ Нейстріи, большинство

составляли люди франкскаго происхожденія, а туземное галльское племя было въ меньшемъ числѣ. Когда Гильперикъ увѣрился, что собралъ довольно народа, то отдалъ приказъ къ выступленію и пошелъ, во главѣ своей дружины, по юговосточной римской дорогѣ. Войска слѣдовали вдоль по лѣвому берегу Сены, которая, въ недалнемъ разстояніи отъ Парижа, принадлежала королевству Гонтрана. Они шли безпорядочно и нестройно, разсыпаясь вправо и влѣво для грабежей и поджоговъ; расхищали имущество въ домахъ, скотъ, лошадей и людей, которыхъ, связавъ попарно, гнали какъ военноплѣнныхъ, позади длинной вереницы повозокъ⁸³.

Всѣ села, лежавшія къ югу отъ Парижа, отъ Этампа до Мелёна, были раззорены; опустошеніе коснулось самыхъ окрестностей послѣдняго города, когда нейстрійскія дружины остановились осаждать его. Подъ руководствомъ такого неопытнаго вождя, каковъ былъ Гильперикъ, осада эта не могла не быть продолжительною. Мелёнскій замокъ, построенный, подобно Парижу, на островѣ Сены, считали тогда, по его положенію, весьма крѣпкимъ мѣстомъ; онъ былъ почти безопасенъ отъ ярыхъ, но неискусныхъ нападеній скопища людей, незнакомыхъ съ осадными работами и только способныхъ на то, чтобъ подѣхать къ нему на лодкахъ и отважно сразиться подъ его стѣнами. Дни и мѣсяцы проходили въ бесполезно возобновляемыхъ попыткахъ къ приступу, гдѣ франкскіе воины, конечно, совершили многіе подвиги храбрости, но наконецъ потеряли терпѣніе. Скучая продолжительною стоянкой, они все болѣе и болѣе выходили изъ повиновенія, пренебрегали службой и дѣятельно занимались только разѣздами для отысканія добычи⁸⁴.

Таковъ былъ духъ арміи, стоявшей подъ Мелёномъ, когда Левдасть, съ надеждою и увѣренностію, прибылъ въ главную квартиру короля Гильперика. Онъ былъ радушно принятъ воинами, которые снова нашли въ немъ стараго сотоварища, храбраго въ битвѣ, веселаго за столомъ и смѣлаго въ игрѣ; но когда онъ пытался получить доступъ къ особѣ короля, то всѣ его просьбы и даже ходатайства самыхъ знатныхъ и сильныхъ друзей были отвергнуты. Когда гнѣвъ Гильперика утихалъ и не страдали его матеріальныя выгоды, тогда онъ легко прощаль оскорбленія и потому, вѣроятно, уступилъ бы просьбамъ окружавшихъ и допустилъ бы къ себѣ обвинителя Фредегонды, еслибъ не былъ удерживаемъ боязнію разгнѣвать королеву и навлечь на себя ее упреки. Бывшій графъ турскій, тщетно прибѣгавшій къ посредничеству владѣтелей и вождей, рѣшился на другое средство: приобрѣсть любовь нисшихъ рядовъ арміи и возбудить въ свою пользу участіе большинства⁸⁵.

Благодаря самымъ недостаткамъ его характера, странной причудливости и безграничной хвастливости, онъ успѣлъ въ томъ совершенно и толпа, сдѣлавшаяся отъ праздности любопытною и воспріимчивою, скоро одушевилась самымъ пламеннымъ къ нему участіемъ. Когда, по его мнѣнію, настала пора испытать свою популярность, онъ потребовалъ, чтобы вся армія просила короля допустить его къ себѣ, и однажды, когда Гильперикъ объѣзжалъ ряды ставокъ онъ внезапно услышавъ эту просьбу, произнесенную тысячью голосовъ⁸⁶. Ходатайство вооруженной толпы, нейстройной и недовольной, было приказаніемъ: король согласился изъ опасенія, чтобы отказъ не возбудилъ мятежа, и объявилъ, что бренскій

изгнанникъ можетъ ему представиться. Левдасть тотчасъ же явился и палъ къ ногамъ короля, прося помилованія. Гильперикъ приказалъ ему встать, сказалъ, что искренно его прощаетъ, и примолвилъ съ видомъ почти отеческой благосклонности: «Веди себя благоразумно, пока я не увижусь съ королевой и она тебя не помилуетъ; ибо ты знаешь, что она въ правѣ считать тебя весьма виноватымъ⁸⁷».

Между-тѣмъ слухъ о двойномъ нападеніи на Мелёнъ и на Буржъ вывелъ короля Гонтрана изъ его бездѣйствія и обычной вовсе невоинственной безопасности. Со времени первыхъ побѣдъ Нейстрійцевъ въ Аквитаніи, онъ оказывалъ помощь городамъ своего удѣла только присылкою воеводъ, а самъ никогда не принималъ начальства надъ войскомъ. Угрожаемый прорывомъ западной своей границы въ двухъ различныхъ пунктахъ и вторженіемъ Нейстрійцевъ въ самое сердце своего королевства, онъ вознамѣрился лично идти на нейстрійскаго короля и вызвать его на рѣшительную битву, которая, по его убѣжденію, гдѣ германскія преданія смѣшивались съ христіанскими понятіями, долженствовала быть судомъ Божиимъ. Онъ приготовился на это великое дѣло молитвою, постомъ и раздачею милостыни и, собравъ лучшія свои войска, пошелъ съ ними къ Мелёну⁸⁸.

Въ недалнемъ разстояніи отъ этого города и становищъ Гильперика, Гонтранъ остановился, и какъ ни твердо было упованіе его на небесное покровительство, однако, по свойственной ему осторожности, онъ захотѣлъ на свободѣ вывѣдать размѣщеніе и готовность непріятели къ бою. Онъ не замедлилъ узнать о безпорядкѣ, царствовавшемъ въ

станѣ Нейстрійцевъ, и о безопасности, съ какою содержалась въ немъ стража днемъ и ночью. Собравъ эти свѣдѣнія, Гонтранъ распорядился такъ, чтобы подойти какъ можно ближе къ осаждающему войску, не возбуждая его опасеній и бдительности; и однажды вечеромъ, когда не малая часть войска разсѣялась въ полѣ для добыванія корма и для грабежа, пользуясь случаемъ, онъ произвелъ на оставленныя линіи внезапное и искусное нападеніе. Нейстрійскіе ратники, застигнутые въ своемъ станѣ въ такое время, когда менѣе всего помышляли о битвѣ, не могли выдержать удара нападающихъ, а отряды кормовщиковъ, возвращавшихся въ разсыпную, были изрублены поголовно. Въ нѣскольکو часовъ король Гонтранъ овладѣлъ полемъ битвы и такимъ образомъ одержалъ, какъ военачальникъ, свою первую и послѣднюю побѣду⁸⁹.

Не извѣстно, каково было участіе короля Гильперика въ этой кровавой схваткѣ; во время дѣла онъ, можетъ-быть, совершилъ чудеса храбрости, но послѣ пораженія, когда надлежало собрать остатки арміи и напасть въ свою очередь, у него не достало рѣшимости. Такъ какъ онъ былъ вообще не дальновиденъ, то малѣйшая неудача его смущала и внезапно лишала всякой бодрости и присутствія духа. Получивъ отвращеніе къ дѣлу, для котораго было поднято такое многочисленное войско, онъ помышлялъ только о мирѣ и рано утромъ послѣ бѣдственной ночи послалъ къ королю Гонтрану просить примиренія. Гонтранъ, всегда миролюбивый и нисколько не упоенный гордостью побѣды, самъ питалъ одно только желаніе поскорѣе кончить раздоръ и возвратиться къ спокойствію. Онъ отправилъ отъ себя пословъ, которые, встрѣтясь съ

уполномоченными Гильперика, заключили съ ними мирный договоръ отъ имени обоихъ королей⁹⁰.

По этому договору, составленному на основаніи древнихъ германскихъ обычаевъ, короли условливались между собою, не какъ независимые государи, но какъ члены одного племени, подчиненные, не смотря на свой санъ, высшей власти, — законамъ народнымъ. Они согласились положиться на судъ старшинъ, избранныхъ изъ среды народа и духовенства и обещали другъ другу, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ уличенъ въ нарушеніи закона, долженъ подчиниться условіямъ противника и дать ему вознагражденіе по приговору судей⁹¹. Чтобы согласить слова свои съ дѣломъ, нейстріскій король немедленно отправилъ къ тремъ герцогамъ, осаждавшимъ Буржъ, приказаніе снять осаду и очистить страну, самъ же возвратился въ Парижъ съ своимъ войскомъ, сократившимся въ числѣ, со множествомъ раненныхъ, и не столь грознымъ съ вида, но такъ же нестройнымъ и алчнымъ къ грабежу, какъ и прежде⁹².

Такъ-какъ миръ былъ заключенъ, то возвратный путь предстоялъ черезъ дружественныя земли; но нейстріскіе ратники нисколько о томъ не думали и снова начали по дорогѣ грабить, разорять и брать плѣнниковъ. По добросовѣстности ли, которая, впрочемъ, не была въ характерѣ Гильперика, или по запоздалому чувству потребности порядка, король съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на этотъ разбой и рѣшился обуздать его. Переданное имъ всѣмъ начальникамъ дружинъ приказаніе наблюдать за своими людьми и строго ихъ удерживать, было такъ необыкновенно, что встрѣтило сопротивление; франкскіе вожди роптали и одинъ изъ нихъ, графъ

руанскій, объявилъ, что никому не воспретить того, что всегда было дозволено. Но лишь только слова эти перешли въ дѣйствіе, Гильперикъ внезапно обнаружилъ энергію, приказалъ схватить графа и предать его смерти, для примѣра другимъ. Кромѣ того, онъ велѣлъ возвратить добычу и освободить плѣнныхъ, — мѣры, которыя, бывъ приняты во-время, безъ сомнѣнія, отвратили бы самую неудачу похода⁹³. Такимъ образомъ онъ возвратился въ Парижъ и болѣе властный надъ своимъ войскомъ и болѣе способный предводить имъ, нежели какимъ былъ при выступленіи; къ-несчастью — эти существенныя качества военачальника развились въ немъ не въ пору, потому-что въ то время онъ думалъ только о мирѣ. Жестокій урокъ мелёнской битвы положилъ конецъ его завоевательнымъ видамъ, и съ-тѣхъ-поръ онъ помышлялъ лишь о томъ, какъ удержать хитростію то, что пріобрѣлъ силой.

Левдасть возвратился живъ и здоровъ и послѣдовалъ за королемъ въ Парижъ, гдѣ была тогда Фредегонда. вмѣсто того, чтобъ избѣгать этого опаснаго для себя города или только пройти его съ войскомъ, онъ тамъ остановился, надѣясь, что милостивое расположеніе мужа будетъ, въ случаѣ нужды, защитою противъ злобы жены⁹⁴. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ безъ большихъ предосторожностей, не видя ни угрозы, ни гоненія, онъ счелъ себя помилованнымъ королевою и полагалъ, что настало время ей представиться. Въ одно воскресенье, когда король и королева были вмѣстѣ у обѣдни въ парижскомъ соборѣ, Левдасть отправился въ церковь, прошелъ съ самымъ смѣлымъ видомъ сквозь толпу, окружавшую королевское мѣсто, и бросаясь въ ноги

Фредегондѣ, вовсе не ожидавшей его видѣть, молилъ ее о прощеніи⁹⁵.

При такомъ внезапномъ появленіи человѣка, смертельно ей ненавистнаго, пришедшаго, какъ ей казалось, не просить у нея помилованія, но издѣваться надъ ея гнѣвомъ, королевой овладѣла сильнѣйшая досада. Краска выступила на лицѣ ея, слезы потекли по щекамъ, и бросивъ на мужа, неподвижно стоявшаго подѣ нея, взглядъ, выражавшій горькое презрѣніе, она воскликнула: «Если нѣтъ болѣе у меня сыновей, на которыхъ могла бы я возложить отмщеніе моихъ оскорбленій, то Тебѣ, Господи Иисусе, поручаю отмстить ихъ!⁹⁶». Потомъ, какъ-бы въ послѣдний разъ обращаясь къ совѣсти того, чей долгъ былъ защищать ее, она бросилась въ ноги королю и сказала съ выраженіемъ сильной горести и оскорбленнаго достоинства: «Горе мнѣ, видящей врага своего и безсильной передъ нимъ⁹⁷». Эта странная сцена взволновала всѣхъ присутствующихъ, въ особенности короля, на котораго падали всѣ упреки и укоры за слишкомъ скорое прощеніе обиды, нанесенной его супругѣ. Чтобъ искупить свою преждевременную снисходительность, онъ приказалъ изгнать Левдаста изъ церкви, давъ себѣ слово предоставить его, безъ всякой жалости и защиты, мщенію Фредегонды. Когда стражи исполнили полученное ими приказаніе и волненіе утихло, тогда снова началось церковнослуженіе, на время прерванное и продолжалось безъ новаго приключенія⁹⁸.

Выведенный изъ церкви и оставленный на произволь бѣжать куда угодно, Левдасть не подумалъ воспользоваться такимъ счастіемъ, которымъ одолженъ былъ только поспѣшности, съ какою Гильперикъ отдалъ приказаніе. вмѣсто того, чтобъ убѣдиться наконецъ въ

опасности своего положенія, онъ вообразилъ, что неудача его у королевы произошла отъ того, что онъ плохо взялся за дѣло, такъ неожиданно ей явившись, и что ему слѣдовало бы предупредить прошеніе свое какимъ-либо дорогимъ подаркомъ. Эта безразсудная мысль превозмогла въ немъ всѣ другія, и онъ рѣшился остаться въ городѣ и тотчасъ же побывать въ лавкахъ самыхъ знаменитыхъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ и торговцевъ тканями⁹⁹.

Подлѣ собора, на пути изъ церкви въ королевскій дворецъ, находилась обширная площадь вблизи отъ моста, соединявшаго оба берега южнаго рукава Сены. Эта площадь, назначенная для торга, окружена была прилавками и кладовыми, въ которыхъ разложены были разнаго рода товары¹⁰⁰. Бывшій турскій графъ ходилъ по площади, изъ одной лавки въ другую¹⁰¹, разсматривалъ все съ любопытствомъ, представляя изъ себя богача, рассказывалъ о своихъ дѣлахъ и говорилъ присутствовавшимъ: «Я понесъ большія потери, но у меня осталось еще много золота и серебра». Потомъ, размышляя про себя, какъ знатокъ, чтобы ему выбрать лучше, онъ ощупывалъ ткани, примѣривалъ на себя драгоценные каменья, взвѣшивалъ въ рукѣ дорогую посуду, а когда выборъ былъ сдѣланъ, то говорилъ громко и съ чванствомъ: «Это хорошо; отложите въ сторону; я намѣренъ это все взять¹⁰²».

Пока онъ торговалъ такимъ-образомъ разныя дорогія вещи, не заботясь о томъ, найдется ли, чѣмъ за нихъ заплатить, обѣдня кончилась и правовѣрные толпой вышли изъ церкви. Король и королева шли вмѣстѣ и, избравъ кратчайшую дорогу ко дворцу, переходили черезъ

торговую площадь¹⁰³. Слѣдовавшая за ними свита и народъ, разступавшійся передъ ними, возвѣстили Левдасту ихъ приближеніе; но это его не смутило и онъ продолжалъ разговаривать съ купцами подъ деревяннымъ навѣсомъ, окружавшимъ площадь и служившимъ какъ бы сѣнами для разныхъ лавокъ¹⁰⁴. Хотя Фредегонда не имѣла никакого повода ожидать тутъ съ нимъ встрѣчи, однако съ перваго взгляда быстрого, какъ у хищной птицы, она отличила своего врага въ толпѣ покупающихъ и гуляющихъ. Она прошла мимо, чтобъ не запугать человѣка, котораго хотѣла схватить навѣрное, но лишь-только ступила на порогъ дворца, какъ послала нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ слугъ, храбрыхъ и ловкихъ, съ приказаніемъ подстеречь Левдаста, схватить его живаго и привестъ къ ней связаннаго¹⁰⁵.

Чтобы подойти къ нему, не внушая никакого опасенія, слуги королевы сложили свое оружіе, мечи и щиты, за однимъ изъ столбовъ навѣса; потомъ, условившись въ дѣствіи, подошли къ Левдасту такимъ образомъ, что бѣгство и сопротивленіе были для него невозможны¹⁰⁶. Но планъ этотъ былъ дурно исполненъ, и одинъ изъ нихъ, отъ излишняго нетерпѣнія, бросился на Левдаста прежде, нежели другіе приблизились на столько, чтобъ окружить его и обезоружить. Бывшій турскій графъ, угадывая угрожающую ему опасность, ображилъ мечъ и ударилъ имъ напавшаго на него человѣка. Товарищи сего послѣдняго отступили на нѣсколько шаговъ и, сбѣгавъ за оружіемъ, снова приступили къ Левдасту, вооружившись щитами и мечами; раздраженные его сопротивленіемъ, они рѣшились не щадить его жизни¹⁰⁷. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Левдастъ получилъ въ этой неравной борьбѣ

ударъ мечемъ въ голову, сорвавшій волосы и кожу съ бѣльшей части черепа, но не смотря на рану, ему удалось оттѣснить бывшихъ передъ нимъ непріятелей; онъ убѣжалъ, облитый кровью, къ мосту, въ надеждѣ уйдти изъ города южными воротами¹⁰⁸.

Мостъ этотъ былъ деревянный и его разрушенное состояніе показывало или слабость городскихъ властей, или грабительство и лихоимство чиновниковъ королевской казны. Въ немъ были мѣста, гдѣ доски, сгнѣвшая отъ ветхости, образовали отверстія между перекладинами и заставляли прохожихъ ходить съ осторожностью. Тѣснимый по пятамъ въ своемъ бѣгствѣ и принужденный перебѣжать черезъ мостъ во всю прыть, Левдастъ не имѣлъ времени разбирать дорогу: одна нога его, попавъ между двумя дурно сплоченными бревнами, завязла въ нихъ такъ, что онъ упалъ навзничъ и переломилъ себѣ ногу¹⁰⁹. Воспользовавшись этимъ случаемъ, гнавшіеся за Левдастомъ схватили его, связали ему руки за спину, и такъ какъ не могли представить его въ такомъ положеніи королевѣ, то взвалили на лошадь и повезли въ городскую тюрьму, въ ожиданіи новыхъ повелѣній¹¹⁰.

Приказанія даны были самимъ королемъ, который, отъ нетерпѣнія примириться съ Фредегондой, думалъ угодить ей чѣмънибудь, что было бы ей вполне пріятно. Не питая ни малѣйшей жалости къ несчастному, чьи дерзновенныя мечты и безразсудную отвагу поддерживали собственныя его обѣщанія, милости и прощенія, онъ сталъ придумывать, къ какому роду смерти приговорить Левдаста, соображая въ умѣ своемъ выгоды и недостатки разнаго рода казней, желая угадать, которая изъ нихъ въ состояніи лучше удовлетворить мщенію королевы. Послѣ

зрѣлыхъ размышленій, обдуманнхъ съ жестокимъ хладнокровіемъ, Гильперикъ нашель, что плѣнникъ, такъ опасно раненный и обезсиленный потерей крови, не можетъ выдержать даже слабыхъ мученій и потому рѣшилъ приказать его вылечить, чтобы дать ему возможность до конца перенести всѣ истязанія медленной казни¹¹¹.

Ввѣренный заботливости самыхъ искусныхъ врачей, Левдасть былъ переведенъ изъ своей нездоровой тюрьмы за городъ, въ одно изъ королевскихъ помѣстій, дабы чистый воздухъ и пріятность мѣстоположенія ускорили его выздоровленіе. Его увѣрили, можетъ-быть, по тонкости варварскихъ предосторожностей, что такое кроткое съ нимъ обхожденіе было знакомъ милосердія, и что онъ будетъ освобожденъ по выздоровленіи; но все было бесполезно: антоновъ агонь обнаружился въ его ранахъ и онъ впалъ въ безнадежное состояніе¹¹². Когда это извѣстіе дошло до королевы, она не могла рѣшиться предоставить своего врага спокойной смерти, и пока оставалась въ немъ еще искра жизни, приказала ускорить конецъ его необыкновенною казнью, которую, повидимому, имѣла наслажденіе сама придумать. Умирающій совлеченъ былъ съ одра болѣзни и вытащенъ на мостовую, гдѣ подъ затылокъ ему подложили толстую желѣзную полосу, а человѣкъ, вооруженный другою такою же полосой, ударялъ его по горлу, и повторялъ удары свои до тѣхъ поръ, пока тотъ не испустилъ послѣдняго вздоха¹¹³.

Такъ прекратилось исполненное превратностей существованіе этого выскочки VI вѣка, сына галло-римскаго раба, вознесеннаго королевскою милостью до сана равнявшаго его вождямъ завоевателямъ Галліи. Если

имя Левдаста, едва упоминаемое въ самыхъ многотомныхъ историяхъ Франціи, не заслуживаетъ личнаго вниманія, то его жизнь, тѣсно связанная съ существованіемъ многихъ знаменитыхъ лицъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ эпизодовъ общей жизни того вѣка. Задачи, раздѣлявшія мнѣнія ученыхъ, разрѣшаются, такъ сказать, сами собою фактами этой любопытной исторіи. До какихъ степеней могъ достигнуть подъ франкскимъ владычествомъ Галль, и притомъ челоуѣкъ рабскаго состоянія? Какъ управлялись тогда епископальные города, подъ двойною властію своего епископа и своего графа? Какія были взаимныя отношенія этихъ двухъ властей, естественно враждебныхъ или по-крайней-мѣрѣ соперничествовавшихъ между собою? Вотъ вопросы, на которые простой отвѣтъ виденъ въ разсказѣ о приключеніяхъ сына Леокадія.

Другіе спорные историческіе вопросы, какъ мнѣ кажется поставлены предшествовавшими разсказами также внѣ всякаго основательнаго пренія. Хотя наполненные подробностями, относящимися до характеристики отдѣльныхъ личностей, однако разсказы эти имѣютъ одно общее значеніе, которое легко опредѣлить. Исторія епископа Претекстата есть картина галло-франкскаго собора; повѣствованіе о молодомъ Меровигѣ очерчиваетъ жизнь изгнанника и внутренность религіозныхъ убѣжищъ; разсказъ о Галесвинтѣ изображаетъ супружескую жизнь и домашніе нравы во дворцахъ меровингскихъ; наконецъ разсказъ об умерщвленіи Сигберта представляетъ начало продолжительной народной вражды между Австразіей и Нейстріей. Можетъ быть, эти разныя точки возрѣнія на людей и жизнь VI вѣка, вытекающая сама собою изъ простаго

повѣствованія, будутъ черезъ то самое гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе для читателя. Говорили, что цѣль историка повѣствовать, а не доказывать. Я не раздѣляю вполне этаго мнѣнія а полагаю, что въ исторіи наилучшій родъ доказательства, болѣе всего способный убѣдить не оставляя сомнѣній, заключается въ полном повѣствованіи, которое исчерпывая тексты, собираетъ всѣ отдѣльные подробности, малѣйшія указанія на факты и характеры, изъ всего этого воспроизводитъ одно цѣлое, одушевляя его сочетаніемъ науки и искусства.

¹ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. V et seq. passim.

² Fortunati, lib. IX, carm. 1, ad Chilperucum regem.

³ Священникъ Седулій жилъ въ V вѣкѣ и сочинялъ гимны и латинскія поэмы; главнѣйшая изъ нихъ называется Paschale Carmen, idest, de Ghristi miraculis libri quinque.

Прим. пер.

⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. III, стр. 260. — Ibid., стр. 291.

⁵ «Онъ прибавилъ» говоритъ Григорій Турскій «къ нашей азбукѣ многія буквы, а именно греческую ω, α, the, vni, которыя изобразимъ такъ: ω, ψ, ζ, Δ» (Greg. Turon. Hist. Franc., lib. V, apud script. rer. gallic et franc., т. II, стр. 260). — Лѣтописи разногласятъ насчетъ формы и произношенія этихъ буквъ и Эмуень (Amoïn, histoire des Francs) изображаетъ ихъ иначе, нежели Григорій Турскій. «Король Гильперикъ» говоритъ онъ: «прибавилъ къ нашимъ буквамъ греческую ω и три другія имъ самимъ изобрѣтенныя, изображаемыя и произносимыя такъ: χ ch, Θ th, φ ph.»

Прим. пер.

⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. III, стр. 260. — Ibid. стр. 291.

⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 259.

⁸ См. Fleury, Hist. ecclesiast, т. II, стр. 338.

⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 259.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

-
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid., lib. VI, стр. 266. — Adriani Valesii, Rer. franc., lib. XI, стр. 125.
- ¹⁷ Ibid., стр. 266.
- ¹⁸ Ibid., стр. 259.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid., стр. 267.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Ibid., lib. VI, т. II, стр. 267.
- ²⁶ Greg. Turon. Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 267.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Псалтирь 109 — 3.
- ²⁹ Псалтирь 106 — 20.
- ³⁰ Исаия VII
- ³¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 267.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Варухъ III, 36 — 37 — 38.
- ³⁶ Исаия VII, 14.
- ³⁷ Псалтырь XXI, 17 — 19.
- ³⁸ Ibid., LXVIII, 22.
- ³⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 268.
- ⁴⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 268.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Исаия 53 — 5.
- ⁴⁴ Ibid., 4 — 7.
- ⁴⁵ Исаия 54 — 5.
- ⁴⁶ Кн. Бытія, 49, 8 и 9.
- ⁴⁷ Greg. Turon. Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 268.
- ⁴⁸ Ibid. — Кн. Бытія, 32 — 26.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 268.
- ⁵¹ Ibid.

-
- ⁵² См. выше, рассказы третій и пятый.
- ⁵³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 275 и 291.
- ⁵⁴ Ibid., стр. 275.
- ⁵⁵ Ibid., стр. 276.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Ibid., стр. 275 — 276.
- ⁵⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 276.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Ibid., стр. 282.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid. — О раздачѣ евлогій отлученнымъ отъ церкви. — См. выше, рассказъ третій.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ См. выше, рассказъ третій.
- ⁷² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 282.
- ⁷³ См. выше, рассказъ третій.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ См. выше, рассказъ третій.
- ⁷⁶ Ibid.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 157.
- ⁸² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 281.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Adriani Valesii, rer. franc., lib. XI, стр. 157.
- ⁸⁵ Ibid., стр. 160.
- ⁸⁶ Greg. Turon. Hist. Franc., lib. VI, т. II, стр. 282.
- ⁸⁷ Ibid.
- ⁸⁸ Ibid., стр. 282 и 347.

-
- ⁸⁹ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 282. — Aimoini, *monachi Florinc. de gest. Franc.*, т. III, стр. 90.
- ⁹⁰ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 282. — Adriani Valesii, *rer. franc.*, lib. XI, стр. 158.
- ⁹¹ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 282.
- ⁹² *Ibid.*
- ⁹³ *Ibid.*
- ⁹⁴ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 283.
- ⁹⁵ *Ibid.*
- ⁹⁶ *Ibid.*
- ⁹⁷ *Ibid.*
- ⁹⁸ *Ibid.*
- ⁹⁹ Adriani Valesii, *rer. franc.*, lib. XI, стр. 161.
- ¹⁰⁰ См. Dulaure, *Histoire de Paris*, т. I.
- ¹⁰¹ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 283.
- ¹⁰² *Ibid.*
- ¹⁰³ *Ibid.*
- ¹⁰⁴ *Ibid.* — Отсутствие всякаго признака римскихъ деревянныхъ пристроекъ дозволяетъ предполагать, что всѣ строенія этой публичной площади были деревянные, что, впрочемъ, тогда было весьма обыкновенно въ сѣверныхъ городахъ Галліи. Деревянные пристройки, часто употреблявшіяся для сооруженія церквей и другихъ значительныхъ зданій, не были лишены вкуса и искусства. См. *Fortunati Carmen de Domo lignea*, т. X, стр. 583.
- ¹⁰⁵ Adriani Valesii, *rer. franc.*, lib. XI, стр. 161.
- ¹⁰⁶ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 283.
- ¹⁰⁷ *Ibid.*
- ¹⁰⁸ *Ibid.*
- ¹⁰⁹ *Ibid.*
- ¹¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹¹ *Ibid.*
- ¹¹² *Ibid.*
- ¹¹³ *Ibid.*

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

ВОЗМУЩЕНІЕ ЛИМОЖСКИХЪ ГРАЖДАНЪ. — ПОВАЛЬНАЯ БОЛѢЗНЬ. —
МАТЕРИНСКОЕ ОТЧАЯНІЕ ФРЕДЕГОНДЫ. — ИСТОРИЯ КЛОДОВИГА,
ТРЕТЬЯГО СЫНА КОРОЛЯ ГИЛЬПЕРИКА.

(580 г.).

Фредегонда также имѣла свою долю въ завоеваніяхъ нейстрійскаго короля; нѣсколько аквитанскихъ городовъ, кажется, было предоставлено ей въ пользованіе, то-есть на правѣ взиманія съ нихъ всѣхъ тѣхъ податей, которыя слѣдовали казнѣ деньгами и натурой¹. Желая какъ можно скорѣе увеличить эти доходы, добытые военнымъ счастіемъ, которые тоже счастье могло у нея похитить, она внушила королю Гильперiku мысль составить, для расширившагося его королевства, новое положеніе о распредѣленіи и окладѣ поземельныхъ налоговъ. — Поземельная подать, учрежденная въ Галліи римскимъ правительствомъ, взималась въ VI вѣкѣ еще по окладнымъ росписямъ, составленнымъ по образцу древнихъ императорскихъ росписей. Ее платили только галло-римскіе владѣльцы, а свободныя лица германскаго племени были отъ нея изъяты, по родовому обычаю и въ

слѣдствіе упорнаго сопротивленія, предъ которымъ оказывались безсильными всѣ покушенія насильства или хитрости чиновниковъ казначейства².

Такой примѣръ былъ не безъ вліянія и на туземныхъ владѣльцевъ, которые, при помощи епископовъ и высшаго городскаго духовенства, употребляли всевозможныя увертки для избѣжанія требованій и обысковъ казенныхъ сборщиковъ³. Сверхъ того, постоянно возраставшее разстройство правительственной администраціи дѣлало взиманіе податей весьма неправильнымъ, а сборъ недоимокъ ненадежнымъ. Перепись имущества и лицъ производилась только частями и становилась все рѣже и рѣже; въ дѣле налоговъ обычай стремился заступитъ мѣсто закона. Около 580 года, когда Фредегонда, не по внушенію политическихъ видовъ, а изъ свойственнаго ей корыстнаго побужденія, рѣшилась присовѣтовать общую перепись, — подати, платимыя въ Нейстрійскомъ королевствѣ съ недвижимаго имущества, распредѣлены были на томъ же основаніи, какъ и во времена короля Клотера, то-есть въ-продолженіе по крайней мѣрѣ двадцати или тридцати лѣтъ ни раскладка, ни мѣра повинностей не подверглись никакому измѣненію⁴.

Совѣтъ, поданный королевою, былъ изъ числа такихъ, которые король Гильперикъ принималъ охотно. Рѣшили, что новая раскладка податей будетъ произведена въ цѣлой Нейстріи. Исполненіе этой обширной мѣры король предоставилъ заботливости своихъ галло-римскихъ чиновниковъ, отличавшихся, по старой памяти, административнымъ искусствомъ и корыстолюбіемъ. Приступая къ дѣствіямъ по методѣ, употреблявшейся во времена императоровъ, они распредѣлили воздѣланныя

земли на разряды и наложили на нихъ подати разной величины и повинности разнаго рода. Въ-послѣдствии, королевскимъ повелѣніемъ было предписано привести въ исполненіе этотъ планъ во всѣхъ областяхъ, какъ прежде принадлежавшихъ нейстріскому королю, такъ и вновь ему подчиненныхъ. Такимъ образомъ тягости, наложенныя въ этой странѣ болѣе полувѣка назадъ на туземныхъ владѣльцевъ, вдругъ возрасли выше всякой мѣры; новыя подати, измѣняемые и увеличиваемыя не безъ нѣкотораго искусства, были наложены на всѣ промыслы и падали на орудія земледѣльческой производительности. Были налоги на поля, на лѣса, дома, на скоть, на рабовъ, но главная тягость падала на виноградники; они въ первый разъ были обложены податью по одной амфорѣ, то-есть по полумѣрѣ вина съ полдесятины. Это показываетъ, что Гильперикъ, жадный къ вещественному стяжанію, кажется, преимущественно имѣлъ тогда въ виду произведенія богатыхъ виноградниковъ Аквитаніи⁵.

Обязанность развѣзжать изъ города въ городъ и производить перепись землямъ и лицамъ, подлежащимъ налогу, обязанность въ тѣ времена очень трудная и даже не чуждая опасности, была возложена на референдарія Марка, галльскаго происхожденія, весьма ревностнаго къ пользамъ казны и искуснаго въ откладываніи на свою долю части тѣхъ суммъ, которыя онъ собиралъ⁶. Порученіе это было двоякое и могло быть исполнено двумя способами, однимъ для старыхъ нейстріскихъ владѣній, другимъ для земель вновь приобрѣтенныхъ. Окладныя росписи городовъ, принадлежащихъ Нейстріскому королевству по послѣднему раздѣлу, хранились въ королевскомъ казначействѣ; Маркъ, взявъ съ собою копіи съ этихъ

росписей, долженъ былъ повѣрить и пополнить ихъ по новымъ справкамъ. Напротивъ того, въ городахъ, приобрѣтенныхъ отъ Австріи или отъ королевства Гонтрана, онъ долженъ былъ овладѣть городскими оцѣночными вѣдомостями и повѣривъ ихъ, отправить въ королевское казнохранилище. Таково было порученіе, возложенное на галло-римскаго пристава, съ наказомъ ускорить, всею силою его власти, взиманіе новыхъ податей.

Онъ выѣхалъ изъ суассонскаго дворца, а можетъ-быть изъ какого-либо другаго сосѣдняго королевскаго мѣстопробыванія, зимою 580 года, и потому ли, что началъ объѣздъ съ сѣверныхъ городовъ, или прямо отправился въ южныя земли, только въ концѣ февраля мѣсяца онъ былъ въ Лиможѣ. Этотъ городъ, такъ часто переходившій изъ рукъ въ руки, сперва законнымъ образомъ принадлежалъ Гильперiku, пока въ-послѣдствіи не достался ему войною. Оцѣночныя вѣдомости его давнымъ-давно хранились въ нейстрійскихъ королевскихъ архивахъ, такъ-что городъ этотъ считался въ числѣ тѣхъ, гдѣ новая система взиманія податей могла быть исполнена простою повѣркой росписей; но это было возможно только при посредствѣ всенароднаго изслѣдованія и показанія землевладѣльцевъ передъ куріей, или муниципальнымъ сенатомъ. Календы, то-есть первый день марта, были, кажется, днемъ торжественнаго собранія и судебного присутствія лиможской куріи⁷. Въ этотъ день муниципальные судьи и сословіе декуріоновъ засѣдали въ судилищѣ, или разсуждали въ совѣтѣ, а сельскіе жители, землевладѣльцы или поселяне, толпами шли въ городъ по своимъ тяжбынымъ и другимъ дѣламъ. Этотъ день былъ избранъ

Маркомъ для первыхъ его дѣствій; они состояли во всенародномъ чтеніи королевскихъ повелѣній, въ склоненіи, волей или неволей, муниципальныхъ властей къ содѣйствию въ предпринимаемомъ изслѣдованіи, о состояніи владѣній, находящихся въ чертѣ городскихъ земель, въ то время весьма обширныхъ, и затѣмъ о внутренней цѣнности этихъ имуществъ, ихъ различныхъ промыслахъ и переходахъ отъ одного владѣльца къ другому со времени послѣдней переписи⁸.

Съ утра 1-го марта городъ Лиможъ былъ въ волненіи. Множество гражданъ всякаго званія толпились у входовъ къ тому мѣсту, гдѣ дожна была собраться курія. Судьи, декуріоны, дофензоръ, епископъ и высшее городское духовенство заняли кресла и скамьи сената. Референдарій Маркъ вошелъ въ собраніе съ почетною стражей и слугами, несшими его оцѣночныя книги и податныя росписи. Онъ представилъ данный ему указъ, скрѣпленный отпечаткомъ королевскаго кольца, и объявилъ окладъ и родъ податей назначенныхъ королемъ. Во времена римской имперіи, дофензоръ возвысилъ бы голосъ и сталъ бы дѣлать замѣчанія и возраженія по праву, данному ему на то закономъ⁹; но этотъ свѣтскій глава муниципальной власти исчезалъ, со времени владычества варваровъ, передъ епископомъ, который одинъ былъ способенъ принять на себя попеченіе о выгодахъ города. Лиможскій епископъ, Ферреоль, не уклонился отъ этого долга. Противопоставляя правамъ казны давность, онъ сказалъ, что городъ былъ переписанъ во времена короля Клотера и перепись эта сдѣлалась закономъ; что по смерти Клотера, когда граждане присягали Гильперіку, этотъ король обѣщаль клятвенно не вводить у ихъ ни новыхъ законовъ, ни

обычаевъ, ни отдавать никакихъ приказаній, клонящихся къ новымъ съ нихъ поборамъ, но держать ихъ такъ, какъ они жили подъ властію его отца¹⁰. За этими рѣчами, спокойнымъ выраженіемъ общаго неудовольствія и готовности къ сопротивленію, крившихся тогда въ городѣ, послѣдовалъ ропоть одобренія, раздавшійся со скамеекъ куріи, и, можетъ быть, по римскому обычаю, слышались съ разныхъ сторонъ общія восклицанія, подобныя слѣдующимъ: «Истинно! справедливо! Всѣ такъ думаютъ! Да, всѣ, всѣ!»¹¹»

Кичась своею властію и досадуя на задержку, которую могло причинить это сопротивленіе, Маркъ отвѣчалъ грубо и высокомерно; онъ сказалъ, что пришелъ для того, чтобъ дѣйствовать, а не спорить; требовалъ отъ города повинovenія королевскому указу и къ требованіямъ своимъ присоединилъ угрозы¹². Общіе крики внезапно покрыли его голосъ; волненіе въ собраніи сообщило толпѣ, собравшейся у дверей; она не выдержала и ринулась въ курію. Тогда умѣренное сопротивленіе уступило мѣсто народной ярости, и въ залѣ раздались крики: «Не хотимъ переписи! Смерть грабителю! Смерть хищнику! Смерть Марку¹³». Сопровождая эти вопли выразительными тѣлодвиженіями, народъ устремился къ тому мѣсту, гдѣ королевскій приставъ сидѣлъ рядомъ съ епископомъ. Въ эту критическую минуту, епископъ Ферреоль вторично исполнилъ благородный долгъ заступничества, соединенный съ его званіемъ: онъ велѣлъ Марку встать, взялъ его за руку и, удерживая голосомъ и знаками напоръ мятежниковъ, остановившихся съ изумленіемъ и уваженіемъ, достигъ выхода изъ залы и отвелъ референдарія въ ближайшую базилику¹⁴. Маркъ,

достигнувъ этого убѣжища, гдѣ жизнь его была въ безопасности, сталъ думать о средствахъ выбраться скорѣе изъ Лиможа; это удалось ему также съ помощію епископа, — онъ бѣжалъ, можетъ-быть, переодѣтый.

Между-тѣмъ въ залѣ куріи волненіе продолжалось. Судьи и сенаторы, свѣтскіе и духовные, смѣшались тамъ съ толпою народа. Одни были пасмурны, не зная на что рѣшиться; другіе предавались увлеченію политическихъ страстей. Въ числѣ послѣднихъ отличались, кажется священники и настоятели аббатствъ. Народъ, оставшійся съ минуту въ нерѣшимости и какъ-бы въ изумленіи отъ того, что выпустилъ живымъ и здоровымъ человѣка, которому готовилъ мщеніе, — обратилъ потомъ всю свою ярость на оцѣночныя книги, брошенныя Маркомъ въ бѣгствѣ. Самые отчаянные схватили ихъ съ намѣреніемъ изорвать, но другіе предложили перенести эти вѣдомости на площадь и тамъ сжечь съ торжествомъ, которое ознаменовало бы побѣду лиможскихъ гражданъ и рѣшимость ихъ не подчиняться новымъ налогамъ. Это предложеніе взяло верхъ; побѣжали обыскивать домъ, гдѣ жилъ референдарій, и вынесли оттуда всѣ, какія только нашли тамъ, росписи и книги, предназначенныя для другихъ городовъ. При радостныхъ кликахъ толпы, упоенной мятежемъ, сложенъ былъ костеръ. Граждане высшаго званія волновались наравнѣ съ другими и рукоплескали, глядя, какъ пламень разрушаетъ книги, привезенныя королевскимъ чиновникомъ¹⁵. Вскорѣ отъ нихъ остался лишь пепель; но эти книги были только списки, подлинникъ которыхъ хранился въ цѣлости въ сундукахъ королевской казны. Такимъ образомъ, избавленіе, которымъ хвалился городъ Лиможъ, не могло быть прочно.

Оно въ-самомъ-дѣлѣ было непродолжительно и послѣдствія его были плачевны.

Изъ перваго города, гдѣ Маркъ призналъ возможнымъ остановиться, онъ отправилъ гонца къ королю Гильперiku съ извѣстіемъ о важныхъ событіяхъ, совершившихся въ Лиможѣ. Мятежъ, угрозы смерти королевскому чиновнику и истребленіе вѣдомостей, — все это было такимъ преступленіемъ, которое во времена римскаго владычества, императоръ, какого-бы свойства ни былъ, никогда не прощалъ и не миловалъ. Въ настоящемъ дѣлѣ, къ преданіямъ имперіи присоединился духъ злобы и личной корысти, возбужденною видами собрать, при такомъ удобномъ случаѣ, обильную жатву конфискацій и пеней. Эти различные двигатели содѣйствовали, по-видимому, энергической рѣшимости короля. Онъ отправилъ въ Лиможъ нарочныхъ чиновниковъ и приказалъ имъ войти въ него или дружелюбно или силою и жестоко наказать гражданъ смертною казнію истязаніями, и наконецъ надбавкою податей, которыя привели бы ихъ въ ужасъ¹⁶. Повелѣніе это было исполнено въ точности; королевскіе пристава прибыли въ Лиможъ, и народъ, столь дерзко возставшій, не смѣлъ или не могъ защищаться. Послѣ короткаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ мятежа, лиможскіе сенаторы подверглись изгнанію, а за ними и всѣ знатнѣйшіе граждане. Аббаты и священники, обвиненные въ подстреканіи народа къ сожженію окладныхъ книгъ, были подвергнуты, на городской площади, разнаго рода мученіямъ¹⁷. Все достояніе казенныхъ и изгнанныхъ отобрано было въ казну, и на городъ наложена была особая дань, гораздо

тяжелѣе тѣхъ податей, въ платежѣ которыхъ онъ отказался¹⁸.

Пока лиможскихъ гражданъ постигала такая тяжкая кара за ихъ однодневный мятежъ, референдарій Маркъ продолжалъ свой административный объѣздъ и окончилъ его безпрепятственно. Черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ послѣ своего выѣзда, онъ возвратился въ бренскій дворецъ и привезъ деньги, собранныя имъ за первый срокъ новаго налога, вмѣстѣ съ переписями и установленною имъ раскладкою податей для всѣхъ городовъ королевства. Списки, относившіеся до городовъ, принадлежавшихъ Фредегондѣ, были вручены ей для храненія въ сундукахъ, гдѣ она берегла свое золото, драгоценности, дорогія ткани и грамоты на владѣніе помѣстьями¹⁹; остальные были возвращены въ нейстрійскую королевскую казну или впервые въ нее поступили. Изъ этой обширной финансовой операціи Маркъ извлекъ для себя огромныя выгоды, болѣе или менѣе незаконныя; богатства его были предметомъ зависти и проклятій со стороны собратій его по происхожденію, Галло-Римлянъ, отягченныхъ и разоренныхъ новыми налогами²⁰. Сами ли по себѣ повинности эти были невыносимы, или тяжесть ихъ увеличивалась отъ неправильной оцѣнки земель и неравномѣрной раскладки налоговъ, но только множество семействъ предпочло покинуть свое наслѣдіе и переселиться, нежели нести новую подать. Въ теченіе 580 года толпы выходцевъ оставляли нейстрійскія земли и селились въ городахъ, повиновавшихся Гильдеберту II или Гонтрану²¹.

Этотъ годъ, въ который правительственныя мѣры короля Гильперика, какъ бичъ, пали на Нейстрію, былъ

ознаменованъ во всей Галліи страшными бѣствіями. Весною, Рона и Сона, Луара и ея притоки, переполненныя непрерывными дождями, разлились и произвели большія опустошенія. Вся овернская равнина была наводнена; въ Лионѣ множество домовъ было смыто водою и обрушилась часть городскихъ стѣнъ²². Лѣтомъ градъ опустошилъ округъ Буржа; половина города Орлеана истреблена была пожаромъ. Довольно сильное землетрясеніе, повредившее городскія стѣны въ Бордо, распространилось и на его окрестности; ударъ, продолжившійся до предѣловъ Испаніи, отторгнулъ отъ Пиренеевъ огромныя глыбы скаль, раздавившихъ стада и людей²³. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, самая убійственная оспа открылась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральной Галліи и, распространяясь мало-помалу, обошла почти всю страну.

Мысль о тайномъ отравленіи, которая, въ подобныхъ бѣдствіяхъ, всегда представляется воображенію народа, была принята почти повсемѣстно и питія изъ противоядныхъ травъ играли главную роль между всѣми другими врачеваніями²⁴. Страшная смертность особенно поражала дѣтей и юношей. При этомъ плачевномъ зрѣлищѣ скорбь отцовъ и матерей была поразительна; она извлекаетъ у современнаго повѣствователя вопль сочувствія, въ выраженіи котораго есть много нѣжности и мягкости: «Мы теряли», говоритъ онъ, «своихъ кроткихъ и милыхъ младенцевъ, которыхъ грѣли на нашей груди, носили на нашихъ рукахъ, кормили съ заботливымъ стараніемъ собственными нашими руками; но мы осушали слезы наши и говорили, какъ святой мужъ Іовъ: «Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть: буде имя Господне благословенно во вѣки²⁵».

Когда повѣтріе, опустошивъ Парижъ и его окрестности, дошло до Суассона и вмѣстѣ съ этимъ городомъ охватило королевское мѣстопробываніе, Бренъ, оно постигло короля Гильперика почти перваго. Онъ почувствовалъ тяжкіе признаки начала болѣзни, но имѣлъ въ этомъ испытаніи преимущество возраста и скоро оправился²⁶. Пока онъ выздоравливалъ, занемогъ младшій изъ его сыновей, Дагобертъ, еще не окрещенный. По набожной предусмотрительности и въ надеждѣ призванія на младенца небесной благодати, родители поспѣшили окрестить его²⁷; ребенку, по видимому, сдѣлалось лучше, но вскорѣ братъ его, Клодобертъ, пятнадцати лѣтъ отъ роду, былъ пораженъ свирѣпствовавшимъ недугомъ²⁸. Видя двухъ сыновей своихъ на смертномъ одрѣ, Фредегонда почувствовала тѣ страшныя муки, которыя свойственны только сердцу матери подъ тяжестью этой скорби что-то странное совершилось съ этой душѣ, звѣрски себялюбивой. Въ ней пробудились проблески совѣсти и человѣческихъ чувствъ; ей пришло на умъ раскаяніе, жалость къ чужимъ страданіямъ, боязнь Божьяго суда. Зло, которое она совершила или присовѣтывала, особенно мрачныя событія того года, кровь пролитая въ Лиможѣ, разнаго рода бѣдствія, навлеченныя на все королевство новыми налогами, — все это ей представилось, смущая ея воображеніе и вселяя раскаяніе, смѣшанное со страхомъ²⁹.

Тревожимая материнскими опасеніями и угрызениями совѣсти, Фредегонда отдажды, находилась вмѣстѣ съ королемъ, въ комнатѣ, гдѣ лежали оба сына ея въ лихорадочномъ изнуреніи. На очагѣ горѣлъ огонь для приготовленія питья юнымъ страдальцамъ и по причинѣ наступившихъ сентябрскихъ холодовъ. Гильперикъ,

безмолвный, не показывалъ большаго волненія; напротивъ того королева, вздыхая, озиралась кругомъ и, устремляя взоры то на одного, то на другаго сына, обнаруживала своими тѣлодвиженіями безпокойство и смущеніе мыслей, ее волновавшихъ. Въ такомъ состояніи души германскимъ женщинамъ часто случалось говорить импровизированными стихами, или языкомъ болѣе поэтическимъ и мѣрнымъ, нежели обыкновенный разговоръ. Увлекала ли ихъ сильная страсть, или хотѣли онѣ сердечнымъ изліяніемъ ослабить горечь какихъ либо душевныхъ страданій, всегда прибѣгали онѣ къ такому болѣе торжественному способу выраженія своихъ впечатлѣній и разнаго рода чувствованій, печали, радости, любви, вражды, негодованія или презрѣнія³⁰. Подобное вдохновеніе снизошло на Фредегонду; она обратилась къ королю и, устремивъ на него взоръ, требовавшій вниманія, произнесла слѣдующія слова³¹:

«Давно мы творимъ зло и милосердіе Божіе насъ терпитъ; часто оно карало насъ болѣзнями и другими бѣдствіями, а мы все не исправились.

«И вотъ теряемъ сыновей нашихъ; ихъ изводятъ слезы неимущихъ, жалобы вдовиць, воздыханія сиротъ, и нѣтъ намъ надежды кого нибудь сберечь.

«Мы стяжаемъ золото, не зная, для кого все это копимъ; теперь сокровища наши, вызвавшія столько насилій и проклятій остаются безъ господина.

«Не полны развѣ были виномъ наши подвалы? Не ломились развѣ подъ пшеномъ наши житницы? Развѣ сундуки наши не были набиты золотомъ, серебромъ, каменьями,

ожерельями и разнымъ царскимъ уборомъ? Что имѣли лучшаго, то нынѣ теряемъ³²»

Тутъ слезы, которыя въ началѣ этой жалобы заструились изъ очей королевы, а потомъ, при каждой паузѣ, лились все обильнѣе, наконецъ заглушили ея голосъ. Она замолчала и понурила голову, рыдая и ударяя себя въ грудь³³; потомъ встала, какъ-бы вдохновенная внезапною мыслію, и сказала королю: «И такъ, если ты мнѣ вѣришь въ этомъ, пойдѣмъ и бросимъ въ огонь всѣ эти росписи незаконныхъ налоговъ; на нашу казну станетъ и того, что доставало отцу твоему, королю Клотеру³⁴». Она тотчасъ же приказала вынуть изъ своихъ сундуковъ переписныя вѣдомости, которыя Маркъ привезъ изъ городовъ, ей принадлежавшихъ. Когда ихъ подали, то она взяла ихъ и одну за другою побросала на широкій очагъ, на горячіе уголья. — Взоры ея одушевлялись, глядя, какъ пламень обхватывалъ и пожиралъ эти списки, составленные съ великимъ трудомъ; но король Гильперикъ, болѣе удивленный, нежели обрадованный такимъ неожиданнымъ поступкомъ, глядѣлъ, не вымолвивъ ни слова одобренія. «Развѣ ты колеблешься», повелительно сказала ему королева: «дѣлай, что, ты видишь, я сдѣлала; если теряемъ сыновей нашихъ, то по-крайней-мѣрѣ сами избѣгнемъ вѣчныхъ мученій³⁵».

Повинуясь такому внушенію, Гильперикъ пошелъ въ комнату, гдѣ были собраны и хранились государственные акты. Онъ велеблъ достать оттуда всѣ росписи, составленныя для взиманія новыхъ податей, и приказалъ бросить ихъ въ огонь; послѣ того разослалъ въ разныя области своего королевства гонцовъ съ объявленіемъ, что прошлогодній указъ о поземельномъ налогѣ уничтоженъ

королемъ, и съ запрещеніемъ графамъ и всѣмъ короннымъ чиновникамъ взимать его на будущее время³⁶.

Между-тѣмъ, смертельная болѣзнь не прекращалась; младшій изъ двухъ дѣтей скончался первый. Родители пожелали похоронить его въ базиликѣ Сен-Дени и велѣли перенести тѣло изъ брэнскаго дворца въ Парижъ, но не сопровождали его сами³⁷. Всѣ ихъ заботы обратились тогда на Клодоберта, положеніе котораго подавала лишь слабую надежду. Отвергнувъ всякую человѣческую помощь, родители положили его на носилки и пѣшкомъ проводили въ Суассонъ, въ базилику св. Медара. Тамъ, по суевѣрному обычаю того времени, они установили постель Клодоберта рядомъ съ гробницею святаго и дали торжественный обѣтъ за возстановленіе его здоровья. Но больной, утомленный усталостью отъ нѣсколькихъ миль дороги, въ тотъ же день впалъ въ предсмертное томленіе и къ полуночи умеръ³⁸. Эта смерть сильно тронула всѣхъ городскихъ жителей; съ сочувствіемъ, которое обыкновенно внушаетъ преждевременный конецъ царственныхъ особъ, граждане Суассона соединяли также и мысль о собственной своей участи. Почти каждый изъ нихъ оплакивалъ какую либо недавнюю утрату. Они толпой повалили на похороны молодаго принца, и провожали его до мѣста погребенія, въ базиликѣ святыхъ мучениковъ Крепина и Крепиньяна. Мужчины проливали слезы, а женщины, одѣтыя въ черномъ, изъявляли такую же горестъ, какъ-бы при погребеніи отца или мужа; имъ казалось, что, провожая эти похороны, онѣ облеклись въ печаль за всѣ семейства³⁹.

Въ изъявленіе отцовской горести, Гильперикъ роздалъ богатые дары на церкви и бѣдныхъ. Онъ не вернулся въ Брэнъ, гдѣ пребываніе было для него непріятно и гдѣ

эпидемія продолжала свои опустошенія; выѣхавъ изъ Суассона съ Фредегондой, онъ поселился въ нею въ одномъ изъ королевскихъ дворцовъ, находившихся на опушкѣ обширнаго Кюизскаго Лѣса, недалеко отъ Компьена. Тогда былъ октябрь мѣсяць, пора осенней охоты, имѣвшей значеніе народнаго празднества; всякій мужчина франкскаго происхожденія предавался этой забавѣ съ увлеченіемъ, способнымъ заглушить въ немъ самую сильную горестъ⁴⁰. Движеніе, шумъ, прелесть дѣятельнаго и нерѣдко опаснаго занятія, утоляли скорбь короля и по временамъ возвращали ему спокойное расположеніе духа; но печаль Фредегонды не знала ни развлеченія, ни отдыха. Скорбь матери еще болѣе увеличивалась въ ней отъ ожиданія перемѣны, которую потеря обоихъ сыновей должна была повлечь въ ея королевскомъ значеніи, и отъ опасеній ея на счетъ будущаго. Оставался только одинъ наслѣдникъ Нейстрискаго Королевства, и то былъ Клодовигъ, сынъ другой женщины, супруги, — которую она нѣкогда вытѣснила, — человекъ, котораго недавній заговоръ выставилъ ей предметомъ надежды и козней враговъ ея⁴¹. Будущее вдовство, несчастіе, котораго она ежедневно должна была страшиться, поражало ее ужасомъ; въ тревожныхъ опасеніяхъ своихъ она воображала себя низложенною, лишенною почестей, власти, богатствъ, подвергнутою мести и жестокостямъ, или униженію худшему, смерти.

Однако это новое душевное безпокойство не обратило ее къ такимъ же помысламъ, какъ первое. Ставъ на короткое время выше самой себя, благодаря благороднымъ и нѣжнымъ внушеніямъ материнскаго чувства, она снова возвратилась къ собственному характеру, къ безмѣрному

себялюбію, коварству и жестокосердію. Она стала изыскивать средства вовлечь Клодовига въ сѣти, и для гибели врага своего рассчитывала въ умѣ на бичь, похитившій у нея собственнаго ея сына. Молодой принцъ, не бывъ въ Брени, избѣжалъ язвы; она рѣшилась, подъ лживымъ предлогомъ, внушить отцу его мысль отправить его въ это мѣсто, гдѣ зараза губила все сильнѣе и сильнѣе. Придуманнй ею, для убѣжденія своего мужа, предлогъ состоялъ вѣроятно въ необходимости вывѣдать, черезъ довѣренное лицо, черезъ члена семейства, о томъ, что дѣлается въ этомъ королевскомъ жилищѣ, внезапно покинутомъ господами и подверженномъ воровству и хищеніямъ новаго рода. Ни мало не подозрѣвая тайныхъ побужденій этого совѣта, Гильперикъ его одобрилъ; онъ отправилъ къ Клодовигу, съ гонцомъ, приказаніе ѣхать въ Брень, и юноша повиновался съ тою сыновнею покорностію, которая была въ духѣ германскихъ нравовъ⁴².

Вскорѣ король переѣхалъ изъ Кюизскаго Лѣса въ помѣстье Шелль, на Марнѣ, для личнаго надзора за уборкою годовой жатвы или, можетъ-быть, за тѣмъ, чтобы придать разнообразія своимъ развлеченіямъ. Тамъ вспомнилъ онъ о своемъ сынѣ, находившемся, въ угоду ему, въ Брени среди опасности, почти неизбѣжной, и вызвалъ его къ себѣ⁴³. Клодовигъ возвратился живъ и здоровъ; полный довѣрія къ самому себѣ и къ счастію, допустившему его пережить младшихъ братьевъ, онъ будто нарочно раздражалъ досаду и ненависть Фредегонды. Онъ обходился съ нею съ презрительною гордостью и всякому встрѣчному говорилъ рѣчи, подобныя слѣдующимъ⁴⁴: «Братья мои перемерли; королевство достается мнѣ одному; вся Галлія будетъ мнѣ подвластна; судьба готовитъ

мнѣ всемірное царство. — Враги мои у меня въ рукахъ; я поступлю с ними, какъ мнѣ заблагоразсудится»⁴⁵. Къ такому ребяческому самохвальству, дышащему гордостью, внушенною Нейстрійцамъ недавними завоеваніями и ихъ надеждою возстановить единство франкскаго господства, ему нерѣдко случалось присоединять и ругательства на королеву⁴⁶.

Фредегондѣ были извѣстны всѣ рѣчи ея пасынка, и при томъ сильномъ безпокойствѣ, въ которомъ она тогда находилась, эти пустыя слова наводили на нее ужасъ. Сперва доносили ей вѣрно; потомъ къ истинѣ примѣшалась ложь; наконецъ ей сообщали чистыя сказки, выдуманная изъ ревностнаго усердія⁴⁷. Однажды кто-то сказалъ ей: «Если ты лишилась сыновей, то единственно отъ козней Клодовига. Онъ въ связи съ дочерью одной изъ твоихъ прислужницъ и научилъ мать извести колдовствомъ дѣтей твоихъ. Предваряю тебя, не жди теперъ лучшаго и себѣ, потерявъ то, что давало тебѣ надежду на царство⁴⁸». Этотъ лживый доносъ, поразивъ королеву словно электрической ударъ, возбудилъ въ ней всю ея энергію и обратилъ ее отъ унынія къ ярости. Она велѣла схватить въ своемъ домѣ, связать и привѣсть къ себѣ обѣихъ женщинъ, ей указанныхъ. По ея приказанію, любовницу Клодовига сѣкли розгами и отрѣзали ей косу въ знакъ позора, которымъ, по обычаю Германцевъ, отмѣчали передъ наказаніемъ, прелюбодѣйную женщину или распутную дѣвушку; потомъ выставили несчастную на дворцовомъ дворѣ, ущемивъ ея тѣло между двумя половинками расщепленнаго бревна, поставленнаго передъ окнами молодаго принца, чтобы за-одно пристыдить и огорчить его⁴⁹. Между-тѣмъ, пока дочь

подвергалась этой казни, призвали къ допросу мать и пыткой заставили ее сдѣлать ложное признаніе въ чародѣйствѣ, въ которомъ ее винули⁵⁰.

Съ этимъ доказательствомъ, на которое, казалось, не было возраженій, Фредегонда пошла къ королю, рассказала ему все, что узнала, и требовала отмщенія Клодовигу. Разказъ ея, искусно перемѣшанный съ намеками, которые могли заставить Гильперика опасаться за собственную свою жизнь, сдѣлалъ на него такое впечатлѣніе, что, ничего не разбирая, никого не спрашивая, даже не выслушавъ своего сына, онъ рѣшился предать его на судъ мачихѣ⁵¹. Сдѣлавшись отъ легковѣрія малодушнымъ, предполагая въ Клодовигѣ, сверхъ преступленія, въ которомъ его обвиняли, мысль о похищеніи престола и отцеубійствѣ, король не осмѣлился задержать его во дворцѣ, въ кругу юныхъ товарищей, но хотѣлъ овладѣть имъ посредствомъ какой-либо западни. Въ тотъ день, въ лѣсу близъ Шелли, назначена была охота; король поѣхалъ туда въ сопровожденіи только нѣкоторыхъ изъ преданныхъ ему лицъ, въ числѣ которыхъ были герцогъ Бобъ или Бодегизель и герцогъ Дезидерій, искусный и счастливый предводитель войска, продолжавшаго въ то время въ Аквитаніи завоеваніе городовъ Гильдеберта и Гонтрана⁵². Прибывъ къ нейстрійскому двору въ промежуткѣ двухъ походовъ, онъ явился тутъ, какъ-бы въ урочный часъ, помочь рукой своей безразсудному гнѣву отца на сына и исполнить ту роль орудія рока, которую галло-римское дворянство не разъ разыгрывало въ домашнихъ переворотахъ меровингской династіи⁵³.

На одномъ привалѣ въ лѣсу, Гильперикъ остановился и послалъ гонца за Клодовигомъ, съ приказаніемъ явиться

одному, для тайнаго разговора⁵⁴. Юноша, можетъ-быть, подумаль, что это тайное свиданіе устроено отцомъ его для того, чтобы доставить средство съ нимъ объясниться, говорить свободно и доказать свою невинность; по-крайней-мѣрѣ, онъ немедленно повиновался, ни мало не подозрѣвая того, что должно было совершиться. Прибывъ въ лѣсъ, онъ вскорѣ очутился передъ своимъ отцомъ и герцогами Бобомъ и Дезидеріемъ, соявшими близъ него. Неизвѣстно, съ какимъ видомъ король встрѣтилъ своего сына: разразился ли онъ упреками и проклятiями, или подалъ только повелительный знакъ въ угрюмомъ безмолвіи. По этому знаку, или по данному приказанію, Дезидерій и Бобъ подошли къ молодому принцу и, схвативъ его, каждый съ своей стороны, за руку, крѣпко держали его, пока у него отбирали мѣчь⁵⁵. Когда онъ былъ обезоруженъ, съ него сняли богатую одежду и покрыли грубымъ рубищемъ; одѣтый такимъ образомъ и связанный, какъ злодѣй, онъ былъ отведенъ къ королевѣ и предоставленъ ея произволу⁵⁶.

Хотя Фредегонда уже заранѣе обдумала, что сдѣлать, когда жизнь послѣдняго изъ ея пасынковъ будетъ въ ея рукахъ, однако она не торопилась: изъ расчета и предусмотрительности, никогда ея не покидавшихъ, она удержала Клодовига плѣнникомъ во дворцѣ, съ намѣреніемъ лично допросить его и извлечь изъ его отвѣтовъ или улики противъ него самаго, или свѣдѣнія о его связяхъ, дружественныхъ или основанныхъ на расчетѣ⁵⁷. Въ-теченіе трехъ дней, это домашнее слѣдствіе свело лицомъ-къ-лицу, въ неравной борьбѣ, два существа совершенно различнаго покроя, женщину столь же хитрую, сколько безжалостную, искусную въ притворствѣ и

сильную волей, и юношу безразсуднаго, вѣтреннаго, откровеннаго сердцемъ и неосторожнаго на словахъ. Допросы плѣнника касались трехъ пунктовъ, предложенныхъ ему во всевозможныхъ видахъ: Чтò онъ могъ показать на счетъ обстоятельствъ преступленія, въ которомъ его обвиняли? Кто именно научалъ его или совѣтовалъ ему? Съ кѣмъ въ особенности онъ былъ связанъ дружкой⁵⁸»?

Какъ ни ухищрялись для уловленія Клодовига, онъ былъ непоколебимъ въ отрицаніяхъ своихъ на всѣ приводимыя доказательства, но не устоялъ противъ удовольствія похвалиться своимъ могуществомъ и преданностью друзей и назвалъ ихъ въ большомъ числѣ⁵⁹. Этихъ свѣдѣній было достаточно для королевы; она прекратила слѣдствіе, чтобъ перейти къ исполненію того, что ею было задумано. Утромъ на четвертый день, Клодовигъ, все еще связанный или закованный, былъ переведенъ изъ Шелли въ Нуази, королевское помѣстье, находившееся не въ далекѣ, на другомъ берегу Марны⁶⁰. Стража, переведшая его такимъ образомъ, какъ-бы для перемѣны темницы, имѣла тайныя приказанія; черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія его, онъ былъ пораженъ на смерть ножемъ, который оставили въ его ранѣ, и зарытъ въ могилѣ, выкопанной близъ стѣны въ часовнѣ, принадлежавшей къ нуазійскому дворцу⁶¹.

По совершеніи убійства, люди, наученные Фредегондой, явились къ королю и объявили ему, что Клодовигъ, доведенный до отчаянія великостью своего преступленія и невозможностью помилованія, самъ наложилъ на себя руку; въ доказательство самоубійства они прибавили, что оружіе, нанесшее ему смерть, оставалось еще въ его ранѣ⁶². Гильперикъ, невозмутимый въ своемъ легковѣріи, ни

маоло не усомнился и не произвелъ ни изслѣдованія, ни осмотра; считая своего сына, преступникомъ, покаравшимъ самага себя, онъ не оплакивалъ его, и даже не отдалъ никакихъ приказаній на счетъ его погребенія⁶³. Такою забывчивостью воспользовалась королева, вражда которой не могла насытиться; она поспѣшила приказать выкопать изъ могилы тѣло своей жертвы и бросить его въ Марну, чтобы и послѣ нельзя было похоронить его съ честію⁶⁴. Но этотъ ваварскій расчетъ оказался неудаченъ; трупъ Клодовига не остался на днѣ рѣки и не былъ увлеченъ теченіемъ, но попалъ въ сѣти, разставленныя сосѣднимъ рыбакомъ. Вытаскивая неводъ, онъ извлекъ трупъ изъ воды и узналъ въ немъ молодаго принца по длиннымъ волосамъ, которыхъ недогадались ему отрѣзать. Проникнутый почтеніемъ и состраданіемъ, онъ перенесъ тѣло на берегъ и похоронилъ его въ могилѣ, которую, для замѣтки, прикрылъ дерномъ, сохраняя въ глубокой тайнѣ свое благочестивое дѣло, способное погубить его⁶⁵.

Фредегонда не имѣла болѣе причинъ бояться, чтобы сынъ Гильперика, рожденный отъ другой жены, наслѣдовалъ королевство; ея безопасность въ этомъ отношеніи была совершенная, но злоба ея не истощилась. Мать Клодовига, супруга, отторгнутая ею, Авдовера, жила еще въ монастырѣ города Манса; эта женщина имела право требовать у нея отчета въ собственномъ ея бѣдствіи и въ смерти двухъ сыновей, одного, загнаннаго ею, какъ дикаго звѣря и доведеннаго до самоубійства⁶⁶, другаго зарѣзаннаго. Сочла ли Фредегонда возможнымъ, чтобы Авдовера, въ тиши монастыря, таила мщеніе и нашла средства его исполнить, или ненависть ея не имѣла другаго побужденія, кромѣ зла, которое она сама причинила, только вражда эта достигла

высшей степени; новое преступленіе вскорѣ послѣдовало за убійствомъ Клодовига.

Слуги королевы, снабженные ея приказаніями, отправились къ Мансъ и по прибытіи велѣли отворить себѣ врата обители, куда, болѣе пятнадцатли лѣтъ тому назадъ, удалилась Авдовера и гдѣ она выросила при себѣ дочь свою, Гильдесвинду, прозывавшуюся Базиной⁶⁷. Обѣихъ ихъ касалось ужасное порученіе, данное Фредегондой; мать была умерщвлена, а дочь, вещь невѣроятная, если бы не подтверждалъ того современникъ, собственная дочь Гильперика, была изнасилована и подверглась такому позору при его жизни⁶⁸. Помѣстья, которыя Авдовера нѣкогда получила какъ-бы во утѣшеніе за разводъ, и все остальное имущества ея, Клодовига и сестры его, все досталось Фредегондѣ⁶⁹. А бѣдная дѣвушка, оставшаяся въ живыхъ, обезчещенная, безсемейная, хотя имѣла отца и отецъ этотъ былъ королемъ, затворилась въ монастырѣ въ Пуатье и ввѣрилась материнскимъ попеченіямъ основательницы этой обители, кроткой и благородной Радегонды⁷⁰.

Женщина, показавшая, подъ истязаніями пытки, на самого себя и на Клодовига, обречена была судомъ на сожженіе живою. Идя на казнь, она отреклась отъ своихъ признаній и громко кричала, что все сказанное ею ложно; но Гильперикъ, тотъ, кого слова эти должны были привести въ содроганіе, не выходилъ изъ своего страннаго оцѣпенѣнія, и слова обвиненной безслѣдно заглохли въ пламени костра⁷¹. Другихъ казней не было въ шелльскомъ дворцѣ; слуги и друзья Клодовига, наученные примѣромъ того, что три года назадъ постигло товарищей его брата, во-время

разбѣжались въ разныя стороны и старались удалиться изъ королевства⁷².

Повелѣнія, разосланныя къ пограничнымъ графамъ, предписывали имъ заградить путь бѣглецамъ; но только одинъ, казначей Клодовига, былъ схваченъ въ то время, когда перебирался въ буржскую землю, принадлежавшую къ королевству Гонтрана. Когда его возвращали черезъ городъ Туръ, то епископъ Григорій, повѣствователь этихъ печальныхъ событій, увидѣвъ его идущаго съ связанными руками, узналъ отъ стражей, что его вели къ королевѣ и какая участь его ожидала⁷³. Григорій, сострадая несчастному, передалъ проводникамъ его письмо, которымъ просилъ даровать ему жизнь. Эта просьба челоуѣка, котораго Фредегонда нехотя уважала, привела ее въ спасительное изумленіе, и она удержалась, какъ-будто тайный голосъ шепталъ ей: «довольно». Горячка жестокости ея прекратилась; она показала милосердіе льва, презрѣніе къ бесполезному убійству, и не только избавила плѣнника отъ пытки и казни, но даже предоставила ему свободу идти, куда угодно⁷⁴.

Черезъ пять лѣтъ, Гильперикъ былъ зарѣзанъ, оставивъ наслѣдникомъ своего королевства четырехъ-мѣсячнаго сына. Фредегонда, сознавая свое безсиліе противъ возстанія своихъ враговъ, поручила этого младенца и самое-себя покровительству короля Гонтрана, прибывшаго къ ней въ Парижъ. Во время этой поѣздки, которая должна была доставить ему вліяніе на дѣла Нейстріи, Гонтрана волновали противоположныя чувствованія: радость, что онъ въ состояніи отплатить за все зло, причиненное ему Гильперикомъ, и горестъ, которую онъ, какъ добрый братъ, ощущалъ по его кончинѣ; недовѣрчивость въ обманчивой

дружбѣ Фредегонды и необходимость оказать ей услугу, дабы утвердить за собой опеку надъ ея сыномъ и регенство надъ королевствомъ⁷⁵. Съ одной стороны, честолюбіе удерживало его въ Парижѣ; съ другой — неопредѣленный страхъ побуждалъ сократить по возможности пребываніе въ этомъ городѣ, казавшееся ему опаснымъ; онъ игралъ роль покровителя и защитника Фредегонды и остерегался ея⁷⁶. Мнительность его приводила ему на память насильственный конецъ его брата и племянниковъ, Меровига и Клодовига; особенно эти послѣдніе, погибшіе въ цвѣтѣ лѣтъ и не причинившіе ему никакого зла, были предметомъ его помысловъ, смѣшанныхъ съ опасеніемъ за самого себя и сѣтованіями о родственникахъ. Онъ безпрестанно говорилъ о нихъ, и жалѣлъ, что не можетъ по крайней-мѣрѣ похоронить ихъ прилично, не зная мѣста, куда тѣла ихъ заброшены⁷⁷. Мысли эти побудили его собрать на этотъ счетъ справки, и вскорѣ слухъ о благочестивыхъ его розысканіяхъ разнесся по окрестностямъ Парижа. Одинъ поселянинъ, прослышавъ о томъ, пришелъ въ королевское жилище, испрашивая дозволенія говорить съ королемъ и, бывъ къ нему допущенъ, сказалъ: «Если мнѣ отъ того не будетъ послѣ худо, то я укажу мѣсто, гдѣ лежитъ трупъ Клодовига⁷⁸».

Обрадованный этими словами, король Гонтранъ поклялся крестьянину, что не сдѣлаетъ ему никакого вреда, но напротивъ, если онъ докажетъ объявленное, то будетъ награжденъ дарами⁷⁹. Тогда человекъ этотъ продолжалъ: «О! король, я говорю правду, дѣло само докажетъ это. Когда Клодовигъ былъ убитъ и погребенъ подъ кровлей часовни, кто королева, опасаясь, чтобъ онъ современемъ не былъ открытъ и похороненъ съ честію, приказала бросить его въ

Марну. Я нашель его въ неводѣ, который разставиль, какъ надлежитъ по ремеслу моему, потому-что я рыболовъ. Сначала незналь я, кто бы это былъ, но потомъ по длиннымъ волосамъ догадался, что это Клодовигъ. Я взвалиль его на плечи и отнесъ на берегъ, гдѣ похорониль и сдѣлалъ надъ нимъ дерновую могилу. Прахъ его въ цѣлости; дѣлай теперь, что хочешь⁸⁰».

Гонтранъ, подъ видомъ отправленія на охоту, велѣль рыбаку проводить себя туда, гдѣ онъ воздвигнулъ дерновый холмъ⁸¹. Разрывъ землю, нашли трупъ Клодовига, лежвшій на спинѣ и почти неповрежденный; часть волосъ, бывшихъ подъ низомъ, отдѣлись отъ головы, но остальные, съ длинными висящими косами, на ней уцѣлѣли⁸². По этому признаку, разсѣявшему всѣ сомнѣнія, король Гонтранъ узналъ сына своего брата, одного изъ тѣхъ, чьи остатки онъ такъ желалъ отыскать. Онъ приказалъ великолѣпно похоронить молодаго принца и, самъ предводя погребальнымъ шествіемъ, велѣль перенести тѣло въ базилику св. Винцента, что нынѣ Сен-Жермень-де-Прё⁸³. Нѣсколько недѣль спустя, тѣло Меровинга, отысканное близъ Теруанна, было перенесено въ Парижъ и погребено въ той же церкви, гдѣ также почивалъ и король Гильперикъ⁸⁴.

Храмъ этотъ былъ общимъ мѣстомъ погребенія для всѣхъ Меровинговъ, преимущественно тѣхъ, которые, погибнувъ насильственною смертію, не могли сами избрать себѣ могилы. Каменный помостъ его еще существуетъ, и въ стѣнахъ зданія, нѣсколько разъ перестроеннаго, покоится еще прахъ сыновъ покорителей Галліи. Если рассказы эти имѣють какую либо цѣну, то усугубяють уваженіе нашего времени къ древнему королевскому аббатству, нынѣ

простой приходской церкви Парижа, и къ мыслямъ на которыя наводитъ это мѣсто, болѣе тринадцати вѣковъ посвященное молитвѣ, прибавятъ можетъ-быть, новое ощущение.

¹ Greg. Turon., apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 253. — Тутъ слѣдуетъ припомнить о пяти городахъ, составлявшихъ вдовій удѣлъ Галесвинты.

² Greg. Turon., стр. 202. — Ibid., стр. 299.

³ Ibid., стр. 350.

⁴ Gesta reg. Franc., apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 563. — Aimoini monachi floriac., ibid., т. III, стр. 81.

⁵ Greg. Turon., стр. 251. — Галльская десятина, aripennis, соотвѣтствовала, по исчисленію г. Дюро-де-ла-Малль, двѣнадцати арамъ, шестидесяти четыремъ центіарамъ, или 277,695 кв. саж.; амфора вмѣщала въ себѣ 26 литровъ, или на русскую мѣру 2,115 ведра.

⁶ Greg. Turon., стр. 251. — Ibid., стр. 209. — Aimoini monachi floriac., стр. 81. — При меровингскихъ короляхъ канцлерамъ, хранителямъ печати или королевскаго кольца давали титулъ референдарія.

⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251. — Adriani Valesii Rer. franc., т. II, стр. 12. — Обыкновенныя собранія римскаго сената происходили каждый мѣсяць въ Календы и Иды (см. Adam, Antiquités remains., т. I, стр. 14 — 15).

⁸ Множество фактовъ, приводимыхъ Григоріемъ Турскимъ, свидѣтельствуютъ, что вопросы, относившіеся до раскладки податей, рѣшались, въ каждомъ городѣ, королевскими приставами и муниципалитетомъ, безъ всякаго вмѣшательства графа. См. что говоритъ Григорій о Меровигѣ, пуатьескомъ епископѣ и о себѣ самомъ, книга IX, глава XXX.

⁹ Cod. Just., tit. LV, l. 4.

¹⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 350. — Обѣщаніе, данное въ 561 году, королемъ Гарибертомъ, городамъ его удѣла, безъ сомнѣнія было дано и другими сыновьями Клотера въ ихъ королевствахъ. Такимъ образомъ то, что относится до города Тура, можетъ быть примѣнено къ Лиможу, исключая того, что Туръ, на основаніи особенной льготы, требовалъ совершенной отмѣны налоговъ.

¹¹ Vere, vere. — Modo vere, modo digne. — Aequum est, justum est. — Omnes censemus. — Omnes, omnes. — См. Lamprid., apud. script. hist. Augustae, стр. 53, а также въ *Mèmoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, т. I, стр. 115, замѣтку о восклицаніяхъ народа и сената. Отъ гражданскихъ собраній они перешли въ церкви и употреблялись при избраніяхъ епископовъ и проповѣдяхъ.

¹² Aimoini monachi floriac., стр. 81.

¹³ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251.

¹⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251.

¹⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 251. — Ibid., стр. 409. — Aimoini monachi floriac., de Gest. Franc., стр. 81.

¹⁶ Ibid., стр. 151.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid., стр. 252 и 253.

²⁰ Ibid., стр. 251.

²¹ Ibid., стр. 252.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., стр. 253.

²⁵ Ibid. — Книга Іова, гл. I, стихъ 21.

²⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253. — Aimoini monachi, de Gest. Franc., стр. 82.

³⁰ Множество примѣровъ тому находится въ сагахъ, самыхъ полныхъ памятникахъ древнихъ германскихъ нравовъ. Въ этихъ разсказахъ дѣйствующіе лица, мужчины и женщины, импровизируютъ часто; импровизаціи женщинъ обыкновенно предшествуютъ слова: *Tha kvad hun visu thessa; Hun warar og kvad visu; Enn hun kvab visu* (тогда она сказала слѣдующіе стихи; она отвѣчала и сказала эти стихи; она сказала ему стихами и проч.). См. *Saga af Ragnali Lodbrok*, гл. IV, X. XVI; *Skioldunga saga*, гл. XXXI; *Volsunga saga*, гл. XXIX, и все собраніе подъ названіемъ: *Nordiska Kaempa dater*.

³¹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

³² Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253. — Нельзя подуматъ, чтобы эта рѣчь, такая выразительная и страстная, была амплификаціей лѣтописца;

Григорій Турскій не имѣеть привычки декламировать за своихъ лицъ; онъ влагаетъ въ уста ихъ рѣчи, которыя или самъ слышалъ, или приписывали имъ современники. Если же рѣчь Фредегонды была, какъ должно думать, воспроизведена по слуху, то характеръ ея можно объяснить только предшествующимъ предположеніемъ.

³³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 253.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid. — Медаръ, епископъ нойонскій, умершій въ 569 году, былъ погребенъ въ Суассонѣ, по повелѣнію короля Клотера.

³⁹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 253.

⁴⁰ Ibid., стр. 256. — *Adriani Valesii Rer. franc.*, т. II, стр. 108.

⁴¹ Заговоръ Левдаста и священника Риккульфа. См. выше, пятый рассказъ, стр. 106, 135 и 135. — Клодовигу было тогда около 25-ти лѣтъ.

⁴² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 256.

⁴³ Ibid. — Шелль находится въ департаментѣ Сены-и-Марны, въ шестидесяти лѣ отъ Парижа.

⁴⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 256.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. — Распространеніе Нейстріи продолжалось, съ 577 года, послѣдовательнымъ занятіемъ всѣхъ аквитанскихъ городовъ, принадлежащихъ частію Австразіи, частію королевству Гонтрана. Это покореніе было окончено въ 582 году. См. третій и шестой Разказы.

⁴⁷ Ibid. — *Aimoini monachi, de Gest. Franc.*, стр. 87.

⁴⁸ Ibid., стр. 256.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid., стр. 256, 290 и 364. — Слоги *Бобъ, Бабъ, Бодъ, Бадъ, Батъ* часто употреблялись, какъ уменьшительныя, вмѣсто германскихъ именъ, составленныхъ изъ словъ *Бальдъ* или *Бодъ* и какого нибудь другаго. — См. выше третій и шестой Разказы.

⁵³ См. Исторію Аркадія, авернскаго сенатора (Григорій Турскій, кн. III, гл. IX, XII и XVIII).

⁵⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 256.

⁵⁵ Ibid.

-
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Ibid. — Нуази-ле-грань, въ четырехъ лѣ къ сѣверо-востоку отъ Парижа.
- ⁶¹ Ibid., стр. 316.
- ⁶² Ibid., стр. 256.
- ⁶³ Ibid., стр. 257.
- ⁶⁴ Ibid., стр. 316.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Меровигъ; см. третій Разсказъ.
- ⁶⁷ См. первый Разсказъ, стр. 8. — *Базина* значитъ *добрая*; корень этого слова *bas* или *bat*, смотря по нарѣчію встрѣчается въ новомъ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ въ прилагательныхъ сравнительной степени, *besser* и *better* и превосходной, *best*.
- ⁶⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 257.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Ibid. — См. выше, пятый разсказъ.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Ibid. — См. третій Разсказъ, стр. 70, смерть сотоварищей Меровига.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 295.
- ⁷⁶ Ibid., стр. 316.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Ibid.
- ⁸² Ibid., стр. 317.
- ⁸³ Ibid.
- ⁸⁴ Ibid.